

ОГОНЁК

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЮГОСЛАВИИ—19 ЛЕТ

С ДОБРОЙ ВАХТОЙ, МОРЯНЕ!

Инна Гофф. повесть «НЕ ВЕРЬ ЗЕРКАЛАМ»

Дэвид Говард. ГРЕНЛАНДСКАЯ ОДИССЕЯ

Фельетон: ОПЕРАЦИЯ «ДЕГОТЬ»

№ 49 НОЯБРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ия МЕСХИ

Фото В. ДЖЕЙРАНОВА.

С ДОБРОЙ ВАХТОЙ, МОРЯНЕ!

Нефтяные Камни. Посреди Каспийского моря городок на стальных сваях, в одну сторону — километров 13, в другую — километра 4. Ну, а захочешь увидеть все его дороги, за два дня, пожалуй, не успеешь: протяженность их — 140 километров.

И есть здесь три поселка. Один называется Центральный, другой — 8-й километр, третий — по имени затопленного тут корабля — Чванов. В этих поселках живут, сменяя друг друга через 9—15 суток, около 5 тысяч человек.

Но детей нет, потому что малышу в этом месте жить не под силу. Правда, несколько лет тому назад Саша Андин заторопился и именно здесь увидел свет. Это тот случай, когда человеку трудно будет объяснять, где он родился. На земле? На море? В воздухе?

Однако чем это не город, если в нем есть своя электростанция, своя телефонная сеть на 300 с лишним номеров, пекарня, газопровод, водопровод? Правда, своей пресной воды здесь нет. Всю воду, которая бежит из кранов, в прачечных и душевых, кипит в кастрюлях и самоварах, привозят сюда по морю с материка.

Работа и жизнь в этом месте называется одним словом — вахта. «Я прибыл на вахту»,— говорит человек. «Я кончил вахту».

После смены люди читают, смотрят кинофильмы и телепередачи, развлекаются, учатся, словом, так, как везде. И все-таки это вахта, и вахта для всех: нефтяников и строителей, врачей и педагогов, уборщиц и официанток, телефонисток, продавцов, пекарей, шоферов. Вместе они добираются сюда из Баку по морю или вертолетами, вместе переживают здесь штормы и прочие превратности морской жизни. Надо же такому быть, что именно в этом районе Каспия из 366 дней в году 300 «вiють вiтри»!

Не слышно в этих «вiтрах» звонкого детского смеха, не тявкнет ненароком дворовый пес. Но вот как-то раз подплыл к нефтесборному пункту раненый дикий лебедь. Его подняли, вылечили, оставили в поселке. За ним появился другой. Им отвели уголок, сделали на лето бассейн (бассейн у живущих на воде!). А потом принялись за озеленение. Иной раз на земле встречаешь людей, которые не заведут около себя ни одного деревца. Здесь же землю привозили на баржах, заполнили ею кадки, в кадках вырастили олеандры. Земляным валом обнесли двухэтажные дома-общежития, посадили вьющиеся растения.

Труд людей в этих местах поистине героичен и полон риска. Однако чем больше риска, тем больше проявляется осторожности и внимания. Шоферы по морским путям едут собраннее, верховые на вышках строже соблюдают правила безопасности. А если прогноз обещает «штормовую», все работы в открытых местах вообще прекращаются.

Каждый здешний строитель, работающий на сваях, имеет своего двойника, обязанность которого — стоять рядом и, если понадобится, спасать. Кто же они, строители этих мест: высотники или глубинники? Порой они орудуют над поверхностью моря на высоте в несколько десятков метров. Но в то же время строят на морских глубинах в несколько десятков метров. Пожалуй, главное все же — глубина. Сначала она не «принижала» нескольких метров. Еще недавно пределом была глубина 14—15 метров. Наконец дошли до 27. И вот уже с помощью стотонного крана морской строитель Федор Блохин возводит площадку для разведочной буровой на глубине 40 метров. Это уже мировой рекорд.

Казалось бы, столько во всем этом трудностей и неудобств, столько дополнительных хлопот!.. Не лучше ли оставить в покое эту самую «морскую нефть», веками дремавшую в толщах дна? Оказывается, нет, не лучше. Оказывается, нефть тут не только хороша. Она обходится государству в три раза дешевле той, что добывают на суше. А трудности? Иному человеку трудности в работе нравятся больше, чем легкости. Так думает один из создателей морских эстакад, человек, вбивавший тут первые сваи, лауреат Ленинской премии, инженер Завен Иванович Мелик-Тангиев. Так думает и рабочая-нефтяница Валя Шиферман, которая пришла сюда, чтобы научиться работать.

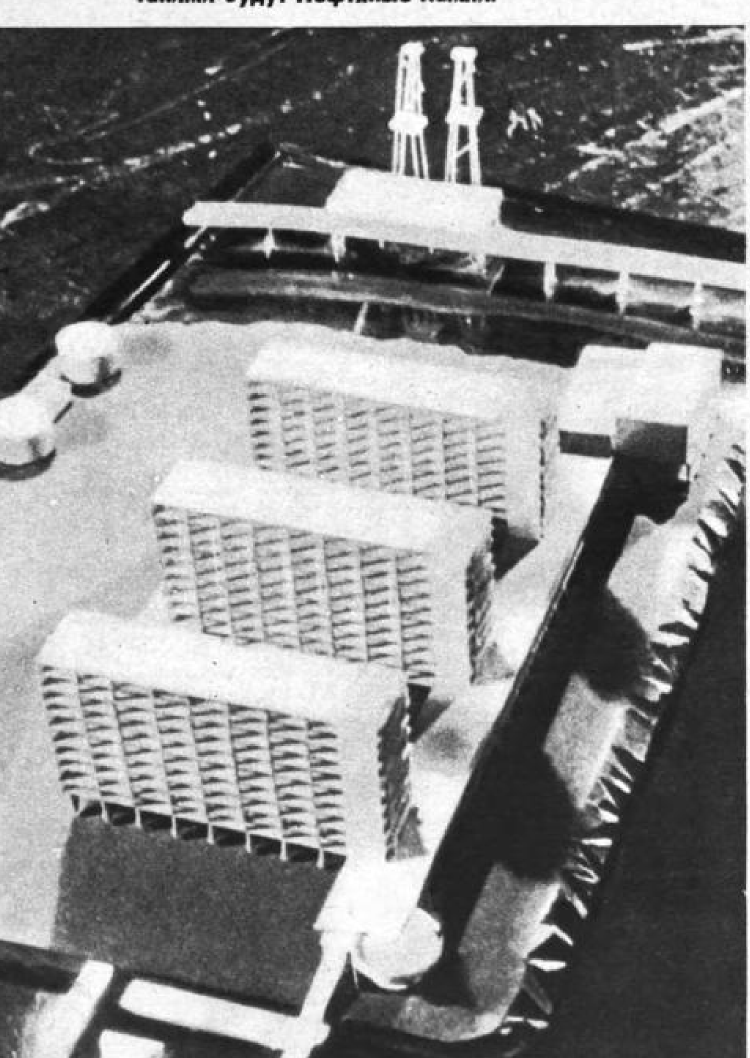
На северо-восточном крыле поселка работают эстакадостроительные краны, встают новые нефтесборные пункты и водоочистительные установки. Но это не все. С участка моря, названного Грязевой Сопкой, начинает заявлять о себе Спутник. Пока это еще не связанные друг с другом стальные островки-разведчики. Их величают отдельными морскими основаниями. Еще немного — и Сопка начнет благоустраиваться и «очеловечиваться», используя имеющийся под боком исторический опыт.

Кстати, об истории. На Чванове уже есть первый исторический памятник — буровая мастера Михаила Каверочкина, положившая начало морскому нефтяному промыслу Нефтяные Камни. И дала она нефть 7 ноября 1949 года. Тогда трудно было представить себе, во что это разрастется. Тогда на Чванове стояло несколько ржавых, затопленных кораблей, и морской стихии противостояла горстка отчаянных людей. Кто мог мечтать, что спустя всего 12 лет здесь, над морем, раздастся такой знакомый каждому человеку на земле пронзительный школьный звонок?

Итак, сменной средней школе рабочей молодежи идет третий год. И учится в этой школе, в 9-м классе, буровой мастер Али Джабаров, тот самый, что у Каверочкина начинал рабочим и добывал здесь первую нефть. И нисколько не смущается Али тем, что рядом с ним за

Али Джабаров с сыном Мамедом на уроке английского языка...

Такими будут Нефтяные Камни.

школьной партой сидит его сын Мамед, рабочий этого же промысла. Возможно, сын кончит школу и поступит в Азербайджанский институт нефти и химии, открытый специально для молодежи этого промысла.

И еще стоит на 8-м километре дом с мастерскими, чертежными кабинетами и лабораториями. Несколько дней в этих лабораториях кипит жизнь. А в последующие несколько дней царит тишина. Нефтяной техникум в полном составе — с педагогами и студентами — вместе несет вахту, вместе съезжает на берег.

К морю здесь относятся разно. Спросите морского строителя инженера Мир Акрама Джавадова, и он вам признается, что его «от моря тошнит»: так надоедает эта вечно плещущая спереди и сзади, справа и слева и прямо под ногами вода. Познакомьтесь с оператором 4-го нефтесборного пункта Ниной Дьяченко — она не пропустит ни одного заката, не оставит без внимания ни одного оттенка на воде. Есть и такие, которые просто не замечают, существует оно или нет, это море, лишь бы не штормило и не мешало работать. И все же все они, в общем, моряне, хотя бы даже потому, что плюс к зарплате получают так называемые «морские». Правда, одна категория очень нужных тут людей почему-то этого лишена. А ведь случись беда — они первые на месте. Стряслось что-либо с человеком — в шлюпку и быстро на помощь. Это медики — санитары, фельдшеры, врачи. Говорят, сам морской бог Посейдон огорчен такой несправедливостью и будто собирается хлопотать за них...

Надо заметить, что старик Посейдон склонился перед отвагой людской. Ведь дело дошло до неслыханной дерзости: отнят у моря кусок! Правда, пустяк, всего два гектара, но все же его засыпали какой-то привозной чужеродной землей!.. Это сделали на Чванове, там, где из-под воды выступают камни. У морян появилась под ногами своя твердая почва. По ней можно ездить, ставить на нее легкие строения. Но, в общем, эта почва — фактор более моральный, нежели материальный. Так считают строители. Смесь песка со скальным грунтом — ненадежный фундамент для серьезных дел, а дела предстоят серьезные. Предстоит строительство ультрасовременного жилого комплекса.

Что же придумали проектанты? Прежде всего они сделали вид, что никаких двух гектаров земли нет. Есть то же море, что и было. Надо пробурить скально-песчаную среду, вогнать сваи и закрепить их так же, как это делается на воде. Затем проектанты «преодолели» штормовые ветры и очень скверную сейсмику. А также учли нефтегазы, которыми насыщено месторождение, и очень высокую влажность. Так стали на крошечном островке (пока еще только в макетах) три 12-этажных корпуса, соединенные стеклянной галереей — улицей. Сюда должно уместиться все, что нужно для жизни.

Теперь можно представить себе, что не в каюте старой, уже развалившейся посудины, которая была когда-то «Ленкоранцем», а в одном из новых корпусов сидит радистка Алла Дун и посылает в море свои позывные: «Я бронза! Я бронза!..» Что вылез из своего мрачного трюма пекарь Миша Хачунц, и засияли в новой пекарне все его формочки и котелки. Что «книжный босс» Ефрем Гаврилович Погосов внедрился в галерее из стекла и там раскидывает свои сети среди будущих подписчиков будущих собраний сочинений.

Можно себе представить на новом месте хотя бы одну из комнат нынешнего женского общежития, хотя бы одну из вахт этой комнаты: нефтяного инженера Нину Ефремову, техника-геолога Марию Андронову, заведующую водной лабораторией Лидию Храмцову и инспектора по кадрам Лидию Полякову. Добрый десяток лет эти женщины трудятся здесь. Пусть им будет светло и тепло в комфортабельных комнатах, где-нибудь на 10-м этаже! Пусть им будет хорошо, всем морянам этого удивительного поселения!.. Если хоть раз в нем побываешь, мысленно невольно возвращаешься туда: а как сейчас у них? Сколько баллов? Ходит ли «Бабазаде» из Баку, или вертолетом надо добираться? Кто держит вахту? Все ли здоровы?..

Передний край строительства эстакады.

Вечером в морском городе.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

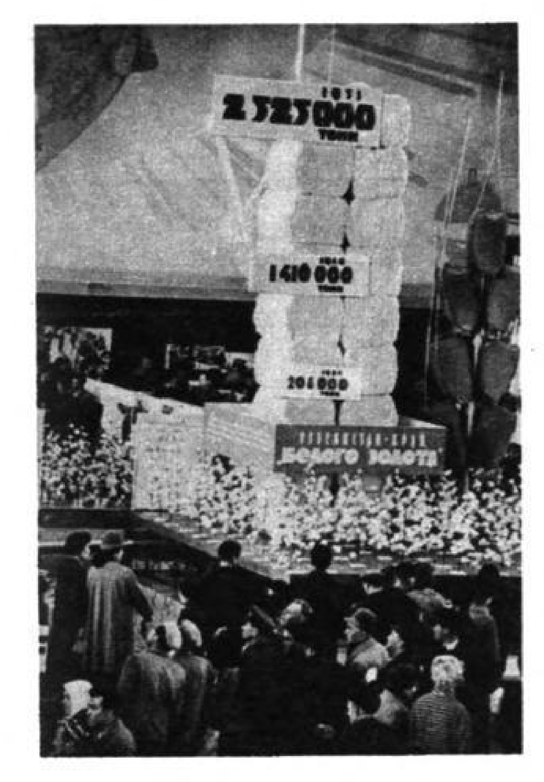

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 49 (1954)

29 НОЯБРЯ 1964

На юбилейной выставке достижений народного хозяйства Узбекистана.
Фото ТАСС.

ПРАЗДНИК СОЛНЕЧНЫХ РЕСПУБЛИК

Ашхабад. Первомайский проспект.
Фото Д. Ухтомского.

Страна солнца, хлопка, винограда — так величают Советский Узбекистан. Страна солнца, хлопка, нефти — так называют Советскую Туркмению. Равные среди равных в семье братских народов, социалистический Узбекистан и социалистическая Туркмения — ровесники: сорок лет тому назад родились эти республики.

Славный путь прошла за годы Советской власти Средняя Азия. Заброшенная окраина царской России стала ныне процветающим краем — с высокоразвитой индустрией, сельским хозяйством и передовой культурой.

И сейчас вся наша страна празднует славный юбилей солнечных республик и их компартий. Слова дружеского привета летят в Ташкент и Ашхабад из самых дальних уголков Советского Союза. Как братьев, приветствуют узбеков и туркмен советские народы.

Велика наша страна, а люди ее знают друг друга не понаслышке. Каракумский канал строили не только туркмены, узбеки и каракалпаки, но и представители других братских республик. Машины, созданные рабочими Москвы и Ленинграда, работают на среднеазиатских заводах. Платья из туркменского хлопка носят девушки в Сибири, а узбекским виноградом лакомятся в Минске.

Неразрывными узами дружбы связаны все советские люди, и потому с такой любовью приветствуют они ныне братский Узбекистан и братскую Туркмению.

ЖИЛИЩЕ ЭЛЕКТРОННОГО КОНСУЛЬТАНТА

Скоро на Ново-Кировской улице, которая прокладывается в Москве от площади Дзержинского до Садового кольца, вырастет огромное здание — Главный вычислительный центр Госплана СССР.

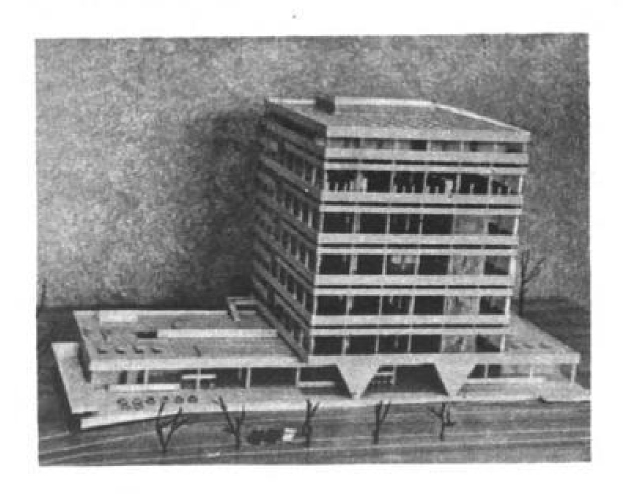
Проект 12-этажного здания создал коллектив мастерской Моспроекта — Л. Павлов, Л. Гончар, А. Семенов, О. Трубникова, Л. Муромцев, Д. Клюев и И. Глуховцев.

У здания несколько интересных особенностей: одному производственному этажу высотой 4,8 метра будут соответствовать два конторских этажа по 2,4 метра. Вот почему с лицевой стороны видно семь этажей, а с противоположной — двенадцать. Котельная будет не в подвале, а на чердаке. Этот опыт французских архитекторов находит все больше последователей и за рубежом. В подвальном этаже намечено разместить разные механизмы, электрооборудование и установки для кондиционирования воздуха.

Здание будет сооружено из типовых навесных панелей. Ленточные огромные окна будут украшены алюминиевыми переплетами. Это придаст дому легкий, изящный, современный вид.

Н. МАКАРОВ

Фото Н. Федченко.

НАГРАДА ХУДОЖНИКУ

Калькуттское Общество искусств наградило народного художника СССР А. А. Пластова медалью Почета. В Академии художеств СССР почетный секретарь Общества Проноб Синха вручил А. А. Пластову медаль Почета.

Фото А. Конькова.

ЛАБОРАНТКА ЛИДИЯ ШУЛИКО

(К 1-й стр. обложки)

Пороховой дым стелется по Бородинскому полю. Французские полки стройными колоннами, с развернутыми знаменами идут в атаку на позиции русских войск. Снимается цветной фильм «Война и мир». В создании этой картины, как и других цветных фильмов, есть доля труда Лидии Шулико. Она работает лаборанткой на Долгопрудненском экспериментальном заводе красителей и проверяет качество химикатов для производства цветной кинопленки.

Лида — член цехового комитета профсоюза, на общественных началах работает в технической библиотеке. Она, как и многие ее товарищи по работе, учится в заводской школе коммунистического труда.

КАК ИХТИАНДР

«В бассейн с водой я могу погрузить человека, и он там будет жить неограниченно долго без доступа воздуха». Это сенсационное заявление сделал американский химик Уолтер Робб.

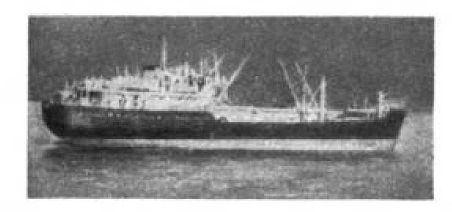
Он изготовил недавно удивительную пленку — силон, которая напоминает легочную ткань. Уолтер Робб продемонстрировал такой опыт. В аквариуме с рыбками под маленьким колпаком, покрытым силоном, долго жил хомяк. Кислород, которым он дышал, поступал к нему непосредственно из воды.

Секрет опыта в чудесных свойствах силона. Он задерживает воду, но через него свободно проникают молекулы газов.

В сущности, это точная модель процесса, который идет в наших легких между воздухом и кровью: здесь также действует закон газовой диффузии. При дыхании в пространстве под пленкой нарушается газовое равновесие, и молекулы кислорода, растворенного в воде, проникают через силон. Так же уходит в воду углекислый газ, который мы выдыхаем.

Это изобретение открывает захватывающие перспективы.

БУШУЕТ УРАГАН

Теплоход «Трускавец» Черноморского пароходства выходил из сирийского порта Латакия. Уже за кормой остались белые домики южного города, когда на горизонте показалась темная туча. Она быстро охватила все небо, и налетел ураган, вздымая огромные волны. Машины теплохода работали на полную мощность, но не могли преодолеть разбушевавшейся стихии: ветер и волны гнали судно к берегу.

Моряки делали все возможное, чтобы преодолеть ураган, но черные скалы, о которые с пушечным грохотом бились волны, неумолимо приближались. Тогда были отданы якоря, и движение судна к берегу приостановилось. Моряки вздохнули облегченно. Но ураган поднялся с большей силой. Гигантские волны вздымали судно, рвали его с якорей. И когда налетел девятый вал, левый якорный канат лопнул. Моряки сумели развернуть судно на правом якоре так, что оно прижалось к берегу там, где нет скал. Капитан радировал кораблям, находящимся в Средиземном море, прося помощи.

Сразу же откликнулись суда «Измаил», «Литва». Но быстро они подойти не могли: сами с трудом выдерживали борьбу с ураганом. Теплоход «Фатеш» сообщил, что идет на выручку.

— На помощь к терпящему бедствие судну,— рассказывают в Министерстве морского флота СССР,— вышел из Одессы спасательный буксир «Атлант». На его борту все необходимое оборудование, команда водолазов. Сейчас ураган стих, но Средиземное море еще бушует. Однако спасательные работы уже начались. С прибывшего к месту аварии теплохода «Фатеш» на «Трускавец» подан буксир. Это предохраняет теплоход от ударов о грунт. Прибудет «Атлант», и «Трускавец» выйдет на свободную воду. Нашим спасателям работы по снятию с мели хорошо знакомы.

Недавно, например, в Финском заливе, недалеко от Выборга, села на мель судно ФРГ «Инга Бастиан». Из Выборга на помощь пришли буксир «Вихревец» и ледокол. В днище немецкого судна оказалась пробоина, и вода затопила все машинное отделение. Тем не менее спасательные работы прошли быстро, успешно. Судно «Инга Бастиан» отведено в ленинградский док и отремонтировано.

А. ГОЛИКОВ

Маска спортсмена-подводника, оборудованная силоновой пленкой, позволит ему освободиться от баллонов с воздухом, сделает его настоящим Ихтиандром.

Силон при известной модификации может пропускать воду, но задерживать соли, растворенные в ней. Это новый способ опреснения морской воды.

Ученые считают, что с помощью силона будет построена подводная лодка, получающая кислород и пресную воду прямо из океана.

Новая пленка делает возможным создание медицинского аппарата «искусственное легкое».

Николай БЫКОВ

СОТНИКОВ И ЕГО ЗАБОТЫ

Председатель остановил машину, прислушался к голосам моторов...

Нектарий Сотников. Нектарий Михайлович... Сколько лет я его знаю? Десять? Пожалуй, теперь уже больше. Я помню его еще главным агрономом Лобановской МТС, тогда ему было, кажется, двадцать пять. Теперь он председателем в «России», это под Сивашом, в Азовском.

— Сколько ты уже в «России»?—спрашиваю.

— Семь лет. Восьмой раз сеял...— Он быстро ведет «Волгу» полевой дорогой мимо замелькавших молодых тополей, так и не сбросивших листву.— Ни этих тополей не было, ни того сада... Вот время летит, мог бы кандидатскую защитить...

— Жалеешь, что так получилось? Из Москвы да в колхоз... Экспедиция в Каракумах, богатый научный материал, а тут ни сна, ни отдыха — давай-давай, да еще тебе и выговор влепят!

— Чего другого, а насчет выговоров или «клади на стол» — сколько угодно. Оппортунистом тоже называли, было... И все-таки посмотрю на хозяйство, поговорю с людьми, вспомню, каким сам сюда пришел,— и гордость, что ли, волной подступает. Нет, не жалею... А кажется, только вчера везли меня в райкомовском «газике» на собрание. Для колхозников — кот в мешке. Пацан! Вот когда затосковал я по саженному росту!..

Ему всегда казалось, что людям рослым — косая сажень в плечах — всегда все легче достается, он и сейчас как бы забывал, что самого его в колхозе зауважали не за рост. «Россия» стала одним из богатейших хозяйств в Крыму; дважды укрупнявшаяся уже при Сотникове, она вышла в ряд лучших колхозов не только в области, но и в республике, а сам он, ласково прозванный за свою неуемную энергию и пробивную силу «ракетоносителем», давно в председательской «элите», в числе тех, к которым уполномоченных лучше не посылать.

Я бываю у Сотникова раз в два-три года, всегда, когда колхозные проблемы требуют разговора авторитетного и откровенного. Я и сейчас старался понять, где же, на каких рубежах решается сегодня вопрос достатка в хлебе, в мясе и прочих продуктах сельского хозяйства.

Он долго смеялся, когда я рассказал ему, как видел однажды в небогатой северной деревне избу с крашеной фанерной табличкой: «Дом коммунистического быта». Конечно, изба была как изба, даже не новая, успевшая потемнеть от дождей. На своем порядке она выделялась белым свежеструганым крыльцом и шиферной крышей. Я не знаю, действительно ли в этой избе с табличкой воцарился (да и с какого числа именно?) быт как раз такой, каким он нам видится в мечтах о завтрашнем дне. Быть может, и вправду мужчины передового семейства выходят курить в сени, старики не справляют престольных праздников, а совестливая хозяйка не варит ни капли забористой бражки. Мне пришлось признаться: я не постучал в ту дверь, убоявшись убедиться, что в представлении людей, присвоивших избе столь высокое звание, все сводится лишь к соблюдению ветхозаветных заповедей: мол, блюди, и твой дом объявят коммунистическим... Да и во встрече с хозяевами наперед угадывалась неловкость. Не сами же они — люди наверняка работящие и скромные — приколотили фанерку, а всякий мой вопрос по существу прозвучал бы и неожиданно и обидно.

— Изба будущего, так, что ли, получается?— горько сказал Сотников, отсмеявшись.— Не звучит... У нас в колхозе не избы, а, можно сказать, дачи. В розах иные утопают. И все же рановато прибивать к ним крашеные фанерочки. А ведь электричество почти у всех есть, телевизоры тоже у многих, водопровод сейчас ведем, вот-вот будет водяное отопление, газовые плитки уже который год, мебельные гарнитуры классные, одежда нормальная, городская... Но разве дело только в том, чтобы избу на коттедж сменить? Да иная изба как сказка. Бревна солнцем пахнут! А внутри можно и кафель и газовую плиту!..

...Высокое и холодное небо молчит над степью. Над полями след невидимого самолета, словно долгий штрих, оставленный острым коньком на глади незапорошенного льда. Голубой воздух сух. И пашня суха, и дорога пылит, и гремят на ветру листья красных виноградников. Только зеленые квадраты озими блестят на солнце, да и то лишь на поливных участках.

— А прогноз неважный,— говорит Сотников, резко посадив «Волгу» на тормоза.

Оставив машину на дороге, мы зашли далеко в пшеницу. Здесь давно не было ни капли воды, но всходы картинно густые, особенно темные под небом, высветленным осенью.

— Чистый пар. Его работа. Красиво?

— Красиво.

— Можно даже табличку поставить: поле комтруда... А ведь не поле, не земля тут слово сказали — агроном у нас замечательный, да ты ее знаешь: Клара Ефимовна Левина. В прошлом году весь юг погорел, а мы намолотили по двадцати восьми центнеров зерна с гектара. А Кларе Ефимовне звание присвоили — заслуженный агроном республики.

«Ну, каковы наши кадры?»— этот вопрос он не уставал задавать и три года назад и сейчас. Сотников гордится главными специалистами и своим заместителем, многоопытным Ефимом Марковичем, и инженером Виктором Ивановичем, и плановиками, многими бригадирами. Распределив груз поровну, на себя председатель взял самое нелегкое — коммерцию. Так, во всяком случае, мне показалось. Сам он, Сотников-то, очень пробивной и испо-

ведует, как я подсмотрел, одну веру: все в дом! Если какое-то дело не даст на рубль затрат хотя бы копейку прибыли, он бросает это дело. И все-таки при всех своих способностях выколачивать, выгадывать, выкраивать он не поднял бы колхоза, если бы дело было только в этой его внезапно зазвеневшей на председательском посту коммерческой струнке. Нет, основа успеха в другом: у него есть что пустить в оборот. Тонны хлеба, мяса, молока, винограда, вина, овощей, консервов собственного изготовления производят колхозники «России», механизаторы, виноградари и животноводы наливающегося силой и богатством колхоза. Нужен удивительный талант организовать сотни людей на производительный и прибыльный труд, и одновременно нужен редкий по нашим временам талант — не мешать зоотехнику, агроному и бригадирам. Почему не мешать? Да потому, что все хозяйство, каждая бригада на хозрасчете. Из всех затрат хороши только те, которые окупаются! Талантом не мешать вполне обладает мой друг Нектарий Сотников.

— Многим он не нравится. Мне он нравится, я Нику, как сына, люблю,— сказал о Сотникове Егудин, председатель знаменитого своими доходами колхоза «Дружба народов».

Мне эта прямота и теплота Егудина пришлись по душе. Но я задумался с болью о другом: за что его могут не любить, вот такого председателя с ухватистой рукой настоящего хозяина? За то, что умеет вести дело? Так не для себя же, а для колхоза, в дома колхозников. И потом, почему кое-кто рачительного хозяина не стыдится и доныне обзывать кулаком? Да, Сотников (и Хван, и Егудин, и Посмитный, и Орловский, и десятки других прославленных председателей) много времени и энергии отдает коммерции. И правильно, колхозы их, все бригады — предприятия хозрасчетные. А раз так, то для них главный критерий — даешь ты прибыль или нет. Рентабельность, прибыль — вот мерило всякой хозяйственной деятельности. А у нас до сих пор кое-где передовики определяются по той резвости, с которой занимают место в сводке. Отсеялся первым — уже молодец. Да рано говорить «молодец» — надо же еще вырастить, убрать, сохранить и реализовать с выгодой урожай. Сумел — вот только тогда ты молодец. Отсюда и мысль о новой оценке хозяйствования. Не по процентам выполнения плана, сева, вывозки навоза или подъема зяби, даже не по урожайности (рекордный урожай на одном поле нередко прикрывает огрехи на всех остальных), не по «благополучной» сводке в областной газете, а только по прибыли можно экономически верно оценить работу правления, колхозников. Прибыль заставляет увеличить вал продукции и снизить ее себестоимость.

Уже позже, вернувшись в Москву, я нашел у В. И. Ленина: «Мы не должны чуждаться коммерческого расчета... Только на этой почве коммерческого расчета можно строить хозяйство. Мешают этому предрассудки и воспоминания того, что было вчера». И еще. В записке наркомфину Сокольникову от 1 февраля 1922 года В. И. Ленин писал: «Если мы, создав тресты и предприятия на хозяйственном расчете, не сумеем деловым, купцовским способом обеспечить полностью свои интересы, то мы окажемся круглыми дураками».

Сотников знает и обеспечивает интересы колхоза, он не сидит сложа руки, коль ему, молодому коммунисту, люди оказали доверие!..

За год до Сотникова колхозникам выдали на трудодень по сорок копеек да немного зерна. Сотников в первый же год полностью рассчитался с колхозниками, он не умел и не хотел обманывать людей, буквально вырывавших урожаи у безводной земли. На трудодень выдали уже в 1958 году по шесть рублей с лишним. Потом с трудоднем покончили, перешли на денежную аккордно-премиальную оплату. В нынешнем году ежемесячно колхозникам выплачивалось по восемьдесят—девяносто тысяч рублей, а к концу года будет выплачено миллион двести тысяч рублей—в четыре раза больше, чем в 1957 году.

Правление колхоза берет деньги не у государства; деньги дает земля, та же самая земля, только теперь напоенная водой (действует около 30 скважин), ухоженная и удобренная. Урожайность зерновых выросла более чем на десять центнеров на каждом гектаре и составила нынче более двадцати девяти центнеров. Озимая пшеница вместо двадцати центнеров в 1958 году дала более тридцати трех, а на поливе — почти пятьдесят центнеров с гектара. Овощи дали втрое больше, чем семь лет назад. Колхоз продал государству зерна в два с лишним раза больше, чем семь лет назад. Даже молока продали вдвое больше. А денежный доход? В 1957 году он составил шестьсот тысяч рублей, а нынче будет не менее трех миллионов.

— Значит, «достиг я высшей власти»?— спросил я Сотникова, радуясь каскаду праздничных цифр.

— Если бы так! — мотнул он нетерпеливо головой.— В том-то и беда, что не достиг... Наше богатство — земля, только она! Ведь мы ни лыка не дерем, ни лошадок глиняных не делаем, мы можем рассчитывать только на урожайность полей. Так вот, земля может дать еще больше. Она и дала бы уже больше, да мы не берем ее богатств. И хотим, да не можем! Легче всего объявить десяток домов коммунистическими, повесить вымпелы на фермах, поставить дощечки на полях — наш колхоз и сейчас образцово-показательное семеноводческое хозяйство. Но я против «избы будущего».

Я начинал понимать Сотникова. Его неудовлетворенность не показная, в ней огромное желание идти дальше, к действительному успеху в колхозном строительстве.

Ветер прошел по садам. Сотников посмотрел на темнеющее небо.

— Ветер — это хорошо. Ветер всегда к дождю. Видишь, какие всходы! А прольейся сейчас еще и дождь, тогда бы земля прогнулась под урожаем!

Мы стояли в глубокой пшенице. Я хорошо представил себе, как ночами в озими играют зайцы...

Крымский гектар, сохлый, тяжелый и все же такой щедрый! Сегодня он дает «России» в среднем до четырехсот рублей прибыли.

— А может давать и семьсот и восемьсот рублей!— сказал Сотников. Он заговорил о неиспользованных возможностях как о давно наболевшем, давно продуманном. Вот его мысли. Колхоз — именно та форма хозяйствования на земле, которая, пожалуй, ближе всего стоит к нашему коммунистическому идеалу. Колхоз — это прежде всего коллективное решение основных вопросов экономического развития хозяйства, это демократия не на словах, а на деле, это по идее самостоятельность в выборе верных хозяйственных решений в зависимости от погодных и прочих условий данного года. Пока урожайность полей, надои и привесы зависят от сотен природных факторов, самостоятельность и расчет в ведении хозяйства обязательны. Ведь от налетевшей вовремя или не вовремя тучки зависят сроки сева и уборки, оплата затраченного рубля и себестоимость продукции. Но что получается на деле? Нередко деятельность колхоза строго ограничена рамками заданных цифр и все еще жесткого администрирования. Начинается год с того, что колхозу «спускают» площади посева тех или иных культур. Хочешь не хочешь, выгодно не выгодно, можешь не можешь, а сей именно столько, сколько задано. Примеры? Они теперь известны всем.

Я с удовольствием записал, что в этом году «Россия» получит почти три миллиона рублей дохода. И не сразу заметил, что Сотников назвал эту цифру без энтузиазма. Оказалось, что можно получить доход гораздо больший. Что же помешало? Причин несколько. Часть уже плодоносящей лозы побило градом. Шальная тучка с градом обошлась хозяйству самое малое в шестьсот тысяч рублей! Но это стихия. Беда в другом — не меньше колхоз теряет от «указивок»— так на Украине звучит слово «указание».

Утром — для председателя колхоза уже был разгар рабочего дня — Сотникова некто отчитывал по телефону. Он в течение пятнадцати минут пытался вставить хотя бы слово, не тут-то было: некто на другом конце провода, видимо, не умел слушать. Пахнуло чем-то отжитым... Я вскоре догадался, что речь шла о дополнительной сдаче семян подсолнечника. Председатель «России» пытался объяснить, что план он выполнил, продал государству двести двадцать тонн, больше, чем в какие-либо другие годы, что продать еще сто тонн сверх плана не может, их нет, этих ста тонн, и пятьдесят не может, а вывезти тридцать он согласился еще вчера и тридцать, коль уж такая у района нужда, вывезет. Трубка вышла из себя: «Так почему же не докладываешь?»

— Григорий Антонович! Дайте слово сказать... Григорий Антонович! Все машины были заняты на вывозке свеклы и кукурузы... Их в поле не оставишь... А подсолнечник в сухом амбаре, так что же должен делать хозяин?.. Да послушайте!..

Трубка клокочет: «Чтоб сегодня же к тринадцати часам доложил о выполнении!..»

— Григорий Антонович! Нам вывезти нетрудно, но что за спешка, почему к тринадцати?..

Трубка выдохнула: «Не вывезешь — на бюро!..»

Я не знаю, в каком чине числится в Джанкойском районе тот Григорий Антонович, но его энергия достойна лучшего применения. Пороть такую горячку с дополнительным планом, когда в поле остается часть урожая, а до зимы — считанные дни, может только автор «указивок». Вместо того, чтобы попросить колхоз продать излишки нужной государству продукции, он нахраписто, забыв элементарный такт, не щадя нервов председателя, требует «закрыть план» к тринадцати ноль-ноль... До такого еще долго не дойдут изменения в стиле руководства сельским хозяйством.

За три ходки машины «России» подсолнечник вывезли. Не к тринадцати — к четырнадцати часам... Теперь, очевидно, где-то в районе или в области сошлись концы с концами по графе подсолнечника. И ни слова благодарности: отдай — и все... Ну, хорошо, надо кого-то выручить, быть может, завтра постигнет беда тебя, и тогда кто-то рассчитается за твой недобор, но в таком случае хоть заплатите больше за сверхплановую продукцию! Нет, цена означенная мертва есть. А ведь «Россия» приобрела за немалые деньги маслобойку, и колхоз мог бы набить масло из оставшегося после богатого расчета с государством подсолнечника и это масло реализовать по более выгодной цене. И тогда еще щедрее был бы крымский гектар колхозной земли. Но Григорий Антонович «градом» прошелся по плантации золотых корзинок, не оставив ни копейки прибыли колхозникам за их особую прилежность и труды.

— Вот теперь и суди, есть ли смысл добиваться сверхплановых урожаев?— спросил Сотников.— И кому спокойнее — тем, у кого не уродило, или тем, у кого амбары ломятся?

Давно тоскуют — на юге и на севере — председатели колхозов по новому принципу закупок сельскохозяйственной продукции. Конечно, можно действовать по-старому—«отдай до зернышка», но этот принцип жизнь давно отвергла. Отношения между государством и колхозом должны строиться на взаимовыгодной экономической основе. Коль закуп, так закуп. Колхоз и колхозники должны знать с весны запрос государства на ту или иную продукцию. А уж сколько земли и чем ее занять, чтобы выполнить заказ,— это дело хозяина, колхоза. Государственный заказ должен быть определен людьми компетентными и, быть может, даже на несколько лет вперед, чтобы хозяйство специализировалось, отработало технологию, чтобы оно знало, сколько и чего именно обязано продавать государству в течение ближайших, допустим, пяти лет. И этот заказ должен быть твердым, он должен иметь силу закона! Тогда люди трудолюбивые без оглядки на «указивку» наперед рассчитают свои возможности и сумеют не только выполнить его, но и обязательно — раз это сулит выгоду — получат излишки продукции. Реализация излишков и явится тем дополнительным материальным поощрением за умелый труд, тем стимулом, который поможет развитию колхозной экономики. Но григории антоновичи возражают: из пяти хозяйств лишь одно выполнит заказ, а за других кто будет продавать хлеб, мясо, фрукты? Григории антоновичи забывают, что их партийный долг — разобраться в делах тех людей и хозяйств, которые из года в год живут себе же в убыток. И еще

они забывают, что при твердом заказе ходить в должниках у государства будет попросту невыгодно. Зато сильные хозяйства, ныне перевыполняющие план безвозмездно и только под угрозой «завтра на бюро», продадут втрое больше.

Государству невыгодно, чтобы колхоз подменял кукурузой все другие кормовые и зерновые культуры, чтобы колхоз все зерно — даже фуражное, а нередко и семенное — продавал, выполняя так называемую «первую заповедь», а скот оставлял на голодном пайке; невыгодно, чтобы колхоз продавал подсолнечник без всякой надежды получить обратно хотя бы свой жмых; невыгодно, чтобы пшеницу колхоз сеял по пшенице или чтобы он ради призрачной прибавки в кормовых единицах лишался чистых паров, нередко единственного места боя с сорняками. Государству невыгодно, чтобы колхоз и впредь жил без прямой торговой связи «колхоз — городской покупатель».

Экономическая и агрономическая безграмотность в последние годы кое-где нередко соседствовала с авантюризмом. В Крыму одно время увлеклись посадкой садов и виноградников. «Область-сад!» — звучит красиво. Но после того, как я узнал, что уже десятки тысяч гектаров виноградников распаханы, я понял: звонкая фраза обманчива. Виноградники и сады заняли ценнейшие земли, а плодоносить они будут только через несколько лет. Причем виноград сажали в основном переселенцы из мест, где отродясь не видели ни лоз, ни кистей. Тысячи черенков кое-где умудрились воткнуть вверх ногами, их заново пересаживали. Сплошь на виноградниках допущена смесь сортов, и виноград, когда его все-таки дождались, оказался негодным для промышленной переработки: и созревал в разное время и на доброе вино не шел. А главное, нет в хозяйствах таких сил, чтобы по-настоящему ухаживать за виноградником в полторы-две тысячи гектаров: весной лозу надо выкопать, поднять на шпалеру, умело обрезать, обработать ядохимикатами, а осенью с каждой снять кисти. Да, виноградарям платят очень хорошо. Но сам виноград этих затрат не окупает. Колхозы, когда шла виноградная лихорадка, брали кредиты, так вот «Россия» и ее соседи до сих пор выплачивают деньги за виноградники, которые частью уже распаханы.

Сотников быстро подсчитал:

— Мы заняли под садами и виноградниками лишних семьсот гектаров. «Указивка»! Обещанные прибыли обернулись реальными убытками. Каждый гектар многолетних давал минус двести рублей, то есть, вкладывая деньги, мы их теряли. Сейчас виноградники дают нам в лучшем случае миллион рублей, а если бы мы имели их вдвое меньше, то улучшили бы уход и получили три — три с половиной миллиона! Тут никакой хитрой арифметики, это реальный расчет. Сейчас гектар в среднем дает не более двадцати центнеров, а при хорошем уходе он дал бы все сто центнеров винограда, к тому же только выгодных для нас сортов.

У Сотникова таких примеров и расчетов много. Удивляешься одному: как же сильна еще в некоторых районах власть григориев антоновичей, если подлинные хозяева земли с трудом добиваются и понимания и уважения!

Как-то поздно вечером мы вернулись в правление. В кабинете председателя сидели гости: начальник Джанкойского производственного управления Василий Леонтьевич Семенчук и начальник областного управления земводхоза Леонид Яковлевич Иванин. Гости говорили хозяину комплименты: хороша озимая пшеница! Особенно на поливе! Нектарий Михайлович аж заулыбался, так было ему приятно. Но он тут же огорчил руководство: есть у него и пшеница по пшенице, там урожая не жди.

— А тут еще вот Василий Леонтьевич требует посеять дополнительно сто восемьдесят гектаров. У него по району цифра не выходит, а мы теперь казнись... Это убыток, это значит планово идти на снижение урожайности, — стал убеждать Сотников, воспользовавшись тем, что в его кабинете областной начальник.

Но Семенчук предупредил старания председателя:

— Я уже не требую! Не сей, не надо, у тебя и так план сева перевыполнен.

А все-таки здорово, что Василий Леонтьевич понял что-то, не гнал, не ломал, не грозился вызвать на бюро...

— А как с молоком? — спросил Иванин.

— Плохо, туберкулез замучил, обновляем все дойное стадо, — доложил председатель.

Но на этот раз его не поняли. Иванин начал выговаривать. Сотников объяснил еще раз, что в «России» целая революция в животноводстве. Построены новые коровники, всю землю из старых убрали, полы перестелили, коров держали в летних лагерях, на всех фермах глубокую дезинфекцию провели... Дайте срок — еще год-два — и молоко пойдет!

— А нынче молоко провалили, — настаивал Иванин.

— Да не успевали мы ставить телочек на место выбракованных коров! И то уже пятьсот телочек есть...

— Провалили, чего уж...

— Но молоко это вы с управления спрашивайте, — ярится уже Сотников, — по нашим расчетам, весной было видно, что столько молока не дадим, так зачем же Василий Леонтьевич такую цифру закатил нам? Он же знал, что мы капитально решаем проблему со стадом!..

— Ты богач, купил бы телочек и закрыл план.

— Купил бы? Ну, нет, покупать чужих нельзя, чужих покупать не будем, это значило бы все затраты на реконструкцию стада свести к нулю!

Но нет, не хотят слушать его доводов: и Василию Леонтьевичу и Леониду Яковлевичу нужен план. И сегодня, а не через год, не через два. Вижу, что им и слушать председателя неинтересно, хотя оба они работники знающие, хотя никаких других претензий у них к Сотникову нет.

— А хорошо ли удобрил поля?

Сотников решил, вижу, хоть тут что-нибудь выцыганить.

— Маловато внесли. Еще бы центнеров по шесть на гектар!

— А фонды?

— Выбрали, две с половиной тысячи тонн... Нам еще бы двести тонн...

— Ну, ладно, пиши телеграмму в Киев...

Тут же Сотников набросал текст: «Прошу... в счет четвертого квартала... двести пятьдесят тонн суперфосфата...»

Смех: уже прибавил!

«...И сто двадцать тонн азотных...»

Снова смех руководства: пошел писать!

А я думал: до сих пор колхозам дают половину того, что им нужно, ох, как нужно!

Если говорить серьезно, то правильное снабжение колхозов техникой, запчастями и стройматериалами — очередная проблема. Взять машины — иные буквально навязывают колхозам, а нужных нет.

— Мы сегодня покупаем все, что нам дают, — признается Сотников. — На качество машин даже не смотрим, не имеем такой возможности. А надо бы! Огромные убытки несут хозяйства из-за того, что часто новая техника требует наладки, доводки, ремонта, не попав еще в поле. Или взять строительство. Каждый колхоз строит как может. Сам себе архитектор, сам себе прораб. Видел нашу школу? Красавица! Но если бы описать, как ее строили, как блоки доставали, как раздобыли автокран, как мне самому пришлось класть первые перекрытия!.. Ну ладно, музы молчат... Нужна, давно нужна единая фирма, которая бы вела все строительство на селе. Ее проекты, ее материалы, ее технический персонал.

Мы ходили по двору консервного завода долго и молча. Председатель вымеривал шагами и так и этак. Прораб ходил за ним с рулеткой. Затевалась стройка нового цеха, где будут дозревать зеленые помидоры. Цех этот позволит выйти «России» со своей продукцией — с ранними помидорами — недели на две раньше соседей. Выгода прямая.

Нектарий кончил вышагивать, благословил:

— Ставь, прораб, колышки, разворачивай стройку! — И продолжил разговор: — А вот еще одна болячка. Стройматериалы государство должно отпускать только в зависимости от развития производственной базы, от вала продукции. Это будет еще один стимул, еще один мощнейший экономический рычаг. Дал колхоз больше хлеба — получи больше леса, стекла, труб. Дал больше молока — получи все, что нужно для дальнейшего строительства ферм. Сейчас говорят: у тебя сильное хозяйство, ты и так обойдешься. Не сумел достать — сиди... Но сидеть — значит терять... Ни я, ни наш инженер, мы не хотим быть доставалами.

И уже дома, когда все спали, он говорил о наболевшем:

— Мы сейчас достигли высокого уровня развития, но это почти предел в тех условиях, в каких приходится работать. Колхоз использовал все внутренние резервы. Слово за государством. Мы должны быть хозяевами по крайней мере той продукции, которая получена сверх плана. И еще, я за прибыль как главную меру оценки всей деятельности правления колхоза.

— И никаких, конечно, «указивок» и рапортов к тринадцати часам? — спросил я, смеясь.

— Это само собой! Понимаешь, нам виднее, какие и когда работы вести в поле. Ну, как тут рапортовать, если мороз ударил или дождик перехватил? И вообще за основу деятельности на земле надо брать годовой производственный план, а не обязательства отдельно по кукурузе, отдельно по мясу, по шерсти. Я знаю хозяйство — сосед мой, — так оно даже золотую медаль ВДНХ получило за производство мяса, а другие отрасли убыточные.

— А как насчет доверия?

— Еще спрашиваешь! Без доверия правлению и коммунистам колхоза нельзя, без него как без дождя в сухую осень.

Я понял моего друга: добрые посевы ждут дождя. Дожди придут, их приносят ветры перемен.

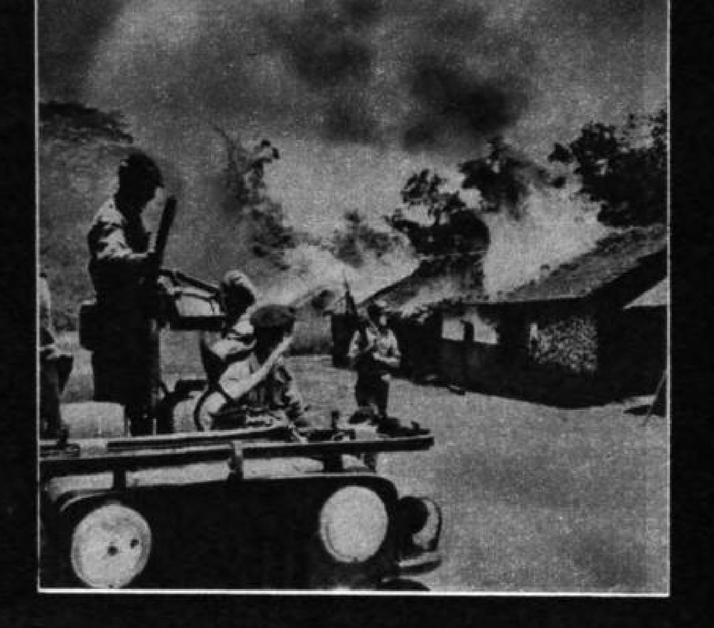
ОЛЕГ ПИСАРЖЕВСКИЙ

Человек бежал сырой, промозглой осенней улицей. Он, как всегда, торопился. Был вечер, но ему надо было еще многое успеть в этот вечер. Ему ведь, как всегда, не хватало двадцати четырех часов. Потому что в эти двадцать четыре часа он должен был побывать на творческом обсуждении в Союзе писателей, послушать на конференции доклад академика, встретиться с журналистом, жаждущим услышать от него совет, и, между прочим, написать главку к своей книге. Для самого главного — писать — у него не оставалось дня. Только ночью садился он к столу у окна, у цветов. Он очень любил цветы. И музыку. Она часто звучала здесь, у его стола.

Но вот из какой-нибудь редакции раздавался телефонный звонок. Олега Писаржевского просили сделать очерк о полимерах. Или о биологии и генетике. Или о последних достижениях физики высоких энергий. Просили горячо и настойчиво, ибо знали: никто не напишет так страстно, смело и быстро, как он. И откладывалась в сторону книга, отодвигались сценарии. Он знал этот журнал. Он уважал эту газету. Он не мог отказать старым друзьям.

А сердце его вдруг взяло и не подчинилось ему. В этот недавний промозглый осенний вечер оно не захотело спешить, не захотело торопиться. Трудно нам, его товарищам, понять, что не стало искрометного, неиссякаемого в своей энергии и творческой изобретательности Олега Писаржевского.

ИМЯ ЭТОМУ — ПРЕСТУПЛЕНИЕ!

«Карательная экспедиция. Жители негритянской деревни симпатизируют повстанцам. Их хижины превращаются в пепел» — такую подпись дали под этой фотографией западногерманские журналисты.

«Дорога в джунглях в районе экватора. Шестьсот километров. Слева и справа — ничего, кроме зарослей и болот. Никаких городов. Часы пути до ближайшей негритянской деревни. Это дорога судьбы Конго. Здесь белые наемники Чомбе сражаются против повстанцев. Они должны принести мир и спокойствие стране — авантюристы, ненавистники негров, отбросы общества. Они грабят, жгут и убивают...»

Этими словами начинают свой репортаж в гамбургском журнале «Штерн» Эрнст Петри и Герд Хейдеман. Они побывали в Конго. Они видели кровавую дорогу ландскнехтов Чомбе. Вот сделанные ими фотографии.

СМОТРИТЕ, ЛЮДИ! Преступление в Конго продолжается. По счетам платят американские, английские, бельгийские, западногерманские покровители Чомбе. Платят за пули, за пепел, за кровь. И звучат выстрелы в джунглях, горят деревни, гибнут дети...

СМОТРИТЕ, ЛЮДИ! МИР ДОЛЖЕН ОСТАНОВИТЬ РУКУ УБИЙЦ!

КОНГО СЕГОДНЯ: ПУЛИ, ПЕПЕЛ, КРОВЬ...

Это Зигфрид Мюллер, главарь одной из команд карателей. Обратите внимание на железный крест, приколотый к мундиру. В прошлом Мюллер — капитан вермахта. Как пишет «Штерн», его мучает вопрос: расстреливать ли всех африканцев, которые встретятся в зоне боевых действий, или только старше четырнадцати лет! Капитан Мюллер, похоже, склоняется к первому решению...

Трупы, трупы... Дорога ландскнехтов.

Генрих БОРОВИК,
обозреватель «Огонька»

Начинать знакомство с новым городом хорошо из окна гостиницы. Час у окна — большое дело. Когда потом выходишь из отеля, чтобы впервые побродить по улицам, кажется, что уже немножко знаешь город.

Мне повезло на этот раз: мой номер на третьем этаже (по-нашему, на четвертом). В комнате два окна. Из одного я вижу греческую часть Никозии, из другого — турецкую. Между ними зеленая линия, проведенная англичанами на карте Кипра зеленым карандашом и оттого получившая свое название. Она пересекает города, деревни, рушит дома и стены, делит улицы, прерывает связь, разлучает друзей, делает врагами соседей.

Из окна отеля «Ледра Палас» мне виден только коротенький отрезок зеленой линии. Но и здесь, как ядовитая змея, она пустила яд, который умертвил все окружающее. По обе стороны баррикад из зеленых аккуратных мешков, набитых кипрской землей,— это, собственно, и есть зеленая линия в ее буквальном смысле — стоят мертвые дома, изъеденные оспой жестоких перестрелок. Окна дальних зданий залеплены полосками бумаги. Ближних — забиты мешками с землей. Торчат сквозь амбразуры дула автоматов и винтовок.

А в центре всего этого мертвенного затишья — отель «Ледра Палас». Кондиционированный воздух, крахмальные скатерти, чинные официанты и голубые береты. «Ледра Палас» — царство голубых беретов.

Что такое голубые береты?

Это солдаты или офицеры вооруженных сил ООН на Кипре.

Я вижу из окна манящую голубую поверхность плавательного бассейна. На шезлонгах бронзовые тела в голубых трусах. Офицеры ООН, живущие в отеле. Они нежатся под ласковым кипрским солнцем. Рядом прекрасный ресторан на открытом воздухе, скрытый от палящего солнца плющом. Метрдотель во фраке, официанты в белых смокингах бесшумно обслуживают веселых загорелых людей в защитной форме с голубыми беретами на плече под погоном.

А сверху из своих амбразур смотрят на них киприоты, разделенные зеленой линией, которую как раз и охраняют голубые береты.

Я вижу из окна здание телеграфа. На его крыше — ласточкино гнездо из зеленых мешков. В нем удобно расположился солдат в каске — ооновец. И внизу ооновцы, у входа на телеграф, и у въезда в отель, и около мешков, которые означают начало ничьей земли.

И город кажется оккупированным ленивыми людьми в голубых беретах.

Между зелеными мешками ничья земля. По ней снуют лишь белые «джипы», белые броневики, белые мотоциклы и ооновцы. Их не останавливают греческие киприоты. Их не останавливают киприоты турецкого происхождения.

Я вижу из окна, как идут по дороге, насвистывая, два белобрысых ооновца. У них развинченная походка людей, на которых смотрят. На них смотрят из амбразур. Они идут в город развлечься. Навстречу другая пара. Тоже в голубых беретах, тоже белобрысые. Идут, чуть пошатываясь. Эти уже развлеклись.

Внизу, в холле отеля, беспрерывно крутится турникетная дверь, глотая и выплевывая ооновских офицеров, которые ежесекундно приезжают и уезжают в белых американских «джипах» или английских «лендроверах». У каждого на плече матерчатая подкова, на которой вышито название страны: Англия, Канада, Дания, Австрия, Австралия, Швеция. Они шикарно козыряют друг другу. Часовой шикарно поднимает левую ногу и с грохотом обрушивает кованый башмак на пол, одновременно поднимая винтовку перед носом,— высшая почесть входящим и выходящим. Здесь все шикарно, четко отрепетировано, замысловато поставлено, немного театрально.

Ах, как все добротно на ооновцах! Как ладно все пригнано! Крепкие башмаки на медных гвоздях, толстые шерстяные носки (в жару лучше всего шерстяные носки — это доказано). Рубашки и брюки из специальной грубой ткани, выписываемой из Индии (именно этот вид ткани лучше всего носить в жару). Элегантные береты, подковки с вышитым названием страны, блестящие пуговицы с эмблемой ООН, ну и все такое прочее. Даже голубое исподнее, чтобы, не дай бог, во сне когонибудь не перепутали. А белые броневички с деревянными реечками на полу, чтобы мягче стоять, а добротные радиоприемники, а стеки у высших офицеров, а выписываемое из-за границы молоко в бутылках (на Кипре мало своего), а выписываемые из-за границы аккуратные маленькие жестяные баночки с пивом (хотя на Кипре полно своего), а ящики с виски, ящики с яичным порошком, ящики с запотевшими бутылками кока-колы!

За все это платят, платят, платят...

И за все это кто-то получает громадные деньги, деньги, деньги... И кому-то очень выгодно, что на Кипре неспокойно.

— Наша фирма любит иметь дело с ООН,— говорит мне высокий немец из Франкфурта-на-Майне,— хотя эти путешествия под тропическим солнцем испортили мне сердце, нервную систему и, представьте себе, зубы. Ничего не могу поделать — гниют.— И он вежливо прикрывает рот рукой.

— Почему же вы ездите по жарким странам? — спрашиваю.

— Так получается.— Немец мажет поджаренный хлебец толстым слоем клубничного джема. — Последнее время войска ООН все время в жарких странах,— говорит он, жуя одной стороной рта.— Конго, Средний Восток и так далее. Как говорится, тепленькие точки земного шара.

Длинный, горбоносый, он наклоняется, будто складывается, к своему пухлому портфелю, который стоит под столом, и вынимает сразу три фотоаппарата.

— Вы знаете, конечно, нашу фирму, мы производим также электробритвы и фотоблицы. Кроме того, кинокамеры, прекрасные кинокамеры.

— Почему же вы любите иметь дело именно с ООН? — спрашиваю я.

— Очень просто.

Немец продолжает вынимать из портфеля все новые и новые фотоаппараты, и дорогие и подешевле и попроще и посложнее.

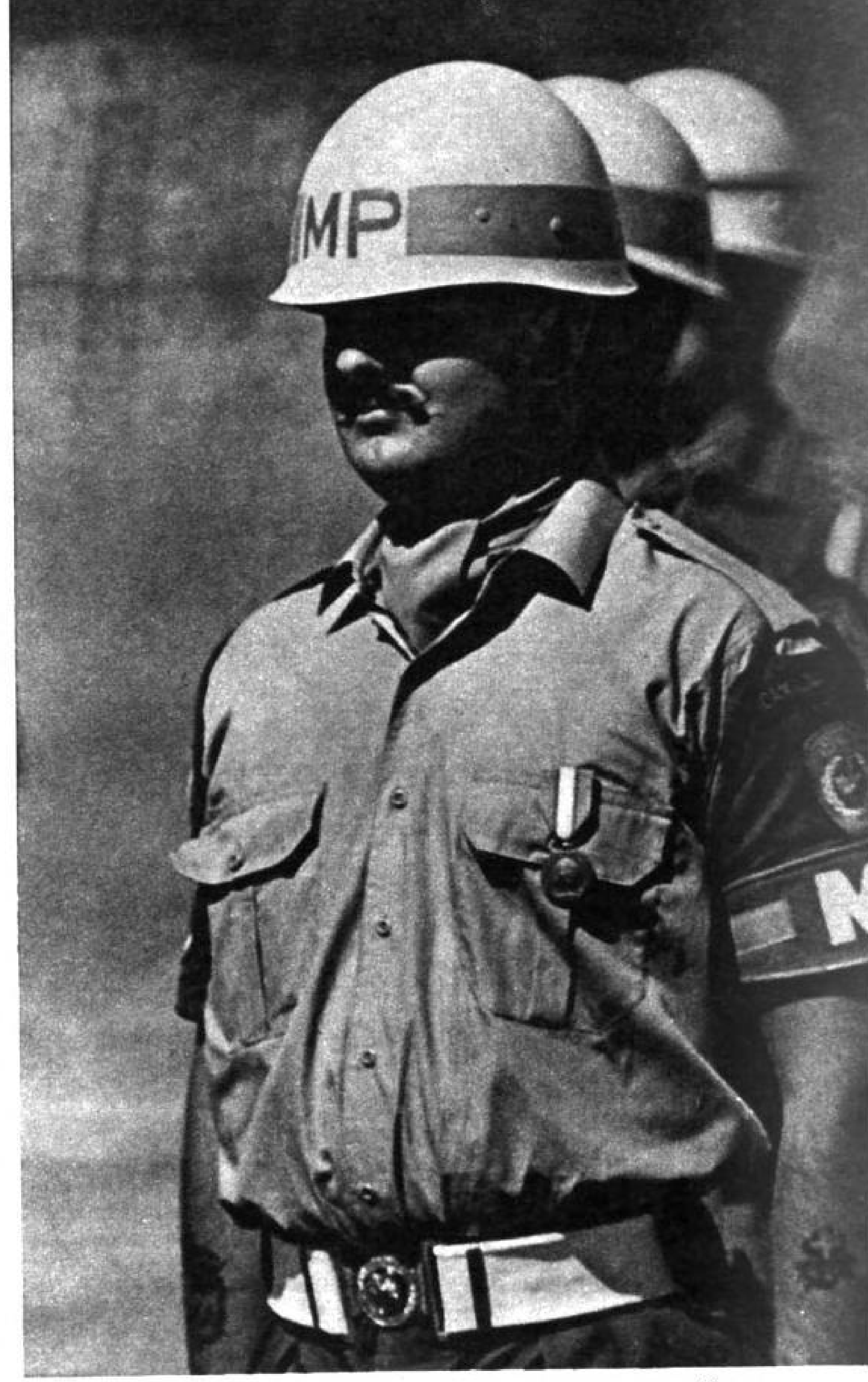
— Во-первых, массовый заказ, во-вторых, беспошлинная торговля. Денег у голубых беретов, хе-хе, немало. Жить в чужой стране скучно. Родственники на родине ждут фотографий, свидетельств, так сказать, крестовых походов за восстановление справедливости. Вот и покупают. Стоит одного уговорить — десяток становится в очередь. Кстати, вам фотоаппарат не нужен? Мог бы недорого устроить...

— Куда же вы направляетесь отсюда?

— Не знаю еще,— вздыхает коммивояжер.— Наверное, опять в жару.

Он берется рукой за сердце, привычно вынимает из кармашка коротких штанов какие-то пилюли и глотает, морща губы в виноватой улыбке. Ему действительно, наверное, дорого обходится эта торговля в Конго, на Кипре, в Суэце и еще черт его знает где.

ГОЛУБЫЕ БЕРЕТЫ

Медаленосные полицейские.

Он ведь так, мелкий коммивояжер. Не смог устроиться на более подходящую работу, вот и колесит с больным сердцем по лагерям ООН. А его фирма получает, получает и получает...

Что такое лагерь ООН на Кипре? Двадцать или тридцать вместительных палаток-бараков. Палатки-казармы. Палатка-столовая. Палатка-клуб. Палатка-кинотеатр. Скопление белых броневиков с хмуро торчащими стволами орудий и пулеметов. Лениво лежащие на походных кроватях солдаты в голубых трусах. Тумбочки, полные скабрезных фотожурналов. Игра в «ножичек». Это все опытные ооновцы. Многие, например, посланные теперь на Кипр, раньше бывали в Конго. Никто из солдат, с которыми я разговаривал, не разбирается в том, что происходит на Кипре. На такой вопрос ответом служит обычно пожатие плеч: не его дело. А в Конго? Тоже не его дело. Поступали так, как приказывало начальство. А кто прав, кто виноват — не разберешься.

— Приходилось ли убивать людей в Конго?

— Ну, а как же без этого! Конечно, приходилось.

— Кого же вы убивали?

— А черт их знает! Все на одно лицо — черномазые.

— Приходилось ли убивать на Кипре?

Усмешка.

— Пока нет.

— Значит, если здесь прикажут стрелять, будете стрелять?

— Ну, а что ж...

И снова усмешка — не злая, скорее равнодушная.

Вокруг него стоят голые по пояс товарищи. Слушают разговор без большого любопытства.

Черт, как холодно в этой душной, нагретой солнцем палатке! Лучше выйти...

Солнце бьет в глаза упругим комком света. Больно. Когда привыкаю и можно раскрыть глаза, не боясь ослепнуть, я вижу на горе, под которой расположился лагерь, огромные буквы «UN», выложенные большими фанерными щитами. Это для неба. Чтобы оттуда не стали, чего доброго, по ошибке бомбить ооновцев.

Ооновцев не любят на Кипре, не любят и греческие и турецкие киприоты. Их терпят только как меньшее зло по сравнению с НАТО. Но это «меньшее зло» — все-таки большое. Среди голубых беретов — большинство из стран НАТО. Их не раз ловили с поличным на шпионаже, провокациях, воровстве, спекуляции.

Как-то в придорожном кафе на дороге Никозия — Фамагуста я познакомился с его хозяином Георгеосом Харламбирисом. Узнав, что я из Советского Союза, он усадил меня за стол, покрыл его чистой бумажной скатертью и долго со слезами на глазах рассказывал мне, как советские врачи вернули ему зрение. История его болезни проста. Участвовал в борьбе за независимость Кипра, против англичан. Однажды, это было в 1957 году, его схватили, посадили в тюрьму и на допросах сильно били по голове, чем-то тяжелым по одному и тому же месту.

Георгеос ослеп. Его выпустили из тюрьмы. Через несколько месяцев, однако, зрение вернулось. Его снова схватили и бросили в тюрьму. Там в первый же день подвесили за ноги к потолку, а голову опустили в бочку с холодной водой.

— Не с холодной водой,— вдруг поправил Георгеоса английский ооновец, переводивший мне его рассказ,— а со льдом.

— Откуда вы знаете? — вдруг ослабшим голосом спросил Георгеос.

— Это известно, — поспешно объяснил солдат.— Во всех полициях мира так делают.— Сказал и поднялся из-за стола, сославшись на то, что ему пора на пост.

А Георгеос долго молчал, смотря вслед ооновцу подернутыми белой пленкой глазами.

Год тому назад Георгеос был в Советском Союзе. Нашим врачам удалось частично вернуть ему зрение.

Через несколько дней я снова встретился с Харламбирисом. Поинтересовался, где солдат.

— Исчез,— хмуро пробурчал Георгеос.— С того самого вечера. Теперь новый стоит. Говорят, что того часового перевели на другой пост.

Иногда ооновцев бьют.

Три подвыпивших солдата в голубых беретах сидят за столиком в кафе на Ледра-стрит. Официант принес стакан молока с розовым сиропом. Молоко сверху, сироп внизу, как глаз светофора. Один из ооновцев начинает шумно выговаривать официанту: «Молоко недостаточно холодное». Официант отвечает вежливо, хотя под смуглой кожей лица перекатываются желваки. Голубой берет выплескивает содержимое стакана на пол. Официант корректно и быстро дает ооновцу по физиономии. Начинается невообразимое. Выстрелы. С улицы в кафе мчатся голубые береты и прохожие, молодые люди в белых рубашках при галстуках, на ходу снимая пиджаки и закручивая рукава. Прикрываясь стульями, голубые береты скрываются внутри здания кабаре. Толпа киприотов стоит перед дверьми, с которых смотрят фотографии полуголых, томно улыбающихся див, и скандирует: «Долой голубые береты! Долой американцев и англичан с острова! Независимость Кипру!»

А на другой день после этой драки, свидетелем которой я был, на территории штаба сил ООН, неподалеку от отеля «Ледра Палас», устраивается парад ооновской полиции. На безлюдном дворе штаба полицейские выделывают разные строевые кунштюки. Затем выходит какое-то ооновское начальство, произносит речь и вручает каждому медаль «за безупречное несение полицейской службы». Торжество, что называется, в семейном кругу.

Среди голубых беретов есть, конечно, и люди, старающиеся разобраться в том, что происходит вокруг них. Вот слова командира группы австралийских полицейских, охраняющих зеленую линию в городе Ларнака:

— Вы спрашиваете, что нужно сделать, чтобы на Кипре воцарился мир? Очень простую штуку: высыпать землю из зеленых мешков, сами мешки пустить на хозяйственные нужды, а нашим товарищам — голубым беретам и английским солдатам с военных баз — убраться с этого острова. Только тогда на Кипре снова будет мир.

К сожалению, таких офицеров очень мало среди голубых беретов.

о. Кипр — Москва.

У ДИОРАМЫ «ШТУРМ САПУН-ГОРЫ»

Евг. ПОПОВКИН

Сапун-гора, к которой устремлено на восток от Севастополя шестикилометровое первоклассное шоссе, влечет к себе сотни тысяч людей — и моих соотечественников и многочисленных экскурсантов из-за рубежа.

Ныне Сапун-гора, ее величественный белокаменный монумент Славы, музей, военные реликвии, открытая в 1959 году диорама стали заповедником, свято хранящим память о легендарной доблести советского народа.

А для меня, как и для всех участников событий, которые развернулись здесь, у стен Севастополя, 7 мая 1944 года, это живые, незабываемые и трагические и радостные дни Великой Отечественной войны, дни немеркнущего ратного подвига советских воинов.

Падение Сапун-горы означало для гитлеровского командования крушение всей обороны под Севастополем, предрешало окончательный разгром немецкой армии, вторгшейся в Крым.

Поэтому для укрепления Сапун-горы, естественной крепости, с крутыми каменистыми склонами, обращенными в сторону наступающих войск, гитлеровские генералы не пожалели никаких сил. Они были твердо убеждены в неприступности этого бастиона. Двести пятьдесят дней здесь топтались в 1941—1942 годах отборные дивизии Манштейна, потеряв на севастопольских высотах триста тысяч солдат и офицеров.

К 7 мая 1944 года противник имел под Севастополем более семидесяти двух тысяч солдат и офицеров. Командующий запертой в Севастополе и Херсонесе 17-й армии генерал Енеке хвастал в приказе: «Мы будем находиться на этом участке гигантской борьбы столько времени, сколько прикажет фюрер».

Трехъярусная система траншей, опоясавших Сапун-гору, густая сеть железобетонных дотов, сотни орудий, тысячи пулеметов, проволочные заграждения и сплошные минные поля — все это внушало гитлеровцам уверенность в том, что они устоят перед любым натиском советских войск.

Еще 3 мая, за несколько дней до штурма Сапун-горы, генерал Альмендингер, сменивший на посту не справившегося со своими обязанностями генерала Енеке, заявил в приказе: «Плацдарм на всю глубину сильно оборудован в инженерном отношении, и противник, где бы он ни появился, запутается в сетях наших оборонительных сооружений. Никому из нас не должна прийти в голову даже мысль об отходе с этих позиций».

В девять часов утра 7 мая советские войска начали героический штурм этих неприступных, как самоуверенно полагали немецкие генералы, горных позиций. Тщательно и умело подготовленное наступление велось одновременно на участке в пятнадцать километров. Во второй половине этого же дня советские воины, штурмуя многоярусную систему укреплений, овладели двумя линиями траншей противника на Сапун-горе. Незадолго до вечера на ее гребне взвились одно за другим алые знамена. Их водрузили пулеметчик Кузьма Москаленко, гвардии младший сержант Соснин, гвардии рядовой Илья Поликахин, рядовые солдаты Иван Яцуненко, Дробязко, Абдурахманов. К исходу дня советские воины полностью овладели Сапун-горой — ключевой позицией, открывшей путь к Севастополю...

Я стою перед живописной диорамой, с суровой правдивостью воссоздающей подвиг нашей армии. Молчаливо, глубоко взволнованные, стоят перед ней мои фронтовые товарищи. Создатели диорамы — заслуженный деятель искусств РСФСР П. Т. Мальцев, художники Г. Марченко и М. Присекин, Герой Советского Союза капитан 1-го ранга Г. Терновский, отразившие в талантливом высокохудожественном произведении панорамной живописи легендарный штурм Сапун-горы,— заставляют нас снова пережить все, что предшествовало освобождению города-героя.

Во всех подробностях мы видим отчаянное упорство вооруженных до зубов, но обреченных фашистских захватчиков. Мы видим еще большее, всепобеждающее упорство советских героев, сметающих с родной земли фашистскую нечисть.

Мы видим ожесточенную рукопашную схватку в блиндажах противника. Видим, как лейтенант Михаил Головня возглавляет атаку. Видим в бою гвардии рядового Ашота Маркаряна, прикрывшего грудью от вражеской пули своего боевого командира комсорга Н. Чмуха, который одним из первых смело ворвался в траншеи врага.

Вместе с разведчиками, саперами, автоматчиками в первых рядах штурмующих Сапун-гору — героические советские женщины: санинструктор Ольга Беляева, медсестра Лидия Полонская и Евгения Дерюгина, многие другие отважные женщины-бойцы.

Мы видим, как сдаются в плен фашистские вояки, смертельно напуганные сокрушающим натиском советских воинов.

И мы склоняем голову перед теми безвестными героями, которые ценой крови, своей жизни проложили путь к твердыне Черного моря — Севастополю.

Фрагмент диорамы «Штурм Сапун-горы».

Художник П. МАЛЬЦЕВ.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Здание диорамы.

На площадке у здания диорамы «Штурм Сапун-горы».

Фрагмент диорамы.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

ЕДНА КАФА

Белград. Мы сидим за столиком в журналистском клубе газеты «Борба», пьем много кофе и много курим. Мы заняты выработкой маршрута поездки «русского другаря» по стране. Это, как видно, совсем нелегкое дело. Главная трудность в том, что здесь невозможно прийти к общему мнению. Титоград, Скопле, Дубровник, Загреб, Сараево... Миниатюрная карта шести республик давно уже покрылась нетерпеливыми линиями и решительными стрелками. При первом знакомстве мне, конечно, не просто понять эту быструю, темпераментную речь новых друзей, хотя и слышится в ней постоянно родное, славянское. Но я улавливаю смысл: много ярких впечатлений и чудесных встреч сулит любой вариант маршрута, пройдет ли он к южной земле Македонии, к адриатическим берегам, к горной вершине Триглава...

— Еще едну кафу!

— Молим вас.

Нам подали еще по одной чашечке черного кофе вместе с бокалом холодной, в пузырьках воды, когда подошел Мильен Миляныч из футбольной редакции.

К этому времени черноглазый Джордже Мартинович, репортер из «Света», по-моему, уже начинал изнемогать в страстных попытках доказать, что его родная Черногория — первое, что должен видеть человек на югославской земле. «Это самый малый наш уголок и самый тихий». Посмеивались над маршрутом, который начертил Джордже: «Дубровник—это понятно, это известно всему миру. Но ты, кажется, предлагаешь Котор, другарь Джордже? Чем он замечателен, кроме того, что подарил человечеству тебя?»

Мильен Миляныч заказал чашечку кофе и, конечно, тоже принял участие в разговоре. Для начала он вспомнил Москву, в которой был совсем недавно первый раз. Он ездил туда с юношеской сборной командой футболистов. Мильен — тренер этой команды. «Нельзя было понять, кто выиграл,— хитрит Мильен,— шел, знаете, такой густой снег...»

Он хорошо говорит по-русски. Популярнейший в недалеком прошлом полузащитник «Красной звезды», Мильен рассказывает, что много раз встречался с нашими ребятами на футбольном поле. «Париж, Будапешт, Белград... Я еще в пятьдесят шестом сказал, что Яшин — лучший вратарь мира...»

Но русский язык узнал раньше, гораздо раньше, мальчишкой. Русскому научил его Михаил Курачов, когда они вместе партизанили в Шумадии.

— Знаете, что есть пикавац? Ну, это маленький. У него был малый такой автомат — пикавац. Когда Михаил уходил от нас домой, он мне подарил свой пикавац. Это было в конце войны. Но меня еще долго так называли — пикавац. Не знаете, как мне найти Михаила Курачова?..

Мильен, между прочим, отнесся с полным одобрением к маршруту, предложенному Джордже. Ну и что из того, что и он тоже черногорец? А вы, шумные другари, видели Биоградское озеро на вершине горы? Ели пастрынку из этого озера? Видели вы, наконец, виноградники, добрые старые виноградники или новую дорогу, которая идет горами и сбегает к Которской бухте?

— Поезжайте так, как говорит Джордже,— советует мне Миляныч,— это тоже добрый маршрут.

ЗОНТИКИ НА ДОРОГЕ

— Алло, Джордже!

— Как живешь, Джордже?

— Никак это ты, Джордже!

Думаю, что я не ошибаюсь: каждый пятый, а может, и третий человек из встреченных нами в пути — друг моего спутника Джордже, и притом друг самый лучший. Мы ночью мчимся в такси на аэродром, и шофер оказывается давним знакомым Джордже. Мы идем на посадку в самолет, и Джордже, щедро раздарив улыбки другарицам-стюардессам, внезапно бросается к кабине пилота: «Славко, око мое, где пропадал?» Мы усаживаемся в глубокие кресла и, как положено, опоясываемся ремнями, как вдруг Джордже снова приходит в восторг: «Вот встреча! Знакомьтесь, другари мои!» Оказывается, наш сосед — лучший другарь Джордже, известный камерный певец: «О, вы из Москвы! Я скоро еду туда. Что сейчас поют москвичи? Я хотел бы разучить одну или две новых песни в подарок тем, кто придет на концерт».

Мы встречаем рассвет над горами. Солнце слепящим шаром выкатывается и гонит синий, слоистый туман в едва заметные отсюда лощины.

Потом мы едем в автобусе. Очень долго едем в автобусе по новой, еще не совсем готовой автотрассе через Черногорию. Мы сидим рядом с водителем, там, где наиболее удобно, где лучше видно. И я уже знаю, что водитель Люба Гуляич — великий человек и лучший другарь Джордже. Люба ведет тяжелую и длинную машину на предельной скорости, успевая все же приветствовать коротким сигналом встречного коллегу, уступившего путь, и дорожного рабочего, поднявшего в привете руку, и просто двух или трех стариков, присевших обочь дороги. Люба успевает кивнуть мне, показывая на хрупкий мостик, повисший над кручей: «Строила молодежь!»

Строила молодежь... Я еще в Белграде постоянно слышал это. Помню, мы стояли на вершине горы Калемегдан, откуда виден весь Белград и слияние рек Дуная и Савы. Огромный новый город спокойно и мощно протягивал к небу светлые массивы своих домов. «Видите? Там слева — студенческий городок... Его тоже строила молодежь».

В Центральном комитете Союза молодежи Югославии мне рассказывали подробно и, могу сказать, вдохновенно о трудной и боевой молодости страны, и все было очень понятно: и вдохновенность рассказчика и уважение к свершениям молодых. Это ведь так на наших ребят похоже! Да, и у них были свои Павки Корчагины и Александры Матросовы. И у них молодежные рабочие и студенческие клубы названы именами хороших, рано погибших хлопцев.

И у них, когда пришла победа и вышли из лесов, спустились с гор партизаны, отложили ребята пикавцы и взялись за тачки и мастерки строителей. Мне называли железные дороги, гидростанции, заводы, в создание которых добровольно и без всякой платы вложила свой труд молодежь. Много рассказывали о знаменитой здесь, в стране, автомагистрали Братства и Единства, которая прошла через всю страну и соединила своей широкой лентой и стройными мостами земли Хорватии и Словении, Сербии и Македонии, как соединяли их еще не так давно партизанские тропы. Называли цифры:

— Около тысячи ста километров пути, другарь наш, почти полмиллиона парней и девушек...

— Мы строим дорогу, дорога строит нас!

Наверное, нельзя выразить точнее и короче смысл того, что происходило там, у костров и палаток, в зной и дождь, пока подвигалась вперед дорога. Хотели работать все, скрепя сердце приходилось отказывать, потому что просто не было столько места на стройке.

— Деньги? Никаких денег. Питание, ночлег... Вся награда! Шесть часов в день — труд, остальное время — песни, спорт, дружба. Работала молодежь всех шести республик. Сельские ребята жили в одной палатке со студентами из Загреба и Белграда, в одном самодеятельном ансамбле плясали и пели аспиранты-физики и девушки с животноводческих ферм...

...Здесь тоже строят дорогу. Строят высоко в горах, под серенькими, слезливыми тучами, вдруг обложившими небо. Наш автобус, несмотря на все величие другаря Любы, надолго застревает, соскользнув некстати с узкой тверди еще неготового пути.

Дождливо. Холодный, осенний ветер ерошит пожухлые виноградники, где дремлют вислоухие ослики под тяжестью корзин в ожидании, пока хозяева соберут последние гроздья.

На дороге работают ребята. Черноглазые пареньки в синих комбинезонах и пилотках, сдвинутых набок. Так вот они какие, строители знаменитого автопути! Что ж, тоже знакомые незнакомцы! Вот только черный зонтик, прочно укрепленный у дороги, не очень, по-моему, в моде у наших ребят.

Мы идем под черный зонтик, усаживаемся тесно покурить и поболтать. Два-три общих вопроса, остроты насчет погоды, удивление: «Из самой Москвы?» Гроздь влажного, с желтизной винограда и пять открытых пачек с сигаретами: «Молим вас...»

Откуда они? Отсюда неподалеку, кто из селений, кто из ближнего городка. Учатся? Ну, кто же теперь не учится... Знает ли русский

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЮГОСЛАВИИ — 19 ЛЕ

ЦВЕТЫ, КОТОРЫЕ НЕ ВЯНУТ

другарь, что у них в Черногории есть факультеты высшей школы и такие профессии, как литейщики, металлурги, электрики?

Гордость эта мне понятна, если вспомнить, что два десятка лет назад слово «грамотный» в Черногории было не слишком распространенным.

Что собираются делать в жизни? О, это разговор надолго. Вижу ли я, как там хлопочет у дорожной машины их приятель, тот, что сел сейчас за руль и вытягивает на твердое покрытие наш автобус? Он еще этой весной знал двигатель только по школьному учебнику...

Мы едем дальше. Синие фигурки на дороге машут нам вслед и, помахав, начинают бить и бить кирками неподатливую, каменистую землю.

В ДУБРОВНИКЕ НЕ СЕЗОН

Джордже явно беспокоился: «Жаль, что в Дубровнике не сезон, другарь».

Он был прав. Древний город тих в эти дни поздней осени. Гулки каменные его мостовые, стоят без дела у отеля такси. Одинокие туристы проходят нахоженным до блеска путем к достопримечательным местам: музею города и аквариуму, в котором осовело смотрят через толстые стекла обитатели адриатических глубин, тоскующие осьминоги и неправдоподобно зеленые рыбы.

Мы с Джордже сидим на порпорели, как тут называется узкий мол гавани. Джордже добросовестно старается наполнить меня сведениями о Дубровнике. Мы уже побывали с ним в музее и аквариуме. Он раза два или три показал мне, где стоит новая телевизионная антенна: «Там, другарь, видите — рядом с белым крестом?» Он сказал мне, что живописный остров, напротив которого мы сидим, называется Локрум и что он, кажется, служил форпостом в борьбе против нашествий древних римских легионов. Я теперь твердо знаю, что вон тому монастырю семьсот лет. Нам знакома теперь даже такая подробность, что вот этот камень под ногами, весом в три с лишним тонны, выброшен на берег штормом в 1884 году...

Джордже внезапно замечает на миг приторомозившую у ресторанчика целую кавалькаду машин. «Око мое! Сколько другарей и другариц!» Это киносъемочная группа. Снимают какой-то исторический фильм. Вижу в черных глазах Джордже бездну нетерпения.

Я остаюсь один, и мне очень хочется понять, чем живет этот солнечный старый город.

Курорт? Конечно, и, как говорят, с всемирной славой; тут два шага до Италии, тут моря и солнца хватает. Место традиционных фестивалей кино? Знаю и об этом...

Железные рыцари на монастырской башне лениво били тяжелыми рукавицами в колокол: вот еще прошло полчаса. В бухте загорелый парень, голый по пояс, перегонял с места на место красивые моторки, наводил на стоянке порядок. Двое мальчишек помогали деду удить рыбу; рыба не клевала: научилась остерегаться за семьсот-то лет. Из открытых окон гимназии доносилось пение: там что-то разучивали.

Медленно подошел вечер. Немалая толпа собралась у витрины магазина электротоваров. Засветился экран телевизора. Началась передача Олимпийских игр из Токио. Как же возликовали, когда увидели Симича, югославского силача, штангиста, получающего золотую медаль! Потом на экране — бокс. Я узнал своего земляка Бориса Лагутина. Было ему, видно, трудновато. Мелькнуло крупным планом волевое, усталое лицо.

— Рус, давай! — крикнули в толпе.

Толпа задвигалась, зашумела. Я видел, как почтенный человек, поискав глазами, поспешно встал на древний, источенный камень, чтоб лучше видеть поверх голов.

— Рус, давай!..

Что же еще случилось в городке? Да ничего. Кончился сеанс в кино. Шел какой-то голливудский боевик, я видел днем афишу: пистолеты, девица... Ветер с моря пошуршал брошенными билетиками.

И стало в Дубровнике пусто и тихо. Я пошел в отель, рассеянно оглядывая все те же древние, серого камня стены.

И на одной стене увидел доску белого мрамора. Было что-то написано, две красные ленты спадали с мраморных углов.

Я стал читать. Запоздалый прохожий остановился рядом, посмотрел, что я разглядываю. Я извинился, попросил помочь мне понять написанное.

16 июня 1941 года у этой стены случилась трагедия. На этом месте был схвачен и замучен житель городка. Его замучили гитлеровцы. За то, что он крикнул, когда патруль проходил мимо: «Будьте прокляты! Живет свобода! Живет Советский Союз!»

Я поблагодарил прохожего. Мы улыбнулись друг другу и приподняли, прощаясь, шляпы.

И теперь, когда я вспоминаю Дубровник, мне видятся красные ленты на мраморе, ленты, которые постоянно меняют на старой стене чьи-то руки.

О ЦВЕТАХ, КОТОРЫЕ НЕ ВЯНУТ

В эти дни конца ноября по всей Югославии стучат, наверное, молотки. Сколачиваются на площадях дощатые трибуны, крепятся над окнами и на балконах флаги, бесчисленное множество больших и маленьких флагов — трехцветных и алых, с пятиконечной звездой.

Хозяйки готовят праздничный стол.

Хлопотно, верно, в доме престарелого школьного учителя Зарича. Он живет теперь на покое, пенсионер. Я думаю, к нему обязательно придут двадцать девятого ноября школьники и он поведет их, в который уж раз, к месту прежней своей квартиры, у Земунского моста через Саву. Когда-то он спас этот мост для родного Белграда. Было это двадцать лет назад. Партизаны полковника Милана Жежеля и солдаты советского генерала В. Жданова подходили в тяжелых боях к Белграду. Гитлеровцы заминировали мост. Школьный учитель, человек самый мирный, пробрался к мосту и перерезал провода. Стройный и легкий мост через Саву, украшенный сегодня флагами, полный стремительного движения, поклонился бы, наверное, седому человеку.

Хлопотно и весело в городке Ужице. Ему, казалось бы, нечем особенно похвастать: ни промышленных гигантов, ни знаменитых университетов. Но есть здесь строгий обелиск. И у подножия этого обелиска круглый год не вянут цветы. Сюда в разгар войны со всех концов борющейся страны шли партизанские делегаты, чтоб здесь провозгласить свой остров свободы.

Л. РОГАЧЕВСКИЙ

В РАССУЖДЕНИИ, ГДЕ БЫ ПОКУШАТЬ...

Сосед по купе, пожилой мужчина в легкой дорожной куртке, взял со столика раскрытый том Чехова и, улыбнувшись, сказал:

— Откровенно говоря, я ему завидую.

— Кому? — не понял я.

— Инженеру Крикунову, чеховскому «пассажиру первого класса». Великолепно человек пообедал на вокзале, пришел в свое купе и разлегся на диване.

Попутчик отложил книгу и теперь уже не улыбался.

— Он-то пообедал, а нам с вами не удастся. Вот так-с...

— Да, пожалуй, — согласился я.— Наш поезд пролетел с десяток станций, стоял всего на двух, да и то по нескольку минут.

И тут пошел у нас разговор о том, как пообедать в пути. Еще не так давно, путешествуя по железной дороге, мы во время остановок не спеша прогуливались по платформе, не опасаясь отстать от поезда, заходили в вокзальный ресторан и успевали пообедать. А теперь не только скорый, но даже наш, пассажирский поезд № 95 Москва—Севастополь на полном ходу проскакивал одну станцию за другой. Что ж, с одной стороны, это хорошо: технический прогресс. А с другой, как говорится, голод не тетка. И мы с попутчиком казнили себя за то, что не взяли в дорогу еду. Не учли: в пассажирском поезде вагон-ресторан отсутствует.

Ну, а там, где он имеется? Совсем недавно мне довелось быть пассажиром скорого поезда № 29 Москва—Орджоникидзе, в котором был вагон-ресторан. И снова — и я и мои попутчики — все мы просчитались. Дело происходило осенью, но если судить по меню, то казалось, что за окнами декабрь.

— Овощного ничего нет! — отвечала директор Н. Масухранова. — Чего-нибудь для детей? Не держим...

Шеф-повар В. Потапенко предлагала жидковатый борщ и ромштекс, который называть так можно лишь условно. А когда мы выразили недовольство, она усмехнулась: «В пути надо быть менее разборчивыми». Официантки поддерживали шефа и дуэтом говорили: «К нам больше приходят выпить. А водки и коньяка у нас достаточно: на весь рейс хватит с лихвой».

Такие же «порядки» я наблюдал в вагонах-ресторанах и других поездов, идущих в Тбилиси, Свердловск, Алма-Ату. Те же ответы на те же запросы пассажиров.

Однажды мне довелось быть участником рейда-проверки ресторанов на колесах. И я мог бы процитировать записи в своем блокноте, как частенько в пути пассажиров обмеривают, обвешивают, а предназначенные для них товары попадают в руки станционных спекулянтов, как грубят официанты, если ты зашел просто поесть, а не выпить.

— Позвольте! — вправе спросить читатель.— Есть же у этих ресторанов хозяин, и он обязан навести строгий порядок.

В том-то и дело, что единого, полновластного хозяина нет. Если бы я стал перечислять, кому подчиняются рестораны на колесах в одной лишь Российской Федерации, то потребовалось бы заполнить весь лист.

Есть такое почтенное учреждение — Главдорресторан. Казалось бы, вот и хозяин! Но хозяин этот весьма ограничен в своих правах. Пассажир, недовольный обслуживанием бригады кулинаров в поезде Свердловск — Москва, по приезде в столицу звонит начальнику Главдорресторана В. Тиматкову. Тот, выслушав претензии, отвечает: «Вы обратились не по адресу». «Как так?» «Очень просто. Ресторан этого поезда находится в ведении свердловских руководителей торговли».

Выясняется: из более чем семисот вагонов-ресторанов, находящихся в РСФСР, значительная часть принадлежит различным торговым организациям: Главкурортторгу, Леннарпиту, Оренбургскому и Свердловскому областным управлениям торговли и т. д. На Украине, например, вагоны эти находятся под эгидой трестов железнодорожных ресторанов и буфетов, а в Азербайджане ими командует вокзальный ресторан станции Баку. А страдает от этой неразберихи пассажир.

Приходит, скажем, бакинский поезд в Москву. Перед отправлением в обратный рейс ресторан на базе снабжения Курского вокзала загружают продуктами. «Почему не

Так уезжала молодежь строить дорогу.

Сколько будет волнений в клубах молодежи! В редакции «Света» мне, между прочим, подарили карманный статистический справочник Югославии, и я нашел там любопытные цифры. Оказывается, в 1939 году на территории нынешней Югославии было всего тринадцать тысяч студентов. Сейчас — сто тридцать восемь вузов, около ста шестидесяти тысяч студентов — будущих инженеров, агрономов и зоотехников, транспортников, экономистов, юристов, врачей... Это не считая факультетов высшей школы, художественных академий, народных и рабочих университетов!

Можно, листая этот справочник, узнать и понять многое. Рост промышленности и железнодорожной сети, жилищного строительства и добычи нефти, угля, металлов, рост тиражей газет и появление новых и новых научных, школьных библиотек. Очень емкие цифры. Нет, не терял народ времени даром!

Я знаю: будет особенно многолюдно в праздник на горе Калемегдан. Джордже мне говорил, что так всегда бывает, когда случается в жизни Белграда какое-нибудь большое и светлое событие. Есть тут, над самой кручей, гордый памятник «Победитель», созданный скульптором И. Мештровичем. Он смотрит на новый город, построенный, видно, в хорошем настроении жизнерадостным и сильным строителем.

Бронзовый воин опустил меч к земле. Меч ему сейчас не нужен. Есть тут рядом военный музей. Он учит, что вся долгая история славянского города на слиянии рек Савы и Дуная есть борьба. Кто только не рвался сюда с оружием! На стендах в музее хранятся зазубренные мечи римских легионеров, ржавые ятаганы турецких янычар, ружья времен Наполеона...

Есть тут фотографии времен последней войны. Много фотографий, сделанных, видно, наспех на партизанских тропах и стоянках. Карты-схемы партизанских военных действий.

Есть тут фотографии советских солдат и югославских партизан. Победа стоила дорого, большой кровью скреплено наше братство. На белградском кладбище советских воинов есть среди других могил надгробная плита, на которой всего и сказано: «Мишка-танкист». Кто он, этот Мишка, из какого русского края? Здесь, у могилы, тоже не вянут ни зимой, ни летом цветы.

даете хорошего мяса, колбасы, кондитерских изделий?» — спрашивает директор ресторана. «Вы ведь не наши, а приезжие!» — отвечает кладовщик.

Подобные диалоги часто можно услышать на базах. Деление на «своих» и «чужих» стало чуть ли не правилом.

Обилие «хозяев» порождает и разнобой в ценах. Вот письмо Г. Устименко: «Я дважды ездил в Хабаровск, один раз из Москвы, другой — из Харькова. В украинском вагоне-ресторане борщ и другие первые блюда почему-то дороже. Чем вызвано столь странное явление?»

Прокомментировать это письмо я попросил работника управления общественного питания Государственного комитета Совета Министров СССР по торговле З. Соснину.

— Такие факты нередки,— сказала она.

— А чем они вызваны?

— Тем, что в вагонах-ресторанах РСФСР и Украины разные средневзвешенные цены, разные прейскуранты. То же можно наблюдать и в других республиках.

— Когда же будет ликвидирован такой парадокс?

В Государственном комитете мне не могли ответить на этот, как и на многие другие вопросы, связанные с питанием пассажиров на транспорте.

А перемены нужны, очень нужны. Более четверти всех вагонов-ресторанов не имеют механических холодильных установок. Нет самых простых приспособлений для торговли в поездах. Нет переносных удобных мармитов, термосов. Вот и ходят из вагона в вагон разносчицы с допотопными корзинами. Исчезла прессованная посуда, и, предлагая вам кофе, работница ресторана, заглянув в купе, предупреждает: «Только в собственную тару».

В вагонах-ресторанах с их небольшими кухнями особенно нужны полуфабрикаты. Но, к сожалению, здесь пользуются ими редко. В прошлом году я был в Ростове-на-Дону и наблюдал работу крупнейшей базы снабжения ресторанов на колесах. Мне показывали продукцию Кубанского консервного комбината. Это были замороженные блюда в брикетах — украинский борщ, рассольник, тушеная говядина, отварные куры, голубцы и т. д. Брикеты легко транспортабельны, даже при обычной температуре сохраняются много часов.

Новшество это было весьма одобрительно встречено кулинарами, всеми работниками вагонов-ресторанов. Но вот недавно я снова побывал в Ростове-на-Дону. И что же? На базе и в помине нет замороженных блюд.

Пассажир сетует не только на обслуживание в поезде. Большие претензии у него и к вокзальным ресторанам.

Многие республиканские министерства торговли не замечают, что иные вокзальные рестораны, по сути дела, превратились в обычные предприятия общественного питания, в которых, кстати сказать, чрезмерно увлекаются продажей спиртных напитков. Как не вспомнить И. Ильфа и Е. Петрова, справедливо утверждавших, что «специальностью вокзала должны быть никак не пельмени под водку, а что-то другое, более железнодорожное...»!

И нельзя тут не упомянуть добрым словом харьковчан, которые много делают для того, чтобы пассажиры этого крупнейшего в стране железнодорожного узла были довольны. На перронах разносчики ежедневно продают тысячи пакетов с закусками, фруктами. В ресторане стоит большой стол — здесь за считанные минуты можно хорошо поесть. Шеф харьковского ресторана мастер-повар В. Павлов, его помощники позаботились и о взрослых и о детях. При комнате матери и ребенка организовали специальную детскую столовую. Тут и молоко с добавлением витаминов, и манная каша, и вкусные блюда из творога и овощей.

Но, к сожалению, не назовешь много вокзальных ресторанов, где бы так заботливо встречали пассажира. И виноваты не только работники торговли. Я видел целые тома переписки заместителя министра торговли РСФСР С. Алексеева с заместителем министра путей сообщения СССР Н. Гундобиным. Неужели руководители двух министерств — торговли и путей сообщения — не могут сесть за круглый стол и разрешить все наболевшие вопросы? Конечно, могут, но почему-то не садятся.

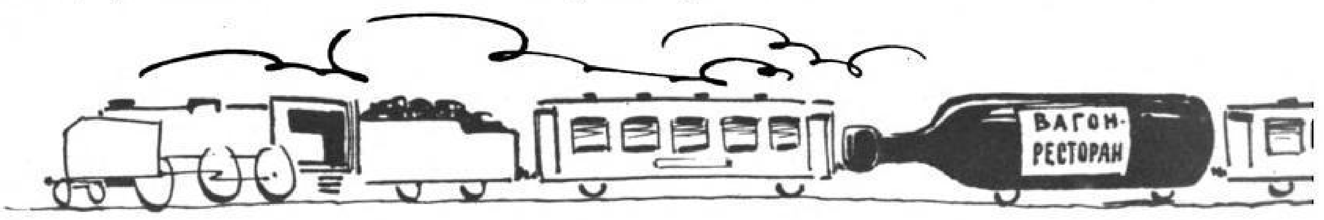
Несколько лет назад было выдвинуто предложение: заботиться о питании пассажиров должно Главное управление рабочего снабжения Министерства путей сообщения. Но министерство категорически возражает. Возражать-то возражает, а ничего лучшего не предложило. Поэтому давно не решаются такие, например, вопросы, как продажа проездных билетов с включением в их стоимость питания. Повисло в воздухе и другое предложение: в одних поездах — скорых, курсирующих, скажем, на курортных линиях,— иметь вагоны-рестораны, в других, пассажирских,— вагоны-столовые, в которых не будут подавать спиртных напитков да и обед обойдется дешевле. А в поездах межобластного значения обязательно должны быть вагоны-буфеты. Кстати, Министерство путей сообщения редко пускает в эксплуатацию вагоны, оборудованные буфетами.

...Ежедневно в пути на железных дорогах находится несколько миллионов человек — целое государство на колесах. И, конечно, это хорошо, когда пассажиру помогают быстро приобрести билет, создают уют и на вокзале и в вагоне. Но надо подумать и о питании в пути.

Будем надеяться: проявит настоящую заботу о пассажирах Министерство путей сообщения СССР.

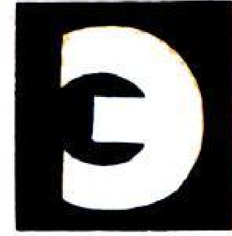
С октября наши железные дороги живут по новому уставу, в котором много приятных сюрпризов для пассажиров. Нужно, чтобы эти сюрпризы касались и обеда в пути.

Дэвид ГОВАРД

Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

то произошло в начале весны 1942 года, когда молодой датчанин, 32-летний Пульсен, принял командование маленькой армией на одном из обширных театров военных действий второй мировой войны: в его подчинении оказались пятнадцать охотников и 170 тысяч квадратных километров Гренландии!

В тот день на маленькую метеорологическую станцию Эскимонес радио донесло отдаленный голос:

— Алло, Пульсен? Говорит губернатор Эск Брюн. Сколько всего народа на восточном побережье?

— Пятнадцать, считая эскимосов,— ответил Пульсен после минутного размышления.

— Я вас мобилизую,— продолжал губернатор Большой Западной Гренландии.— В ваши обязанности входит наблюдение за побережьем. Если немцы высадят даже самый маленький отряд, немедленно сообщите мне... Желаю успеха...

Радио замолчало.

Пульсен — молодой худощавый человек — из любви к приключениям и дальнему Северу три года тому назад покинул провинциальный городок невдалеке от Копенгагена, где служил продавцом книг, и обосновался на этой крохотной метеостанции, затерянной в необъятных просторах Гренландии. Без письменного приказа, без чина и формы он превратился в начальника с неограниченными полномочиями, полностью отрезанного от всего мира.

С момента объявления войны Эск Брюн, губернатор Гренландии, этой гигантской датской колонии, покрытой ледяным колпаком, стал на сторону союзников, несмотря на то, что Дания была оккупирована германскими войсками. Западный берег, на котором находилась резиденция Брюна, был единственным населенным местом с несколько умеренным климатом. В силу географического положения ему не грозило нападение противника. Восточное побережье, обращенное к Европе, совершенно дикое, десять месяцев в году блокировалось льдами. На всем его протяжении было лишь два-три охотничьих убежища и одна метеостанция. Однако на восточном побережье, в Эскимонесе, находилась рация, которая передавала сведения о состоянии атмосферы, нужные союзникам. Немцы же не получали никакой информации о погоде из этого района, хотя эти данные и для них были очень важны. Поэтому гитлеровцы могли попытаться тайно установить на восточном побережье Гренландии свою метеостанцию, которая сообщала бы германским подводным лодкам прогнозы погоды.

...Патруль Большой Восточной Гренландии был организован. Семь человек относительно комфортабельно обосновались в Эскимонесе в деревянной постройке. Восемь других членов патруля отправились на маленькие посты, основанные на острове Элла, приблизительно в 300 километрах южнее, и островке Сгоресби Зунд, южнее Элла еще на 250 километров. Каждый человек имел сани с дюжиной собак. Всего для осуществления наблюдения до 75° северной широты, крайней судоходной границы, имелось пятнадцать человек и сто пятьдесят собак.

— Итак, всех людей, которых вы заметите, нужно считать врагами,— сказал на прощание своим подчиненным Пульсен.

Это было трудно понять эскимосам. Человек, встреченный в Арктике, в хижине или на санях, по их представлениям, мог быть только другом в беспредельной ледяной пустыне. После того как в сентябре льды внезапно блокировали Эскимонес и прошла длинная зимняя ночь, продолжавшаяся до начала февраля, шесть человек группы Пульсена почти забыли, что за пределами их огромного бело-го и безмолвного мира шла война и что были еще какие-то другие дела, кроме охоты. Но события, разыгравшиеся вскоре, не замедлили напомнить им об этом.

* * *

В начале марта 1943 года Пульсен сказал своему заместителю Мариусу Янсену:

— Ты должен произвести разведку побережья и острова Сабина. Мы не были там с конца прошлой весны.

Дорога в этот район занимала почти три дня санного пути. Янсен отправился с двумя эскимосами, Вильямом и Микаэлем, на трех санных упряжках. Это было лучшее время для езды на санях.

К концу третьего дня, как и предполагали, они не заметили ничего живого. Остров Сабина находился теперь от них всего в нескольких милях. Там, в восьми километрах от залива Ганса, имелось охотничье убежище.

Уже можно было заметить вдали черную точку на хаотическом фоне искрящихся белизной айсбергов, когда собаки головных саней, управляемых Янсеном, резко остановились и подняли уши, что-то почуяв. «Быть может, медведь?» — подумал Янсен. Он осмотрел в бинокль горизонт, но ничего не заметил. Вновь посмотрев на убежище, охотник издал легкий крик удивления: тоненький столбик дыма поднимался из трубы над крышей хижины. Два крохотных силуэта появились на пороге у входа: два человека! Для старого арктического охотника, каким был Мариус Янсен, не было другого объяснения: два человека — летчики с потерпевшего аварию самолета, потерявшиеся в ледяной необъятности и нуждавшиеся в помощи. Он вновь пустил своих собак.

Удивленный Янсен не знал, что и подумать. Два человека вместо того, чтобы ожидать их или пойти навстречу, стали карабкаться на снежный холм позади хижины — это был кратчайший путь к острову Сабина. Вскоре два маленьких черных силуэта исчезли на другом склоне. Мариус Янсен теперь уже окончательно сбился с толку. Кто были эти люди, и не были ли они сумасшедшими?

ГРЕНЛАНДСКАЯ

Не колеблясь и не подозревая ничего плохого, трое направились к хижине. Она оказалась пустой, но в ней было тепло, печь еще горела, и на столе стояли две недопитых чашки кофе. На вешалке висела военная куртка зеленоватого цвета с гитлеровской свастикой на груди.

* * *

В начале сентября 1942 года германский грузовой пароход «Сашен» прибыл к острову Сабина. Капитан Риттер, руководивший экспедицией, предпочел бы другое место, дальше на север, так как знал, что единственный обитаемый пункт, Эскимонес, находился на расстоянии немногим больше ста километров отсюда. Но приближалась зима, корабль рисковал застрять во льдах, а следовательно, лишиться возможности высадить людей и выгрузить материалы. На северо-востоке острова имелся небольшой фиорд Ганс-Бей, еще свободный ото льда. Там и бросили якорь.

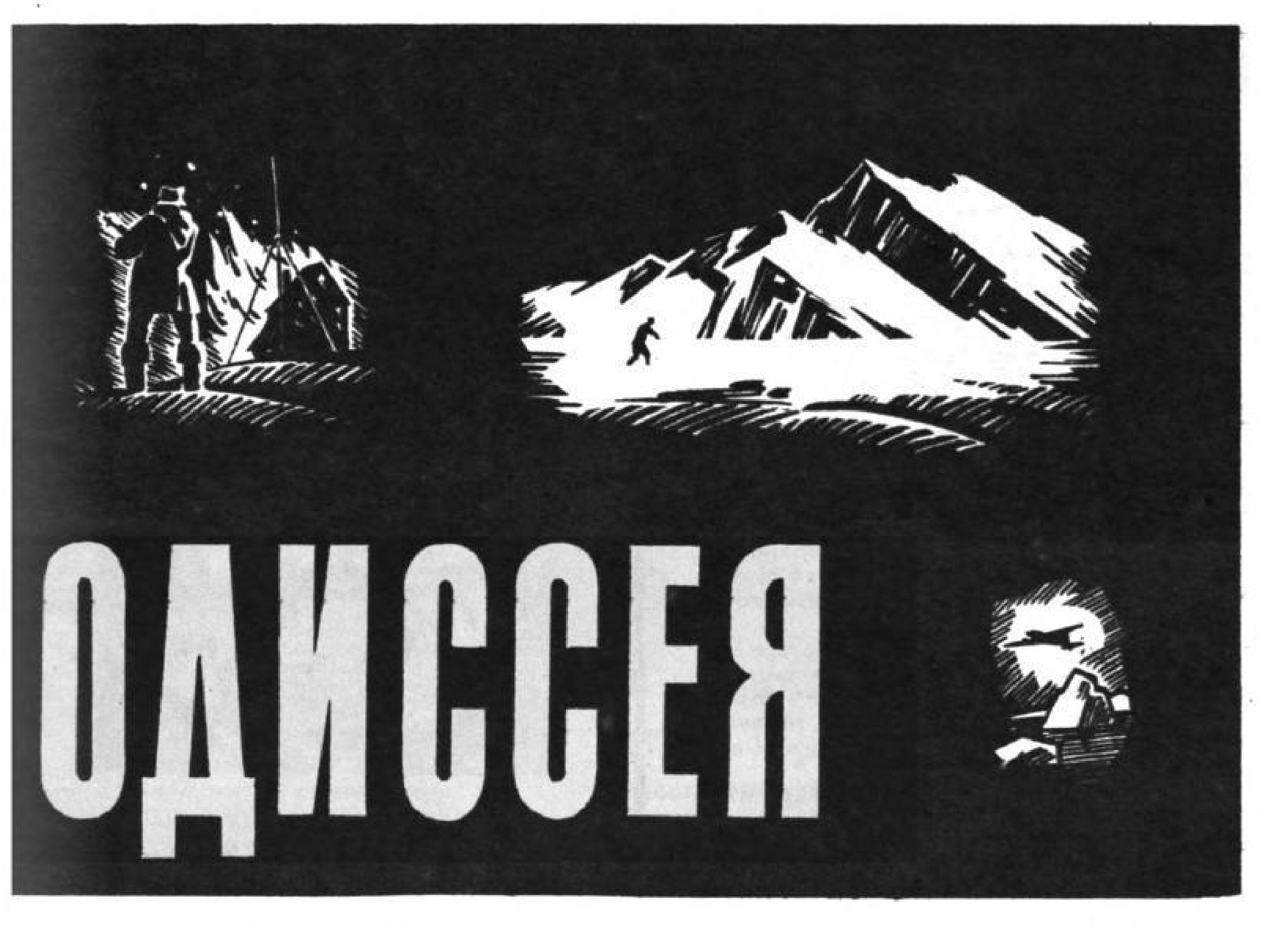
Как догадывались Эск Брюн и Пульсен, немцы были полностью лишены метеорологических сведений с гренландского берега, приобретавшего для них стратегический интерес с начала войны против Советского Союза.

Из книги «Единственный пленный Гренландии».

Поэтому германское командование решило организовать эту секретную экспедицию.

Капитан Риттер, прибыв к острову на «Сашене», высадил врача, двух радиооператоров и группу метеорологов. В действительности место оказалось значительно лучше, чем он о нем думал, а отсутствие дичи говорило о том, что оно редко посещается. С другой стороны, подходы к нему защищены группой холмов, которые изолировали и полностью скрывали его. Таким образом, с начала октября 1942 года германские подводные лодки и самолеты втайне от союзников стали вновь получать трижды в день метеосводки.

Но с самого начала атмосфера в Ганс-Бей была далеко не такой спокойной и товарищеской, как в Эскимонесе. Лишенные саней люди не выходили на охоту и прогулки по снегу или замерзшему фиорду. Среди немцев быстро обострились разногласия и склоки. Капитан Риттер был назначен на «Сашен» потому, что до войны несколько лет провел в Арктике. У него были особые основания радоваться этому назначению. Офицер резерва германского военно-морского флота Риттер не симпатизировал нацистам, и у него были уже некоторые неприятности с гестапо. Когда он убедился, что трудности разгрузки заставят зимовать с экипажем на «Сашене» во льдах, это

его скорее обрадовало. Но лейтенант Шмидт, начальник метеостанции, не был этим доволен, так как оставался в подчинении Риттера. Шмидт был неистовым нацистом, и с первых же дней у него начались столкновения с капитаном. Вскоре Риттер убедился, что даже в Арктике призрак гестапо продолжал преследовать его.

В этот самый момент датчанин Мариус Янсен и обнаружил на побережье Гренландии тайную германскую базу.

* * *

Янсен быстро оценил обстановку. Два немца могли только случайно набрести на хижину, желая подстрелить медведя. Несомненно, они принадлежали к более многочисленной группе, сосредоточенной на тайной базе. Судя по направлению, которое они взяли, база должна была находиться только в Ганс-Бей, напротив острова Сабина, по ту сторону холма. В любой момент они могли вернуться с усиленной группой. К счастью, они, кажется, не видели саней.

— Мы должны как можно скорей предупредить Пульсена,— сказал он эскимосам.

Ошеломленные, они пристально посмотрели на него. Ничего подобного еще не случалось с ними: повернуть немедленно назад после того, как они прибыли к цели после изнурительного дня езды на санях, когда уже наступает ночь и собаки устали, а в хижине тепло и уютно!

После двух часов езды решили остановиться на ночь в следующей попутной хижине на мысе Уинн. Даже Мариус Янсен, арктический охотник, вовлеченный в войну против Германии, слишком поздно понял, насколько опасны были открытые им гитлеровцы и какую он допустил ошибку. Наступила полночь, когда люди услыхали лай собак.

* * *

Когда два немца, запыхавшись, прибежали на базу, лейтенант Шмидт был взбешен: они не только не стреляли в датчан и не пытались захватить их в плен, но бросились бежать в направлении базы, открыв, таким образом, ее местонахождение. Два человека пытались оправдываться.

— Мы не решились стрелять,— сказали они.— Датчане были сильнее нас...

Уже спустя несколько минут была сформирована группа. Когда семь человек, вооруженных автоматами, под командованием Шмидта достигли хижины, отстоявшей от Ганс-Бей на восемь километров, к своему удивлению, они нашли ее пустой. На первый взгляд казалось безумием пуститься пешком вдогонку за людьми, ехавшими на санях. Но в данном случае отсутствие арктического опыта послужило Шмидту на пользу, в то время как слишком большой опыт оказал плохую услугу Янсену. Морозной полярной ночью немцы проделали двухчасовой путь, идя по следам саней, когда заметили вдали слабый свет. Янсен и два его эскимоса даже не подумали прикрыть лампу.

Медленно приближаясь полукольцом, немцы подошли к хижине на пятьдесят метров. Почуявшие их собаки стали лаять. В тот же миг в хижине погас свет. По приказу Шмидта его люди бросились к хижине, но, ворвавшись в нее, никого там не нашли. Янсен и эскимосы не успели отвязать собак, находившихся в санной упряжке. При свете спичек Шмидт увидел в домике три меховых пальто, три пары сапог и три пары меховых перчаток. Наполовину раздетые, без собак и саней, беглецы не могли уйти далеко.

* * *

Пользуясь темнотой, Янсен и два эскимоса тихо отошли к холму позади хижины. Больше им ничего не оставалось.

После двухсотметрового подъема по склону, покрытому свежим снегом, они остановились и стали советоваться. Лейтенант Шмидт ошибался в своих расчетах: ни один из трех людей ни при каких обстоятельствах не думал возвращаться в хижину.

— Надо предупредить Пульсена,— прошептал на ухо эскимосам Янсен.— Отправляйтесь вперед, я присоединюсь к вам позже...

Пройти пешком 80 километров, что отделяли их от Эскимонеса, по снежным холмам и замерзшему морю без пальто, без перчаток и меховых сапог было героизмом, но никто из них не думал об этом. Мариус Янсен остался один за снежным пиком над хижиной со слабой надеждой, что немцы в конце концов уйдут. Спустя три часа ожидания, совершенно продрогший от холода и неподвижности, он понял: ему тоже нужно было уйти с эскимосами, а то его обнаружат на рассвете...

С вершины холма перед ним открылось огромное пространство, покрытое снегом и льдом, белый ад, залитый бледным светом луны... С окоченевшими ногами и руками он начал свой длинный путь в снегу среди полярной ночи. Теперь у немцев было трое саней, они могли пойти по его следам и в любую минуту настигнуть его, взять в плен, затем нагнать и захватить двух эскимосов, а потом неожиданно нагрянуть в Эскимонес, где никто даже и не подозревает о трагедии, которая может произойти. Движимый тревогой и неотвязной мыслью о своей ответственности, Янсен попробовал ускорить шаг. Но сказались усталость после трехдневного похода, нервное напряжение предыдущей ночи, холод. Он побрел медленнее. Спустя сутки он почувствовал, что силы на исходе.

* * *

В одиннадцать часов утра 13 марта Пульсену стало ясно, что мирная Гренландия, какой он ее всегда знал, кончилась. В нескольких сотнях метров от метеопункта он заметил человеческую фигуру, нетвердой походкой шагавшую по снегу. Вначале он не узнал Мариуса Янсена.

— Немцы,—задыхаясь, прошептал Мариус,— немцы... на острове Сабина...

Затем он рухнул на руки подоспевшего Пульсена. Он счастливо отделался—просто был на грани истощения. Что касается обморожения первой степени, то оно было легко излечимо. Янсену было трудно себе представить, как он шел последние 34 часа. Два эскимоса, Вильям и Микаэль, пришли несколькими часами позже него. Они выбрали иную дорогу, позволившую им отдохнуть ночь в хижине-убежище.

Очень быстро Эскимонес преобразился в маленький укрепленный лагерь. Пульсен не терял ни одной секунды. Теперь это была война. Так как у немцев были уже собаки и сани, они, конечно, могли атаковать с минуты на минуту. Но прошло восемь дней, а немцы не атаковали Эскимонес. Причина была очень простая: ни один немец на острове Сабина, за исключением Риттера, не умел управлять санями и собаками.

Но Пульсен об этом не догадывался. Он полагал, что немцы просто не отваживаются напасть на них и предпочитают отсиживаться на острове Сабина, готовые в любой момент к обороне. Для него это было равносильно выигранному сражению. Личный состав «армии» Пульсена был несколько ослаблен. Эскимосы Вильям и Микаэль с их простыми и неиспорченными душами не понимали, что значит война. Воевать с медведями, воевать с тюленями — да, это они понимали, но воевать с людьми!..

— Ведь сказано же в библии, которую ты называл святой книгой,— не убий,— говорил Микаэль Пульсену.

И Пульсен предпочел отправить обоих эскимосов на спокойную базу острова Элла. У него был еще один из лучших его стрелков, Петер Нильсен, который уже пятнадцать дней охотился на крайнем севере страны. Его нужно было скорее вернуть и предупредить об опасности, которая могла встретиться ему на обратном пути на подступах к острову Сабина. Навстречу ему Пульсен отправил Мариуса Янсена и другого своего помощника, Эли Кнудсена. Таким образом, 23 марта в Эскимонесе осталось лишь три человека: охотник Генри Руди, радиомеханик Курт Ольсен и сам Пуль-

сен. Было одиннадцать часов вечера, когда Пульсен, проверявший ружья в маленькой хижине в пятидесяти метрах от главного здания, внезапно услышал сильную стрельбу. Немедленно погасив огонь, он с ружьем в руках поспешил наружу.

Помещение радиостанции Эскимонес было окружено густой светящейся сеткой трассирующих пуль. Пульсен впервые видел трассирующие пули, которыми невидимые стрелки освещали свою цель. Немцев было человек пятнадцать. Против такого количества врагов, вооруженных автоматическим оружием, Пульсен ничего не мог поделать. Стреляя наугад, он мог бы обозначить свое присутствие. Все произошло с молниеносной быстротой; немцы проникли внутрь радиостанции Эскимонес. Пульсен не двигался в темноте.

Возвращающийся Мариус и его товарищи, несомненно, тоже будут схвачены немцами. Патруль Большой Восточной Гренландии оказался полностью расчлененным. Радиостанция Эскимонес попала в руки врагов. Больше не было ни собак, ни саней.

Пульсен, как несколько дней назад Мариус Янсен, оказался на морозе в одной рубашке, брюках и туфлях без носков. Но Мариус находился в 90 километрах от Эскимонеса, а Пульсен был в 360 километрах от ближайшего населенного пункта на острове Элла. Хотя в такой легкой одежде пускаться в подобное сумасшедшее предприятие было чистейшим безумием, все же, рискуя умереть или стать калекой, отважный охотник повернулся спиной к Эскимонесу, попавшему в руки немцев, и отправился в путь к далекому островку.

* * *

Проведя два дня в Эскимонесе и изучив документы, имевшиеся на радиостанции, капитан Риттер приказал убить собак, которых они не могли захватить с собой, и затопить бочки с горючим. Его беспокоило, что они никого не нашли в Эскимонесе ни живым, ни мертвым.

— Во что бы то ни стало надо попробовать отыскать их,— яростно кричал Шмидт.

Но капитан Риттер не хотел охотиться за людьми.

— У нас нет еще достаточной практики в езде на санях, чтобы пускаться в подобные приключения,— коротко ответил он, предпочитая вернуться на остров Сабина. Он приказал поджечь все постройки. Большое деревянное здание сгорело мгновенно, как пучок соломы. Спустя несколько часов от всех строений осталась огромная куча пепла среди снега. Радиостанция Эскимонес прекратила свое существование.

* * *

Ближайшее охотничье убежище находилось примерно в сорока километрах от Эскимонеса. Пульсен достиг его лишь в середине второй ночи. Из боязни быть обнаруженным немцами весь день он провел в снежной яме, завернувшись в захваченный брезент. Когда он добрался до хижины, его руки так замерзли, что казались уже мертвыми, и он думал, что никогда не сможет повернуть ручку двери и умрет, замерзнув на пороге... После часа усилий, орудуя двумя кулаками, он все же открыл дверь. Внутри печь оказалась теплой. На столе, на видном месте, лежала записка: «Не идите в Эскимонес. Немцы захватили его. Думаем, что Пульсен убит. Мы здоровы и невредимы». Записку подписали Ольсен и Руди...

Пульсен отогрел руки над печкой, затем нашел небольшое количество продовольствия, овсяные хлопья и сушеное мясо. После того, как он восстановил свои силы, он смастерил из старых угольных мешков подобие перчаток и носков. Немцы могли скоро нагнать его здесь. И, несмотря на соблазн побыть в теплом домике, он предпочел еще раз спать, укрывшись брезентом, в снежной яме. Прежде чем отправиться дальше, Пульсен зачеркнул в записке фразу: «Пульсен убит»— и вместо нее написал: «Я здоров и так же невредим». На следующий день утром, когда наступил короткий арктический рассвет, перед ним еще лежал путь через фиорды и горы. Путь в 300 километров!

Часто он оборачивался, боясь увидеть за собой немцев, но больше всего страшился снежной бури. Если бы она началась, для него это значило бы верную смерть в ледяной пурге... Но, к счастью, этого не случилось. Он добрался до второго убежища в фиорде Лох Фин, пройдя этот отрезок пути за полтора дня и чувствуя, что не смог бы больше сделать ни шагу. Куски мешка из-под угля, служившие ему вместо носков, не очень предохраняли ноги от холода, но жестоко ранили и растирали их.

В хижине не оказалось никаких продуктов. Пульсен отправился дальше голодным. Это были четыре страшных дня без убежищ, без продуктов, в необъятном белом ледяном одиночестве. Когда же он наконец добрался до третьего убежища на этой ошеломляющей дороге и когда там, в двухстах километрах от Эскимонеса, он нашел мешочек замерзшей фасоли, хранившийся на протяжении нескольких лет, он рухнул в слезах на пол и прижал мешочек к сердцу.

Он жадно съел фасоль. 4 апреля вечером, терзаемый страшной болью в желудке, с обмороженными руками и кровоточащими ногами он наконец увидел большой скалистый массив, у подножия которого находилась маленькая арктическая станция острова Элла. Он мечтал, чтобы его заметили издали и приехали на санях забрать. За одиннадцать дней пешего пути, в холоде и одиночестве он покрыл 360 километров. Теперь у него не хватало сил, чтобы пройти последние восемь километров. Теряя сознание, Пульсен рухнул в снег.

* * *

Капитан Риттер не знал, что теперь и думать. С того времени, как он был взят в плен Мариусом Янсеном, этим скромным датским охотником, похожим на тех, кого сам Риттер знал и любил в Арктике раньше, он понял, что война для него окончилась. Он спрашивал себя: должен ли поздравить себя с этим как христианин, или стыдиться этого как немец? Это был вечный внутренний спор, мучивший его на протяжении года пребывания в Гренландии.

Сидя рядом с Мариусом в санях, которые мчались по льду в направлении острова Элла, он мог, конечно, попробовать сбежать. Двое других саней шли впереди. Но он не думал об этом. Было чистейшим легкомыслием с его стороны одному отправиться на санях проверять датские охотничьи убежища вокруг Эскимонеса и острова Сабина.

Мариус Янсен со своими двумя товарищами нашли Риттера одного в хижине, читающего библию. Он не оказал никакого сопротивления. Охотники были поражены этой встречей, как и он сам, и даже стеснялись брать его в плен.

Капитану Риттеру, офицеру резерва германского военно-морского флота, утешением служило то, что он больше не участвует в охоте за своими арктическими братьями и наконец избавился от ада, царившего в германском отряде на острове Сабина.

— Невозможно сражаться здесь,— бормотал он,— где человек человеку всегда был другом.

* * *

Руди и Ольсен заметили Пульсена, лежавшего в снегу. Тогда, в момент неожиданной атаки немцев, лучше одетые и снабженные, они выбрали путь, минуя дорожные хижины, чтобы не попасть в руки противника. Охотясь по дороге, они прошли на 100 километров больше, чем Пульсен.

С приездом маленькой группы Мариуса Янсена патруль Большой Западной Гренландии был восстановлен. Иное происходило в немецком лагере. Когда в начале июля американские самолеты начали бомбардировку острова Сабина, немцам осталось только срочно погрузиться на свой корабль и уйти от берегов Гренландии.

Война в Гренландии закончилась взятием единственного пленного — капитана Риттера. Пульсен и его товарищи приняли его как одного из своих и на протяжении одиннадцати месяцев отказывались выдать американским властям, обосновавшимся на западном побережье. Когда же в конце весны 1944 года морской курьер явился за ним, датчане и эскимосы, эвакуированные на остров Элла, считали, что, отпуская его, они грубо нарушают гостеприимство Арктики.

— Нельзя воевать в мире, в котором человек человеку всегда был другом,— бормотал Риттер, уже находясь на палубе корабля, увозившего его.

Перевел с французского Л. Василевский.

ЗАБ

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ДОНОР

Пес по кличке Маркус с недавних пор стал звездой английского телевидения. Собака знаменита тем, что у нее еженедельно берут кровь для четвероногих ее собратьев, пострадавших в катастрофах.

БЫВШАЯ ШАХИНЯ — КИНОАКТРИСА

После долгих переговоров бывшая жена иранского шаха согласилась наконец участвовать в кинофильме «Три лица женщины». Она снимается в принадлежащих ей драгоценностях, застрахованных в полмиллиона долларов.

ЧЕЛОВЕК-ПТИЦА

37-летний француз Бернар Дани решил перелететь через Ла-Манш. Для этого он сконструировал чрезвычайно простой самолет, напоминающий детского змея, который тянула за собой моторная лодка. Перелет от Кале до Дувра прошел удачно и длился 100 минут.

АВНЫЕ МЕЛОЧИ

БОСОНОГИЕ МОДНИЦЫ

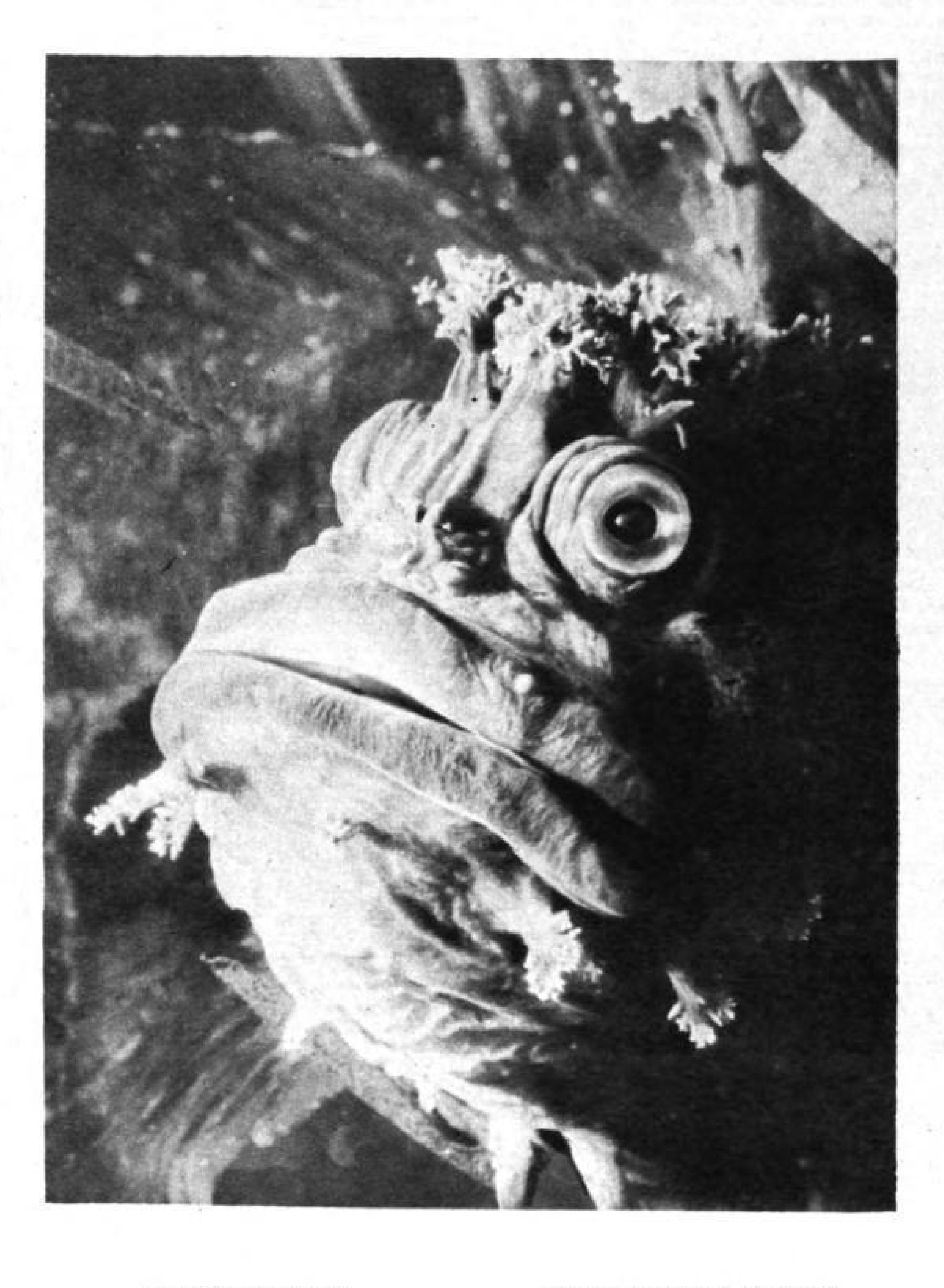
В Лондоне появились экстравагантные модницы. Среди них 21-летняя Ж. Люмб. Босиком она разгуливает по улицам города и даже посещает фешенебельные рестораны. В Лондоне считают, что в связи с наступающими холодами новая мода недолговечна.

ЗА РУЛЕМ — ДОМАШНИЕ ХОЗЯЙКИ

Американская промышленность стала выпускать небольшой автомобильчик, который прост в обращении и может передвигаться со скоростью до 19 километров в час. Это транспортное средство пользуется особой симпатией у домашних хозяек. Автомобильчик легко передвигается по тротуару, проходит во все двери и поднимается на лифте.

В ГЛУБИНАХ ЯПОНСКОГО МОРЯ

Эти крупные рыбы, удивительно похожие на драконов, принадлежат к семейству морских собачек. Живут они в Японском море, прячась среди камней, в расщелинах, в зарослях водорослей. Но стоит им увидеть человека, как они тотчас же покидают свои убежища и плывут ему навстречу, по-змеиному изгибая туловища. Без всякого страха плавают они перед самым лицом. Поэтому их особенно легко фотографировать. Сам же фотоаппарат буквально завораживает рыб: ведь на нем столько красивых неведомых блестящих деталей.

Ю. АСТАФЬЕВ

ГОРИЛЛА-НЯНЬКА

У известной американской дрессировщицы Эллен Кастен, поставляющей зверей для киносъемок, недавно родился сын. Нянькой к нему она приставила гориллу, вывезенную из Индонезии. Со своей ролью обезьяна справляется блестяще.

ПОНИ-ЛИЛИПУТЫ

В результате длительных опытов в Аргентине удалось вырастить пони необычайно малого размера. Их рост — менее 50 сантиметров. В сравнении с чрезмерно тонкими ножками голова пони кажется очень крупной.

ЛАСТОЧКИ УЛЕТАЮТ ЧЕРЕЗ ТУННЕЛЬ

Ласточки, улетающие в теплые края через Альпы, нашли для себя более короткий и удобный путь. Они воспользовались недавно построенным туннелем под Сен-Бернарским перевалом, соединяющим Швейцарию с Италией. Другие птицы оказались менее сообразительными и пока не воспользовались этим новым путем.

ОБОГРЕВАЕМАЯ ОДЕЖДА

Одно народное предприятие в ГДР начало выпуск обогреваемой одежды. Выглядит она достаточно модно, элегантно, хотя и весит четыре килограмма. В одежду вделаны семь электрических установок для отопления. Такие брюки и пиджаки очень удобны для людей, обслуживающих холодильные установки или работающих в условиях низкой температуры.

МЕСТЬ КРОКОДИЛА

На одного из посетителей нью-йоркского зоопарка неожиданно напал крокодил, мирно дремавший до этого, и укусил его за ногу. Интересно, что пострадавший — владелец фабрики изделий из крокодиловой кожи.

— МАМА, ОТКРОЙ РОТ!

Маленький Мишка из венского зоопарка очень любопытен. Вот он решил, вероятно, проверить, сколько зубов бывает у взрослых медведей. И его мамаша, совсем не сопротивляясь, спокойно выдерживает этот осмотр.

...НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

На одном благотворительном балу в Бейруте (Ливан), к большому удивлению гостей, появились пять молодых женщин, которых сопровождали штатские с автоматами в руках. Оказалось, что эти дамы из высшего общества носят на себе драгоценности баснословной стоимости — более трех миллиардов франков. Власти сочли необходимым выделить им вооруженную охрану.

Николай Тихонов.

ДВОЙНАЯ РАДУГА

«Она стояла в двух шагах,
Та радуга двойная,
Как мост на сказочных быках
Друзей соединяя».

Большая книга воспоминаний Николая Тихонова названа «Двойная радуга». Эпиграф к книге разъясняет смысл этого названия. Двойная радуга видится поэту как мост дружбы.

Рассказы - воспоминания Н. Тихонова — это и в самом деле рассказы о друзьях и дружбе. В них нарисованы чудесные, яркие портреты, даны характеры очень разных людей и вместе с тем передана та духовная общность, которая соединяет их всех в единое понятие: советский писатель.

Николай Тихонов — один из основателей советской литературы, классик советской поэзии. Он прожил жизнь большую и увлекательную, он и сейчас живет жизнью, полной творчества, борьбы, гражданского служения. В своей новой книге он обращается к прошлому как наш боевой современник,— в людях, которые уже давно ушли из жизни, он находит черты немеркнущего примера, горение сердец и кипение страстей, которое не может не волновать и не увлекать современного читателя.

Какие замечательные образы воссозданы поэтом на страницах «Двойной радуги»! Тут и престарелый А. С. Серафимович, полный душевной молодости, любви к людям и к жизни, и Всеволод Вишневский — писатель буйного таланта, человек сверкающей боевой доблести, и Александр Фадеев, великий жизнелюб, неутомимый исследователь человеческих сердец, непрестанно открывающий новое путешественник, и Петр Павленко — необычайный рассказчик, художник тонкого, аналитического ума, и Самед Вургун — нежнейший лирик, соловей азербайджанской поэзии, и Владимир Луговской — поэт мужества и смелой мысли, и мудрые старцы, прославленные певцы Кавказа — Гамзат Цадаса и Сулейман Стальский...

Николай Тихонов видел их на разных этапах своей жизни. Он встречал их на путях странствий, на дорогах Великой Отечественной войны, в мирных домах и в боевых землянках. Он дружил с ними, они открывались ему, как товарищи, до самых сердечных глубин. И он написал о них как товарищ и друг.

«Мне,— пишет Н. Тихонов,— хотелось рассказать и о писателях необычной судьбы, почти или совсем неизвестных широкому читателю, об авторах книг, по разным причинам оставшихся незаконченными». Это Алексей Лебедев и Георгий Суворов, поэтические ученики Тихонова, павшие в боях, герои Ленинградской обороны; это Вольф Эрлих и Владимир Ричиотти, поэты и прозаики, друзья Сергея Есенина и Николая Тихонова; это Марк Аронсон, ученый-филолог.

Н. Тихонов сумел и тем, кто лично знал этих писателей, рассказать о них много нового. Он знал, что в близоруком, глубоко штатском по внешности В. Саянове жил такой пафос воинской доблести, который сближал Виссариона с героями его поэзии — Денисом Давыдовым, Кульневым. Он знал, что в М. Аронсоне за спокойной внешностью ученого таились страсть и одержимость альпиниста. За будничным Тихонов увидел героическое, за обыденным — поэтическое. И в этом по-особому проявилась его сила поэта-рассказчика.

Бывает, что воспоминания, с которыми знакомишься, вызывают к жизни новые воспоминания. Читая «Двойную радугу» Николая Тихонова, я неотступно вижу образ ее автора таким, каким запомнил его из времен Великой Отечественной войны. Вспоминается Н. Тихонов весной 1942 года... Он приехал к нам в армию, провел у нас день. Вечером мы поднялись на высокий холм, и Николай Семенович принялся рассказывать. Он говорил о Кавказе, о его былых трагедиях и о его новой жизни, о поэзии его пейзажей, о духовной красоте его людей. Все это было так живописно, картинно, что наши мысли невольно перенеслись туда, к далеким Кавказским горам и к далеким кавказским друзьям нашего друга Тихонова. Мы сидели вокруг него, а он стоял над нами, и говорил, и чертил рукой в воздухе какие-то фигуры и линии. Был он тогда по-военному подтянутый, худой, розовощекий, седоволосый, и в серых его глазах горели огоньки воображения. Рассказывая, он творил. И мы слушали его с увлечением и радостью.

Удивительный рассказчик Николай Тихонов! Удивительный и чудесный. Он и в «Двойной радуге», как и во всем, что им написано, вселяет в сердца читателей прекрасные чувства: радость жизни, гордость за человека, желание действовать, творить, созидать.

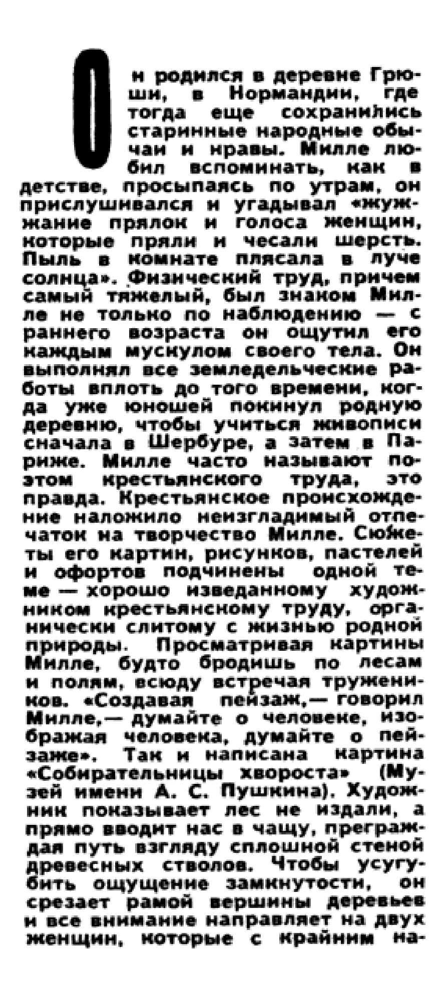
А. ДЫМШИЦ

Николай Тихонов. Двойная радуга. «Советский писатель», Москва. 1964.

А. ЗАМЯТИНА

ЖАН ФРАНСУА МИЛЛЕ

/1814–1875/

Он родился в деревне Грюши, в Нормандии, где тогда еще сохранились старинные народные обычаи и нравы. Милле любил вспоминать, как в детстве, просыпаясь по утрам, он прислушивался и угадывал «жужжание прялок и голоса женщин, которые пряли и чесали шерсть. Пыль в комнате плясала в луче солнца». Физический труд, причем самый тяжелый, был знаком Милле не только по наблюдению — с раннего возраста он ощутил его каждым мускулом своего тела. Он выполнял все земледельческие работы вплоть до того времени, когда уже юношей покинул родную деревню, чтобы учиться живописи сначала в Шербуре, а затем в Париже. Милле часто называют поэтом крестьянского труда, это правда. Крестьянское происхождение наложило неизгладимый отпечаток на творчество Милле. Сюжеты его картин, рисунков, пастелей и офортов подчинены одной теме — хорошо изведанному художником крестьянскому труду, органически слитому с жизнью родной природы. Просматривая картины Милле, будто бродишь по лесам и полям, всюду встречая тружеников. «Создавая пейзаж,— говорил Милле,— думайте о человеке, изображая человека, думайте о пейзаже». Так и написана картина «Собирательницы хвороста» (Музей имени А. С. Пушкина). Художник показывает лес не издали, а прямо вводит нас в чащу, преграждая путь взгляду сплошной стеной древесных стволов. Чтобы усугубить ощущение замкнутости, он срезает рамой вершины деревьев и все внимание направляет на двух женщин, которые с крайним напряжением сил стараются сломить сухое дерево. «Это крик земли, это хлеб в поте лица, я знаю это по себе»,— говорил Милле.

В пределах одного коричневого цвета, каким написана картина, художник сумел найти множество оттенков. О Милле писали передовые критики: «Господин Милле открывает новый путь в искусстве. Он умеет придать самым простым действиям человеческой жизни глубокое значение. Для того, чтобы заинтересовать, ему нет необходимости рыться в легендах и хрониках. Он довольствуется воспроизведением того, что видит каждый день, и, обобщая, умеет достигнуть величия».

Такова и его картина «Крестьянка, стерегущая корову». Художник ведет нас в широкое, со всех сторон открытое поле. Оно покрыто щетинистой осенней травой. Седая изморозь холодного утра. Легкий дым костров создает впечатление воздушной высоты. Медленно, пощипывая траву, бредет корова. Ее ведет на веревке женщина, вся фигура которой выражает привычное терпение. Деревенский плащ из грубой домотканой шерсти, падая скупыми, простыми складками, придает облику крестьянки монументальную значительность. Серебристая, светлая пелена тумана завершает гармонию, царящую в этой картине.

Одно из наиболее известных произведений Милле — «Собирательницы колосьев». Оно появилось на выставке 1857 года. Картина написана в коричневых и золотистых тонах зрелого хлеба. Словно тончайшие пылинки его реют в воздушном пространстве. На первом плане три женщины; по старинному обычаю разрешалось, из милости, подбирать оставшиеся на поле колосья. В глубине идут уборочные работы. В скромных труженицах Милле открывает пластическую и живописную красоту. Их движения правдивы и естественны, они ритмически согласованы между собой, как в скульптурной группе. Одежды женщин просты, звучные цвета головных повязок напоминают полевые цветы.

Но эта мирная красота послеполуденного трудового летнего дня вызывала и вызывает и другие ассоциации. Фигуры женщин, особенно правая с жалким снопом в руках, по контрасту с общей панорамой урожая воспринимаются как символ крестьянства, согбенного нуждой. Враждебные Милле критики даже обвиняли его в демагогии, пугали буржуазную публику «пиками народных восстаний и эшафотами 93 года», грезившимися им на горизонте картины. У Милле не было намерений этой картиной бросать вызов общественному порядку, но правдивый, реалистический показ жизни современной деревни перерастал в революционный протест.

Художник любил показывать своих скромных героев, в которых он угадывал глубину чувств и духовное богатство, в состоянии душевного умиротворения. Особенно тонко это выражено в картине «Вечерний звон», или «Анжелюс», то есть вечерняя молитва.

«Я писал эту картину,— говорил Милле,— думая о том, как некогда, работая в поле и заслышав звон колокола, бабушка никогда не забывала прервать нашу работу, чтобы мы, сняв шляпы, благоговейно прочитали молитву «Анжелюс» за бедных умерших». Этот наивный религиозный обряд, быть может, таил в себе смутные, но возвышенные мысли об извечной связи человека с его предками и потомками, о преемственности трудового долга перед землей, которая дает жизнь.

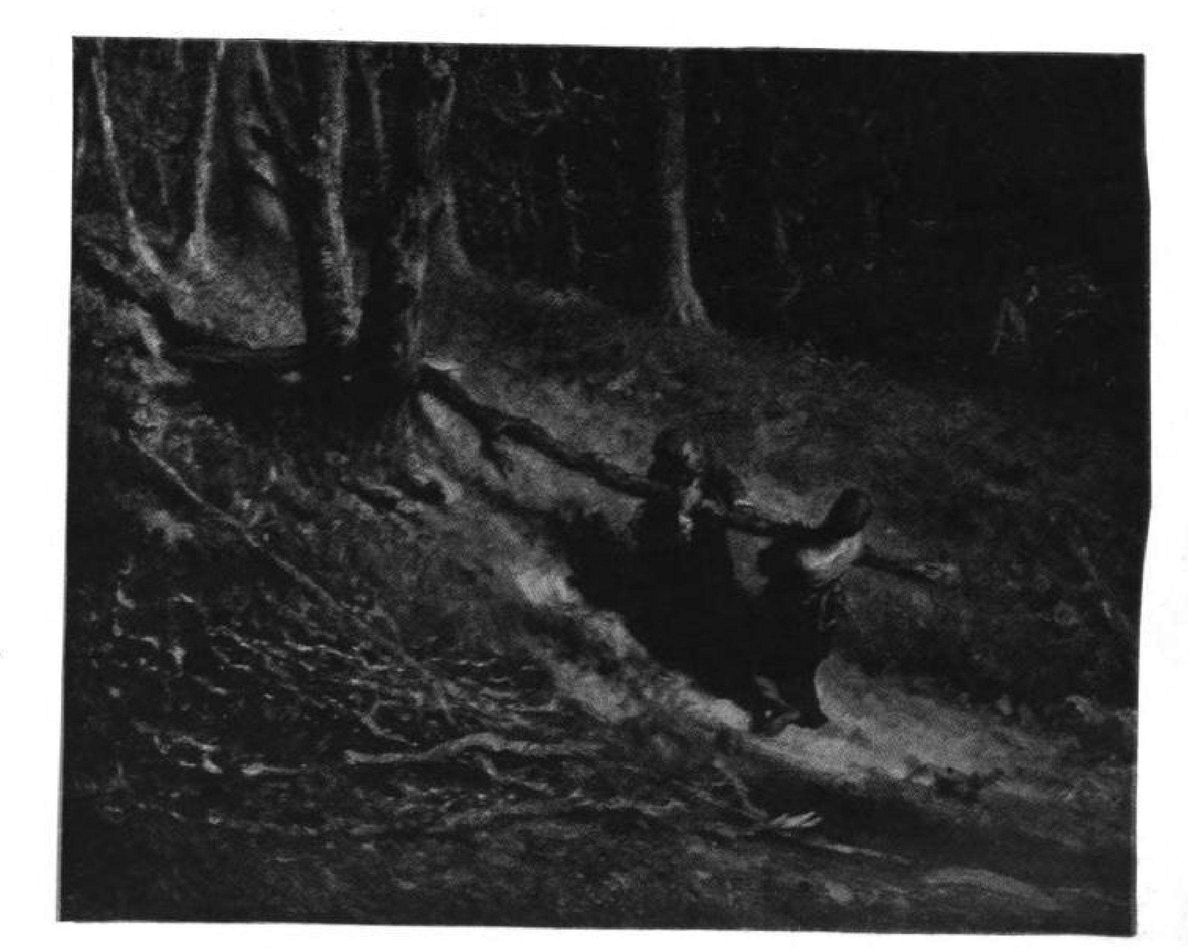
Общее настроение картины усугубляется колоритом пейзажа. Глухие, не сразу различимые цвета крестьянских одежд — желтый, синий и розовый, как бы постепенно поглощаются наступающим сумраком ночи.

Проблема освещения на открытом воздухе издавна интересовала Милле. Он отмечал своей изумительною памятью изменения, зависящие от погоды, от времени года, от времени дня. Передача ночного освещения была и будет пробным камнем мастерства многих художников. Милле подошел к этой задаче смело. В картине «Стога» (Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина) виден даже серп месяца, невысоко поднявшегося над горизонтом, лучи мягко пробиваются сквозь пелену тумана, окутавшего поля. Как это бывает в действительности, приглядываясь, мы начинаем различать все более четко и стога и фигуры крестьян на лошадях, даже кровли домов в глубине. К этой картине так подходят высказывания Милле о его любви к простым деревенским пейзажам, к лесам и равнинам, даже к дыму, поднимающемуся над трубой обветшалой крыши крестьянского дома: «...дым так поэтично стелется в воздухе, за этим дымком словно угадываешь женщину, которая варит ужин для тех, кто сейчас вернется усталый от полевых работ».

Милле не был активным политическим деятелем, но содержание его творчества поставило его в ряды передовых идейных борцов своего времени. Через 150 лет со дня рождения Милле мы с благодарностью видим в нем художника, чьи произведения и сейчас утверждают реализм в искусстве.

Жан Франсуа Милле (1814—1875). КРЕСТЬЯНКА, СТЕРЕГУЩАЯ КОРОВУ. 1859.

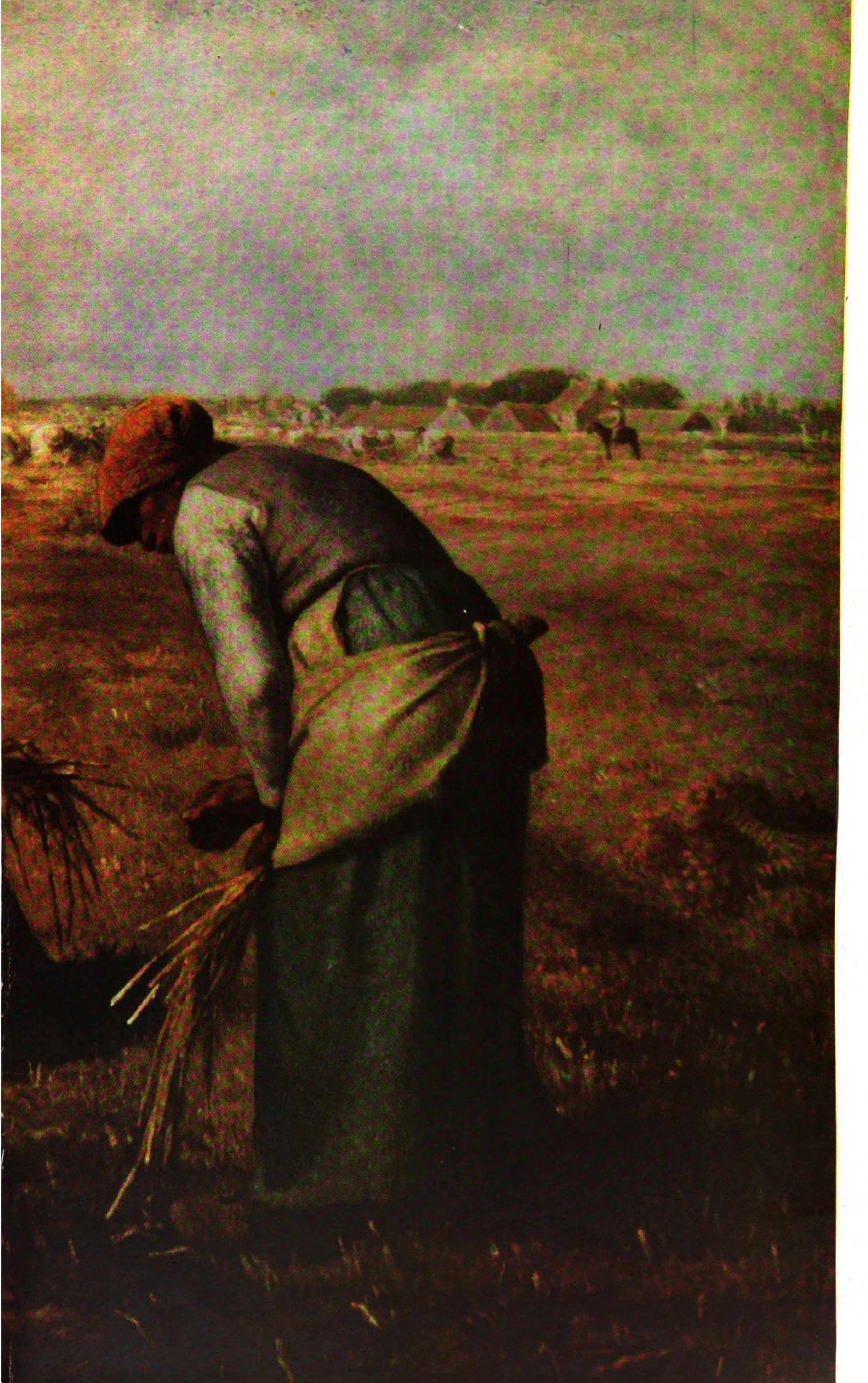
Бург ан Бресс. Музей.

СОБИРАТЕЛЬНИЦЫ ХВОРОСТА. 1860-е годы.

Москва.
Государственный музей
изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

Жан Франсуа Милле.

СОБИРАТЕЛЬНИЦЫ КОЛОСЬЕВ. 1857.
Париж. Лувр.

Жан Франсуа Милле. АНЖЕЛЮС. 1859. Париж. Лувр.

СТОГА. 1872.

Москва.
Государственный музей
изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина.

ИСКУССТВО В СЕБЕ

«Дорогие! Мы полюбили вас по письмам и мечтаем познакомиться с вами», — так пишут артисты самодеятельности из Брно театральному коллективу московского Дома культуры имени Валентины Николаевой-Терешковой.

Дружба эта началась в те дни, когда москвичи репетировали пьесу чешского драматурга П. Когоута «Третья сестра». Заинтересовавшись постановкой пьесы в Чехословакии, они стали переписываться с рабочим театром Краловопольского металлургического комбината. Из Чехословакии были получены фотографии и пленки с музыкальными записями, а москвичи послали в Брно по просьбе своих новых друзей материалы и книги, которые помогут им поставить «Оптимистическую трагедию».

Мы уже давно привыкли к высокому уровню постановок художественной самодеятельности, и нас нисколько не удивляет, что спектакль «Третья сестра», поставленный руководителем коллектива Г. И. Трегером, не уступает спектаклю профессионального театра. Но когда вдруг вспоминаешь, что исполнители не актеры, то невольно рождается вопрос: кто же они, эти люди, так бескорыстно преданные искусству? Зинаида Платоновна Щербакова. Сейчас она на пенсии, а раньше работала делопроизводителем в конторе. Сорок лет выступает Зинаида Платоновна на самодеятельной сцене. На всесоюзном смотре художественной самодеятельности она была удостоена первой премии за исполнение роли Матрены в пьесе Л. Толстого «Власть тьмы». Недавняя школьница Ирина Чайка, чтобы быть ближе к театру, дышать «воздухом кулис», поступила работать костюмершей в Государственный институт театрального искусства. Молодой архиварнус Юрий Жиряков, человек, бесконечно влюбленный в искусство, прекрасный знаток живописи, владелец одной из лучших в Москве коллекций грампластинок. Ирина Васильевна Даненберг занимается в коллективе вместе со своим мужем, заместителем директора гостиницы «Советская» Б. В. Лежава. Она не только играет на сцене, но и руководит на общественных началах агитбригадой в клубе РЖУ.

Театральный коллектив живет творчески и дружно. Здесь выработан устав, в котором записано, что главная задача коллектива — свято выполнять завет Станиславского: «Люби искусство в себе, а не себя в искусстве»,— бороться против тех, кто плывет по течению, ищет легкой жизни и легкого успеха. Даже тех, кто заглянул на репетицию случайно, просто ради любопытства, как, например, летчик Вячеслав Сухоруков, не может не увлечь царящая здесь атмосфера. Они остаются в коллективе, проникаются любовью к делу, и самым важным для них становится не личный успех, а творчество.

Л. КАФАНОВА

Идет репетиция пьесы П. Когоута «Третья сестра».

Жозеф Зобель — известный негритянский писатель с Антильских островов. Он пишет на французском языке. В настоящее время живет в Сенегале и ведет там большую общественную и культурно-просветительную работу. Он автор романов «Дьябла», «Неподвижные дни», «Праздники в Париже», автобиографической повести «Улица негритянских лачуг», сборника рассказов под названием «Танец смерти». На русский язык переводится впервые.

Иностранная новелла

МАЛЕНЬКИЙ М'БАФО

Жозеф ЗОБЕЛЬ

Рисунок Г. Сундырева.

По-настоящему-то его звали Казимир М'Бафо. Жуткие злыдни — маленькие товарищи — окрестили Казимира «паршивый» за повязки на ногах. Они думали, что под повязками скрывается бог весть какая парша!

А ведь Казимир лучший ученик в классе, да и ведет себя примерно! Уж одно это могло бы снискать к нему всеобщее уважение.

Да... но Казимир черен, как сапог, и безобразен к тому же... Так безобразен, что, кажется, со дня рождения утратил всякую непосредственность и радость жизни. А в одиннадцать лет этот карлик, наслушавшись бранных слов, окончательно замкнулся в себе.

Ах, как редко выходит Казимир из своего оцепенения, увлекшись игрой!

Одна у него радость — переживать прекрасные истории, вычитанные из книг, одно утешение — из года в год учиться лучше всех в классе.

Остальные школьники его за это ненавидят. Потом он силен: на него не насядешь, попробуй запугай его!.. Уж чего только не пробовали ребята, чтобы опозорить его, лишить уважения учителей, сделать его существование еще более горьким!..

И вот злопыхатели подметили, что у М'Бафо всего-то и есть две старые курточки, давно уже трещавшие по швам на его раздающихся с каждым днем плечах. Он носит их по очереди и даже трусы меняет не так часто, как полагалось бы.

А уж ботинки!..

Когда-то они были изготовлены из черной кожи, но давно превратились в нечто загадочное, непонятно из чего сделанное.

Кто скажет, сколько им лет? Кто может поручиться, что никто не носил их до Казимира? Но увы! Несмотря на трогательные заботы Казимира, они все же состарились!..

Вначале мама Казимира отдавала их чинить сапожнику, потом, когда они совсем обветшали, Казимир занялся ими сам. Поэтому-то они и сохранились до сих пор. Когда Казимиру надоело связывать рваные шнурки, он придумал шнуровать ботинки электрическим проводом. Получалось крепко, только ушки оторвались один за другим. Подошва теперь состоит не столько из изъеденной временем кожи, сколько из скрепляющих ее гвоздей, ощерившихся, как собачья пасть, и больно ранящих ноги при ходьбе. Приходится Казимиру изощряться, подкладывая под ступню листья и бумагу.

В прошлом году Теодамиза, его мама, сказала:

— Вот соберем урожай, куплю я Казими новые ботинки. Непременно!

И в этом году она не раз повторяла то же самое своему мужу Попо. Денег у мамы Казимира нет, но она просто обожает своего сына!

Однажды она спросила у директора школы, который советовал ей следить, чтобы Казимир не пропускал занятий:

— Вы думаете, он получит свидетельство об окончании, мисье диекте?

И тот ответил убежденно:

— Может быть, даже больше!

Как же не обожать такого сына!

Все знают, что Казимир не ходит домой в полдень, потому что мама его живет слишком далеко. Так далеко, что он встает до света, кормит свинью и колет дрова перед тем как уйти в школу. А вернувшись вечером, он едва успевает сбегать за водой и сварить поросенку корм. Так далеко, что он предпочитает готовить уроки, сидя на обо-

чине «трассы» — широкой неасфальтированной дороги.

Когда нет дождя, Казимир завтракает в лесу, за деревней. Из чего состоит его завтрак? Из белой рыхлой маниоковой муки, маленького кусочка сырой трески и спелого банана. Что еще человеку надо? В плодовый сезон ему ничего не стоит сшибить камнем плод манго или сливу и закончить свою трапезу не хуже, чем какой-нибудь «президент».

К тому же у Казимира есть плетеная корзиночка, где в соломе спеют пахучие фрукты.

Казимир отдыхает после обеда, взобравшись на ветку развесистого манго. Там он дышит сколько влезет, раскачивается в свое удовольствие, мечтает, пока не прозвенит звонок... Ведь, несмотря на приплюснутый нос и вздутые лиловые губы, Казимир чувствителен к ласковому дуновению бриза, упивается свежестью воздуха, голубизной неба...

А когда идет дождь? Казимиру на это плевать.

Он остается на школьном дворе, пользуется случаем выучить урок по истории или грамматике на следующий день и немного подкрасить свои ботинки. Например, протереть их черными листьями бонкака, растущими в углу двора.

...И вот уже целую неделю ученики зовут Казимира «паршивым», потому что целую неделю он ходит в школу с грязными бинтами на ногах. Страшно себе представить, какие раны прикрывают эти постыдные грязные тряпки! Подумать только, торчащие из повязок пальцы с жесткими ногтями и затверделые серые пятки — рядом с безукоризненной обувью остальных...

— Почему его мать не пригласила доктора? Наверное, она его совсем не любит!

Никто не спрашивал у Казимира, что у него с ногами. Даже учителю это не пришло в голову. У этих деревенских мальчишек вечно какие-то происшествия с ногами: то наступят на что-нибудь, то обрежутся. Самые злобные воспользовались случаем и пустили в ход прозвище «паршивый». Казимира им не удалось разозлить. Горе в том, что он не может не только играть на переменах, но даже бродить по двору, избегая хулиганов и драчунов, собирающихся по уголкам.

Казимир принужден просиживать всю перемену в стороне от других на камне, с которого он поднимается при звуках колокольчика.

А сегодня на долю Казимира выпало тяжкое испытание: он должен показать врачу свои болячки в присутствии всех учеников!

Ага! Наконец-то они увидят паршу этого урода, заразу, которая того и гляди расползется по всему классу. Как будто он не мог посидеть дома, пока мать его не вылечит! Все хотят видеть. Сам директор бессилен разогнать толпу, окружившую доктора и М'Бафо.

— Что это с вами такое? — спрашивает доктор, кивая головой на грязные тряпки.

Казимир смущается и не может ответить. Разве поймешь, о чем молит его взгляд, перебегающий с директора на врача?

— Ну-ка, развяжите! — приказывает последний.

Казимир колеблется, потом дрожа повинуется.

Казимир, невозмутимый Казимир, непроницаемый человечек из черного каучука, развязывает свои повязки, извиваясь от волнения, жалобно вращая влажными от тоски глазами.

— Но что это значит! — восклицает доктор, глядя на директора, удивленного не меньше его самого.

Ни малейшей царапины.

Обе ноги Казимира целы и невредимы.

Видели ли вы когда-нибудь подобное нахальство? Так издеваться над людьми!

Какой цинизм!

И какая неопрятность!

Ах, эти мне деревенские негритята!

М'Бафо — отвратительный, непочтительный М'Бафо — приговорен оставаться целую неделю после занятий на один час и переписывать пятьдесят раз урок о чистоплотности и пятьдесят раз урок о вежливости и уважении к старшим.

Ученики с готовом преследуют мнимого «паршивца», который в полной растерянности не знает, продолжать ему хромать или нет.

Но учитель, остающийся после уроков с наказанными, не может прийти в себя от удивления. И как-то вечером, глядя на М'Бафо, видно, еще не оправившегося от горя, он снова спрашивает себя, как это мальчик, такой послушный, умудрился выкинуть эдакую штуку, добровольно покрыв себя позором. Он задумчиво смотрит на мальчика, склонившегося над тетрадью всей тяжестью своих массивных плеч.

Не такой уж он великий психолог, этот учитель, но он чувствует: есть какая-то тайна в поведении маленького человечка.

Он по опыту знает, как непостижимы дети. И вот он встает и подходит к Казимиру, который все ниже склоняется над письмом в наступающих сумерках. Наказанный съеживается при приближении учителя.

МАЛЫШАМ

Михаил КУДИНОВ

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА

ОЗОРНИК

Сказал барбосу озорник:
«Пойди сюда, кис-кис!»
И пес веселый в тот же миг
От огорченья скис.

Кота окликнул озорник:
«Цып-цып, иди сюда!»
Наш кот, услышав этот крик,
Заплакал от стыда.

А он уже кричит: «Кря-кря!»,
Кричит корове вслед!
Обидел всех. Обидел зря
Мой озорной сосед.

И я тогда сказал ему:
«Все звери мне друзья,
А ты их дразнишь. Почему?
Так, девочка, нельзя».

Что тут случилось! Озорник
Готов был съесть меня.
И долго раздавался крик:
«Я мальчик! Мальчик я!»

ТУК-ТУК-ТУК

Я вчера услышал вдруг
Тихий стук:
Тук-тук-тук.
Я подумал: видно, друг
В дверь стучится:
тук-тук-тук.
Я сказал тогда: «Войдите!
Не робейте, дверь толкните!»
И услышал я в ответ:
«Вы свободны или нет?
Если нет, прошу прощенья,
Я же к вам без приглашенья!
Впрочем, что с меня возьмешь,
Если я, простите, еж?
Из меня торчат колючки,
У меня нет авторучки,
Но хотя я только зверь,
Не ломлюсь без стука в дверь».

И подумал я: на свете
Есть и взрослые и дети,
На которых этот еж
Совершенно непохож.

СЫЧ

— Сыч! Сыч! Почему
Ты на дереве сидишь?
Сыч! Сыч! Почему
Ты ни с кем не говоришь?

— Говорить чушь, чушь
Не хочу, не хочу.
Тут — лес, тут — глушь,
Тут — ночь, и я молчу.

— Сыч! Сыч! Закричи,
Чтоб не скучно было, сыч!
Прилетят к тебе сычи.
Ты покличь их! Покличь!

— Нет! Нет! Не хочу,
Не хочу кри-чать.
Ты мне, скучному сычу,
Не мешай... скучать.

СВЕРЧОК

За печкой в углу
Зола на полу,
И пыль на стене и крючок.
На этот крючок
Повесил сверчок
Скрипку свою и смычок.

На цыпочки встав,
И скрипочку сняв,
И лапкой смычок ухватив,
Вечерней порой
Он занят игрой:
Он учит какой-то мотив.

Но что-то не то
И что-то не так
На скрипке выводит смычок.
Как будто пустяк,
Но с этим никак
Не может мириться сверчок.

И трудный мотив
Сто раз повторив,
Грустит он:
«Не вышло опять...»
Но завтра сверчок
Возьмет свой смычок
И снова будет играть.

ЧЕРЕПАХА

Послушай, черепаха!
Давай-ка у реки
Побегаем по берегу
С тобой вперегонки.

Послушай, черепаха!
Давай-ка на лугу
Попробуем, кто выше
Подпрыгнет на бегу.

Послушай, черепаха!
Давай с тобой в лесу
Посмотрим, кто быстрее
Залезет на сосну.

Послушай, будь, как белка,
Кузнечик и блоха...
Сказала черепаха:
«Че-пу-ха!»

РАКИ – ЗАБИЯКИ

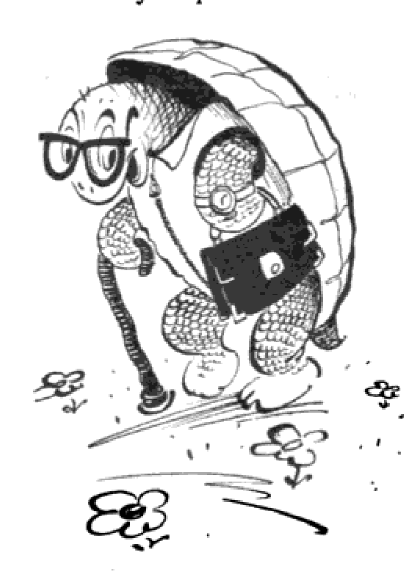
Жили-были раки,
Раки-забияки,
Жили раки шумно,
Затевали драки.

Их не раз просили:
«Прекратите шум!
Не пора ли, раки,
Взяться вам за ум?»

Но ума у раков
Было очень мало.
Совести у раков
Тоже не хватало.

Продолжали раки
Всем надоедать.
Что же с ними делать?
Как же их унять?

Думали-рядили —
И за шум и драки
Показали ракам,
Где зимуют раки.

НАОБОРОТ

Рыба плавает в море.
Кот сидит на заборе.
Под землею роется крот.
Ну, а если наоборот?

Чтобы рыба была на заборе,
Чтобы крот очутился в море,
Чтобы в землю зарылся кот?
Не получится наоборот!

Рыба вниз полетит
и убьется,
Крот утонет,
Кот задохнется.
Потому что к добру не ведет
Это самое «наоборот».

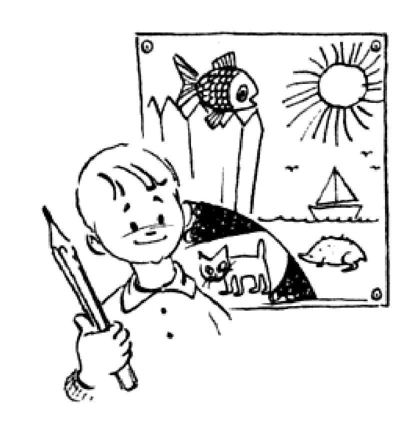

КАРАСИ НА КАРУСЕЛИ

(или как дразнить рыбака)

Караси на карусели
Покататься захотели,
Караси в телегу сели,
Дали тягу из пруда.
Карасям кричали куры:
«Хоть болтают, что мы дуры,
Но, поверьте, в парк
культуры
Вас не пустят никогда».

Караси сказали: «Что вы!
Мы не козы, не коровы!
В парке ждут нас, и готовы
Карусели для гостей...»
На деревьях — коростели,
Одеяло — на постели,
Караси — на карусели,
А рыбак без карасей.

ЧУДАКИ

На лесной опушке
Шум и тарарам:
Чудаки из пушки
Бьют по воробьям.

Волки удивляются:
— Вот еще стрелки!
С кем они сражаются,
Эти чудаки?

Даже в нас охотник
Из ружья палит.
А сейчас охотник
На печи лежит.

Ухо на подушке,
Ноги на весу.
— Кто стрелял из пушки?
— Чудаки в лесу!

— А в кого стреляли?
— Всё по воробьям!
— Ну и как? Попали?
— Догадайся сам!

— Что же с воробьями?
— Не волнуйся зря:
Воробьи орлами
Чувствуют себя.

Сердце его холодеет. Учитель кладет ему руку на плечо, поворачивает к себе его голову.

— Скажите мне, мальчик, почему вы так глупо себя вели? Зачем вы намотали эти тряпки на ноги?

У Казимира все смешалось и поплыло перед глазами. Но учитель не может этого видеть, потому что Казимир черный и не умеет краснеть, как рак...

— Ну, скажите мне, — повторяет учитель еще тише.

А Казимир ощутил бог знает какое сострадание в тоне учителя. И ему захотелось открыться, найти утешение. Голос учителя прошелся по его горю, как ласковая рука по шкурке животного. Он встал, вцепившись руками в стол, вперив глаза в землю. Ему бы хотелось ответить, поскольку они остались с «мсье» вдвоем, и ответить правду. Но как это стыдно! И он не в силах поднять голову. Сердце маленького горемыки обливается кровью, нелегко ему поступиться своим самолюбием!

Желая подбодрить его, учитель повторяет отеческим тоном:

— Ну же, скажите мне!

Тогда провинившийся со стоном обрушивается на скамейку и, закрыв лицо руками, признается среди рыданий:

— Потому что... у меня больше нет... ботинок...

Несчастный симулировал паршу и язвы, стыдясь своих босых ног!

С французского перевела Татьяна Иванова.

Повесть воспоминаний

Инна ГОФФ

Не верь зе

Рисунки В. БОГАТКИНА.

Глава первая

Время от времени она уходила от него — навсегда. Забирала дочь. Так и сейчас она уже три дня жила у подруги на окраине города.

Сойдя с автобуса, душного, с резким запахом пролитого бензина, он уже минут десять шел по тихим, почти деревенским улицам окраины. Фонари здесь горели редко. Тонкий серпик молодого месяца был высоко подвешен в черном апрельском небе. Чернота неба и земли смутно подсвечивалась белизной цветущих садов. Цвели абрикосы и алыча, яблони и вишни. Это было как праздник, как выпускной бал. Кто-то приходил раньше всех, кто-то запаздывал. Абрикос являлся на праздник в розовом. Цветы унизывали его голые, дрожащие на весеннем ветру, еще безлистые ветки, трогательные, как плечи Наташи Ростовой...

Это были ее сравнения. Она любила природу юга любовью северянки. Она и его наделила этой любовью, потому что, живя рядом с ней, он переставал различать границу между собой и ею. И всякий раз, когда она забирала дочь и уходила от него, навсегда, он думал: «Что, если правда навсегда?» И, стыдясь самого себя, чувствовал, что ему страшно.

Он легко мог представить себе жизнь с другой женщиной. С какой-нибудь Кларой Семеновой из своего отдела. Она часто подходит к его столу и просит объяснить непонятную схему. Она смотрит на него круглыми кошачьими глазами, почти не мигая, не слыша того, что он говорит.

Клара носит прозрачные блузки и поливает себя духами, такими крепкими, что ему приходят на память правила ПВХО.

Кларе двадцать девять лет — критический возраст для девушки. Она ищет слабое звено. Есть такая игра — разрывные цепи. Все держатся за руки, а один норовит с разбегу разнять соединенные руки. Найти слабое звено — главное в этой игре. Кларе кажется, что она нашла его. Возможно, она и права. Но как знать! Разрывные цепи — обманчивая игра... Жизнь с Кларой он легко мог себе представить. Зато с Верой он никогда не знал, что будет завтра...

Ясно светились в глубине садов окна. Был поздний час, и окраина уже готовилась ко сну. Кое-где из-за калиток слышались негромкие, спокойные голоса.

Он шел уверенно, потому что бывал здесь не раз. И потому, что знал: Вера здесь. И здесь Танька. Где им быть еще?

И все же, приближаясь к дому, где — он точно знал — вот уже три дня, скрываясь от него, жили его жена и дочь, он ощутил волнение и жалость к себе. «Надо кончать эту игру,— подумал он.— К черту! Если бы не телеграмма...»

Он дернул кольцо калитки и вошел во дворик. Дом Людмилы стоял среди цветущих яблонь, свет из бокового окна падал на отдельные близкие ветки, и они белели так ярко, словно были зажжены изнутри.

Он поднялся на крыльцо, пересилив желание подойти к окну. Дверь была заперта. Он постучал негромко. После небольшой паузы послышались шаги, и настороженный голос Людмилы спросил:

— Кто там?

Он ответил. И она стала возиться с засовом и греметь цепочкой. Ему казалось, что возится она слишком долго. «Прячутся»,— подумал он.

Наконец дверь открылась. Людмила в хала-

ркалам

те и тапочках на босу ногу, кутаясь в платок, стояла перед ним.

— Дима? — спросила она, изобразив удивление.

Узкая полоска света падала из комнаты в коридор, за ее спиной. И в этой полоске стояли Танькины ботики. Те самые, на «молнии», о которых она мечтала и которые он купил ей, когда был в командировке.

— Прости, что не приглашаю тебя,— лживым голосом сказала Людмила.— Волик в Кисловодске, а мы с Юркой уже спим...

Она стояла, закрыв собой амбразуру двери. Стояла «насмерть». Как будто он собирался ломиться в чужой дом. Оттого, что здесь прячутся, могут прятаться от него жена и дочь, дом этот стал для него еще более чужим.

Он прислонился к дверному косяку и закурил.

— Значит, их у тебя нет,— сказал он.— Я так и знал. Все же передай ей, что завтра приезжает ее мать.— Он достал из кармана сложенный листок телеграммы и протянул Людмиле. Она машинально взяла листок из его рук, но тут же опомнилась:

— Как же я...

— Бери, бери,— сказал он и усмехнулся.— Поезд приходит завтра ночью... Я говорю достаточно громко?..

— Напрасно ты думаешь...— начала Людмила, но он опять перебил ее.

— Если хочет, пусть возвращается. Так и скажи. Встретит мать по-человечески, в своем доме. А потом — пожалуйста, на все четыре. Удерживать не буду...

Он представил себе на миг Веру, как она, босая, где-то совсем близко, в закутке, стоит, прислушиваясь к его словам. Ему показалось, что он даже слышит ее дыхание... Захотелось оттолкнуть Людмилу, ворваться в дом и вытащить Веру из закутка, где она притаилась. Тряхнуть за плечи, крикнуть в лицо: «Долго ты будешь валять дурака? Сколько лет маюсь с тобой! Жена ты мне или нет?»

Может быть, так и надо было. Может, этого она и ждала, затаив дыхание. Но он так не умел. Это была ее привилегия — шуметь, кричать, плакать, доказывать свою правоту, хлопать дверьми и уходить «навсегда»... Он не бегал за ней. Не разыскивал. Не звал назад. Он ждал. Спустя несколько дней она сама возвращалась, притихшая и раскаявшаяся, и в два счета добивалась прощения, как добиваются те, кого любят...

Его достоянием была гордость. «Проклятая гордость», как говорила она. Если бы не телеграмма...

Он шел, насвистывая, спрятав руки в карманы. На душе было легко, почти весело. Может быть, потому, что он знал: завтра она придет. И приведет Таньку. Танька бросится к нему, повиснет на шее, виновато заглядывая в глаза... Когда-то она уходила безропотно и, подражая матери, смотрела волчонком.

Теперь ей двенадцать лет. В этот раз он нашел записку под сахарницей, на кухонном столе: «Папочка, не скучай! Мы скоро вернемся. Ты же знаешь!..» Что-то новое, взрослое было в этом «ты же знаешь!».

Он нашел записку не сразу, только вечером, вернувшись с завода. В квартире был разгром — «противник отступал в беспорядке, продолжая нести потери в живой силе и технике». Вещи валялись на полу и на стульях, дверцы платяного шкафа были растворены как бы затем, чтобы он видел: она ничего не взяла из того, что они нажили вместе. Вот оно, все осталось ему. А ей ничего не надо. Ушла, «как стояла», в одном платьице!..

Вернувшись с завода в тот вечер, он подошел к шкафу, который еще далеко не был заполнен. Ее нарядное платье и его выходной костюм, ее плащ и его макинтош — не много же нажили они добра! Да они за добром и не гнались!..

Вещи в шкафу висели дружно, плечом к плечу, напоминая о прожитых вместе годах. Казалось, вещам дано больше помнить, чем людям. Но что могли помнить вещи! Ведь тогда, в том далеком году, у него была только гимнастерка с пластмассовым подворотничком, а у нее — голубое платьице, которое мать купила ей по случаю на барахолке... Ни гимнастерки, ни этого платьица давно не было в помине. А любовь? Осталось что-то от той любви или тоже нет уже ничего?..

Он вскипятил чайник и, подняв сахарницу, увидел записку. Прочел, и горло перехватило. Он думал, что плачет от жалости к дочери. Но плакал он от чего-то другого, и слезы его были сладки, как слезы радости...

На автобусной остановке было пусто: должно быть, автобус ушел только что. Звезды стали крупнее к ночи, белые сады благоухали в темноте. Где-то очень далеко лаяла собака, и это еще больше придавало сходства с деревней этой тихой окраине, и было странно думать, что через пятнадцать—двадцать минут он окажется в центре большого южного города, где в этот поздний час еще кипит жизнь, звучит музыка и по главной улице — местному «броду» — в красноватом отблеске витрин гуляют молчаливые пары, все в одинаковой «модной» позе — рука парня лежит у девушки на плече...

Мир был создан для счастья. Он был готов поверить этому, потому что сам был почти счастлив. Завтра он увидит их. Веру и Таньку. Сейчас они шепчутся с Людмилой, решают, как быть. Нашла советчицу! Подругу. Бывают друзья по противоположности. Эти — именно такие. Людмила — хозяйственная баба. Благополучная. Такие, благополучные, любят давать советы. Обожает своего Волика. Что за имя дурацкое — Волик? Владимир, должно быть. Но все зовут его Волик. Смешно. Мужику под сорок, весит девяносто два кило...

Он взглянул на светящийся циферблат часов — одиннадцать. Автобуса все не было. Хоть иди пешком. По одной из улочек беззвучно прошла машина, свет фар скользнул и исчез.

И вдруг он услышал женские шаги. Женщина шла быстро, почти бежала. Он узнал эти шаги сразу.

— Димка!

Она так запыхалась, что не могла говорить.

— Так это правда? — сказала она.— Мама приезжает? Я так рада! Ты хорошо сказал. Пусть все будет по-человечески, да? Ты согласен? Она же здесь не была у час. Для нее это все так важно. Как я живу, понимаешь? Как мы живем...

Она подошла к нему, взяла за руку. Ее рука была холодная. Близко, у самых его глаз, доверчиво сияли ее глаза.

— Замерзла? — спросил он и с сожалением услышал тарахтение автобуса.

— Да, я не взяла ничего теплого,— сказала она. Как будто речь шла о курорте, а не о том, что она ушла от него. Навсегда.

— Мы завтра приедем,— сказала она.— С утра.

Автобус приближался, слепя глаза и переваливаясь на немощеной улице.

Он больно сжал ее руку.

— Нет уж,— сказал он.— Домой так домой. Сейчас. Или никогда.

Скулы его напряглись, сердце стучало. Автобус уже тормозил с шипением.

— Я не могу, Димка,— сказала Вера.— Завтра.

— Сегодня,— сказал он. И подтолкнул ее к подножке автобуса.

— А Танька? — Двери сомкнулись за ее спиной. Они уже ехали.

— Прибежит,— сказал он, разглядывая ее.

Они были одни в автобусе. Совсем одни, потому что автобус был без кондуктора. После темной улицы свет резал глаза, приходилось щуриться, но оба были рады этому: прищуренные глаза не так выдавали их.

— Прибежит,— повторил он.— Что ей, привыкать?

Он смотрел на Веру, и она казалась ему красивой. Как в те давние дни, когда они любили друг друга, таясь от всех, а потом расписались, никому не сказав ни слова. «Выкинули коника», как называет это до сих пор ее мама.

Глава вторая

Она путала имена. Называла Веру Танькой, а Таньку — Верой. Иногда ей казалось, что обе они ее дочери, и даже Танька в большей степени, чем Вера. Может быть, потому, что детство Веры, как и вся ее собственная молодая предвоенная жизнь, вспоминалось порой как сон, оборванный на середине, или как фильм из чьей-то жизни, странно знакомой, почти своей. Если бы они с Верой жили вместе и виделись чаще... Но они уже долгие годы жили врозь, и потому порой ей стоило усилия соединить эту рослую, яркую тридцатилетнюю женщину с той худенькой белоголовой девочкой, которую она когда-то в своей молодости качала на руках.

Ближе и понятней была Танька, приезжавшая каждое лето погостить к бабушке Анне в Белоруссию. С Танькой они дружили, пели песни, пололи грядки на огородике позади дома, ездили в лес по ягоду. Танька отвыкала от белорусского говора за зиму, и ее смешило иное слово, она заставляла повторять целые фразы, переспрашивая: «Бабушка, как ты сказала: «нема ниякіх ласиков»? Что такое «ласики»?»

Ее удивляло незнакомое правописание, где буква «а» пишется так, как ее слышишь,— «малако», «пасуда». Как будто попал в такую веселую сказочную страну, где нет никаких правил грамматики.

Вскоре Танька перенимала заразительный

местный говор и начинала разговаривать певуче, твердо произнося звуки «эр» и «че».

Потом из К. писали, что Таньке пора возвращаться. Она провожала внучку на самолет,— их города связывала авиалиния. Там, в аэропорту, она высматривала среди пассажиров женщину с добрым лицом и поручала Таньку ее заботам: «Дитё одно летит». Потом долго из-под ладони смотрела, как Танька, выросшая за лето, голенастая, с чемоданчиком в одной руке и эмалированным бидоном с вареньем из лесной малины — Верино любимое — в другой, в толпе пассажиров, пересекая летное поле, направляется к самолету. Самолет катился по траве, наконец взлетал и, набрав высоту, таял в голубом небе. Она исподволь, оглядываясь, не видит ли кто — с третьего года войны она состояла в партии,— крестила небо и растаявший в нем самолет и возвращалась в свой опустевший дом. Обнаруживала забытые Танькой туфли или вязаную кофточку и, припав к ним лицом, впервые давала волю слезам.

На бисквитной фабрике, где она работала в рецептурном цехе, сразу замечали ее плохое настроение. Помощница Дина старательно, молча подсчитывала расход сырья. Тестомес Михась рассказывал новый анекдот из жизни сумасшедших.

Все они много лет работали вместе, пережили многих директоров, сменившихся на фабрике за двадцать послевоенных лет. Вместе осваивали новую рецептуру, новое оборудование. Но когда на праздничной демонстрации фотографировалась их колонна, всегда снимали идущую в первой шеренге Анну Устиновну. Ее лицо как бы и было лицом фабрики.

Прошлым летом Танька к ней не приехала: была в пионерском лагере. И Анна Устиновна с пристрастием расспрашивала в письмах, где ей больше понравилось — у бабушки в Минске или в лагере. Танька хитрила. Отвечала, что у бабушки было лучше, но в лагере веселей. Этим летом Танька снова мечтала поехать в пионерский лагерь.

И теперь, получив на фабрике отпуск, Анна Устиновна поехала к дочери. Вера давно звала ее. И самой хотелось посмотреть новые края, своими глазами увидеть, как живет дочка,— она мало верила письмам, зная характер Веры,— повидать Таньку, по которой очень скучала... Была и еще одна причина. Самая главная. Она не знала, решится ли сказать о ней или так и уедет, не сказав ни слова.

Есть свадебные путешествия. Путешествие Анны Устиновны в этот южный город, в гости к дочери, было предсвадебным. Ей предстояло выйти замуж. В третий раз. Как будто все было решено. И все же ей необходим был этот весенний месяц отсрочки. Здесь, в кругу близких людей, вдали от того, с кем нежданно столкнула ее судьба, ей хотелось в последний раз оглянуться назад, вспомнить и пережить заново всю свою негладкую, неспокойную жизнь...

Да, не думала, не гадала, сказал бы кто — не поверила. И сны уже снились ей иные — не те, неясные и жгучие, от которых плачут, не просыпаясь, или просыпаются с бьющимся сердцем и долго потом не могут заснуть. Нет, сны давно уже снились простые, странно реальные. Снилось, что она идет в магазин перед закрытием, но ничего не покупает и, лишь выйдя за дверь, вспоминает, что́ ей нужно купить. Она возвращается, но магазин уже закрыт, и ей приходится упрашивать девчонку-продавщицу в белом халате, чтобы та ее впустила. Девчонка строит ей рожицы, но потом впускает, и она покупает две пачки вермишели, которая почему-то стоит пятьдесят четыре копейки одно кило.

Ей снились вещи, животные, птицы. Почему-то именно в таких простых и реальных снах люди ищут особый, скрытый смысл. И она, женщина строгая и партийная, но с детства твердо помнившая, что кровь снится к родне, хлеб — к письму, мука̀ — к му́ке, размышляла, проснувшись, к чему может сниться вермишель. И, поразмыслив, решила, что поскольку вермишель — изделие тоже мучное, то будет ей если и не мука, то все же какие-то мелкие неприятности...

Нет, никому бы не поверила, рассмеялась бы в лицо... Но вот ее жизнь, перевалив за полвека, озарилась тихим радостным светом. Она не смела назвать это любовью, да и не хотела, полагая, что любить в жизни можно только раз, редко — два... Она не знала названия своему чувству и с удивлением следила за собой какими-то посторонними, безжалостными, насмешливыми глазами. И все же весна в этом году была прекрасна и ослепительна. Давно не помнила она такой весны.

Доехала она хорошо. Вера и Дима встретили ее,— поезд приходил ночью, и она боялась, что дети проспят. Ночной город с фонарями сквозь черную зелень, мелькание белых стен, пустынные улицы, и после этого квартира Веры, просторная, с новой мебелью из светлого дерева. На столе торт с розами из крема и бутылка вина. Дима согрел чайник, нарезал хлеб, колбасу. Вера командовала: Димка, солнышко, подай то, достань это. И он привычно, покорно делал все, что она велела ему. Проснулась Танька и вышла к столу, сонная, нечесаная, в новом вышитом платье. И все они в пятом часу утра пили чай, ели торт с розами и чокались рюмками с красным кисловатым вином, от одной рюмки которого у Анны Устиновны пошла кругом голова. Она сидела, глядя на детей — все они для нее были дети — счастливыми, недоверчивыми глазами, и спрашивала: «Ну, как же вы тут живете, а?» И, слушая, приговаривала: «Так-так...»

К. ей понравился. Война сохранила большую часть города, белые приземистые домики прятались под сенью высоких акаций и тополей, трепетала на ветру их светлая клейкая листва.

— Погоди,— говорила Вера.— Вот зацветут катальпы!..

Вера жила на главной улице, длинной, пересекающей город от окраины до окраины. Дом был большой, новый, построенный уже после войны. Напротив окон возвышался холм. На нем был заложен камень — будущий памятник освободителям города от немецких захватчиков. С балкона пятого этажа открывался далекий вид. Танька уверяла, что ранним утром, в ясную погоду, если очень вглядеться, можно различить вдали горы Кавказского хребта. После застенчивой белорусской весны короткая, похожая на стремительный штурм южная весна слепила глаза. И если разглядеть горы Анне Устиновне пока не удалось, зато она отчетливо слышала запах моря, которое было где-то там, далеко позади этих гор. Пахло даже не морем, а свежей чищеной рыбой, влагой больших водных пространств. Там и тут за окнами и на балконах серебрились связки вяленой тарани.

Утром, когда все разбегались из дому — Вера на радио, где она работала, Дима на завод, а Танька в школу,— Анна Устиновна любила постоять на балконе, под которым, как волны моря, касаясь балкона своими вершинами, шелестели от ветра пирамидальные тополя. В такие минуты она чувствовала себя совсем молодой и сильной. Тяжелая коса, сохранившая свой золотистый цвет спелой пшеницы и только у самых корней как будто выгоревшая до белизны, уложенная «киксой» на затылке, гордо оттягивала голову. Она давно знала о себе, что внушает уважение и даже робость,— на фабрике ее многие побаивались. Но она не знала, что способна еще заставить чье-то сердце сильнее забиться...

Двадцать лет не думала она о себе как о женщине — не украшала себя, не смотрелась опасливо в зеркало, не глядела по сторонам. Личная, женская, жизнь ее осталась далеко позади, как бы приотстала где-то на полдороге... Ей хватало и без того. Она была матерью, работником фабрики, бабушкой, председателем месткома, народным заседателем, хозяйкой... Раз в году, Восьмого марта, на фабрике ей напоминали о том, что она женщина,— тестомес Михась дарил ей букет подснежников, а дирекция премировала бесплатной путевкой или чайным сервизом и отмечала в приказе.

Она сказала, что подумает. Решит все на свободе. А вернется — скажет свое решение. Он поправил ее: «Приговор». Он стоял на перроне, курил. Он боялся отпускать ее. Она знала это, и радовалась, и слегка дразнила его,— она была женщиной. Он стоял, отделенный от нее вагонным стеклом. Разговаривать уже нельзя было — только смотреть друг на друга. Она вспомнила его хмурое худощавое лицо, серьезный взгляд из-под старой, поношенной кепки.

Дочушка ты моя! Сказилась твоя мамочка. И смех и горе! Совестно людям сказать, жаниться надумала в третий раз...

Глава третья

Ох, эти материнские глаза — серые, светлые, недоверчивые! Как будто говорящие: «Брешешь, дочушка!» Такое знакомое мгновенное напряжение в зрачках, когда мать силится проникнуть в самую суть ее слов и тихонько приговаривает: «Так-так»,— одновременно размышляя о чем-то своем, взвешивая, проверяя... Так было всю жизнь. Говорят, яблочко от яблоньки. Вера в шутку жаловалась друзьям, что, видимо, тут вмешался старик Мичурин,— привил на яблоньку грушу. Мать и дочь любили друг друга, но мало понимали. Вера была «вся в батьку, одно лицо». Этому приходилось верить на слово, отец погиб, когда Вере не было двух лет,— фотографии его в доме не осталось. Где-то в Рогачеве, у материнской родни, была одна, да все недосуг туда съездить. Так и выросла Вера, не зная своего отца, только слыша от матери, что он «красивый был, волос черный-черный, а глаза синие, нос прямой, долгенький,— не то что у меня, трошки бульбочкой». Вера, часто смотрясь в зеркало, старалась представить себе отца, с которым была «одно лицо», хотя волосы у нее были светлые, в мать, и нос тоже материн — «трошки бульбочкой». Мать говорила также, что у нее отцовские ноги и даже «клетка тела» его. Это последнее признание поражало Веру больше всего. Как же надо любить человека, чтобы помнить спустя столько лет, какая у него была «клетка тела»!..

Они сидели на кухне, залитой солнечным

светом, и завтракали. В это утро Вере не надо было спешить на работу: накануне она сдала материал в очередной выпуск — очерк о строителях, собравших дом за десять дней. В редакции очерк понравился, сказали, что его берут и на московское вещание. Она рассказала об этом матери. Не затем, чтобы похвалиться,— просто чтобы мать порадовалась, поверила наконец, что из нее вырос стоящий, дельный человек. Доказать это матери почему-то всегда было трудно. И в то же время нужно, необходимо: ведь сама мать больше всего хотела бы этому верить. И сейчас она слушала дочь, недоверчиво сощурясь, со своим вечным «так-так»...

И вдруг спросила:

— Ну, а по совести... Нравится тебе служба такая, а? Все на работе, а ты дома. Все дома, а тебя черти несут на край села, а? Женское это дело?

Мать сготовила на завтрак любимое Верино кушанье — белорусскую «мачанку». Готовилось оно просто — в растопленное, со шкварками, сало макали блины, «мачали», как говорят на их родине. Взамен блинов годилась и отварная горячая картошка. Они наварили бульбы и теперь «мачали» по очереди в золотое, еще шипевшее на горячей сковороде сало. Голубоватый чад висел в воздухе, не желая уходить в открытое настежь окно, от него знакомо першило в горле.

— Я тебе гаварыла, як мы с Якимом сало прятали? — спросила вдруг мать и засмеялась, откинув назад голову с тяжелой, свисающей до пояса косой, и Вера вдруг с удивлением подумала о том, что мать еще молода. Что за время разлуки разница в годах между ними как будто уменьшилась.

— Ну, расскажи,— сказала Вера.

Она любила, когда мать вспоминала старое. Отца. Это были лучшие минуты, роднившие их. И мать становилась другой — исчезал этот взгляд, недоверчивый, пристрастный...

— В тот год мы пожанились с ним. Он агентом в уголовном розыске рабил... Тебя еще на свете не было. Вот однажды приезжает с задания,— сельпо ограбили. Приезжает, значит. Привозит сало. «Откуда у тебя?» «Мы с начальником один мешок на двоих разделили...» Это, значит, он, начальник, его подбил. А года голодные. Бульбы, и той не уродилось. Начальнику фамилия была Перапелка. Вот этай Перапелка подбил твоего батьку взять сало. А Яким этаго не умел. Поели сала по шматочку, легли, а ён не спит. «Ты,— гавару,— чего не спишь? Сало стерегешь?» А ён: «Не можу спать. Пойдем, подымайся». Ну, поднялись середь ночи. Стали яму копать на огороде. Зарыли этая сало. Поспала часок — опять будит. «Пойдем, перепрячем». Зарыли у другом месте. А ён не спит. «Давай за колодцем закопаем». И так всю ночь копали да прятали, а как засветлело,— на свалку выкинули, собакам... И вроде с души что скинули. А начальник свою долю целый месяц жарил, пахло по всей хате, как сейчас, и мы тем запахом сыты были...

Мать говорила чудно́, на той смеси русского с белорусским, которая как бы стала у нее каким-то новым, самостоятельным языком. Чем больше мать волновалась, тем больше ее родного, белорусского, было в этой смеси. Вера слушала этот говор, как слушают музыку, знакомую с детства. Все эти «ён», «этай», «гавару» как будто хранили вкус родины, липничка, который бабушка, пока была жива, заваривала в старом синем чайнике с отбитым носиком...

Мать макнула картофелину в остывающее сало, но есть не стала,— задумалась.

— А Перапелку этаго убили-таки бандиты. Стреляли через окно. Такое, дочушка, время было. Бандиты кругом. Нам тогда его квартиру дали, и Якима поставили начальником розыска.

На этом история с салом заканчивалась. Было у матери и еще несколько историй, сохранившихся в памяти от тех далеких лет. Вера знала их все наизусть, но каждый раз слушала с новым интересом, и, чем взрослей становилась, тем с большим волнением. С годами и она стала называть отца просто по имени: ведь она была уже старше, чем он в год своей гибели...

Погиб Яким загадочно. Поехал с оперативным заданием на село, заночевал в какой-то хате, на печке, а утром нашли его мертвым. Фельдшер поставил диагноз—разрыв сердца, но мать до сих пор не верила: на сердце Яким никогда не жаловался. Село было богатое, кулацкое, вот и опоили его, подсыпали какого-то зелья...

Но лучше всего была история их знакомства. Сквозь всю свою жизнь мать пронесла ее, сберегла, как берегут драгоценную реликвию, редкую картину. Но и реликвии плесневеют, и картина выгорает, и зеркало блекнет от времени. Только это воспоминание не потускнело с годами. Не тронули его ни второе замужество, ни война, ни годы...

...Синим летним утром пошли они в поле, в рожь,— Анна и ее подружка, Раечка хроменькая. Арендаторка, аптекарша, что жила на хуторе, послала их обрывать лепестки васильков, посулила двадцать копеек за килограмм. Солнце светит ярко, рожь созревает, ходит на ветерке волнами. Нарвали девушки васильков по целой охапке, решили: потом, край дороги, там, где кряжи стоят, сядем, пообрываем. Нарвали этих васильков и идут по борозде. Рожь — стеной. Вдруг два всадника, прямо на них. Кони на дыбки, испугались. Успокоили всадники коней, смотрят на девушек и молчат. Молчат и девушки. На всадниках фуражки военные, козырьки лакированные блестят. А на переднем всаднике рубашка черная бархатная, рубчиком, на тонкой талии перетянута ремешком. Этот, передний, видать, главный из них, спрашивает: «Что, девушки, веночки плесть будете?» Анна отвечает: «Веночки, как же!» «Ну, плетите, мы поглядим». Сам на Анну глядит, глаз не сводит. А глаза синие-синие, как те васильки. Потом посерьезнел, спрашивает: «В школу проедем так?» «По шляху поезжайте, там будет школа...» Поскакали всадники дальше, а у девушек на весь день только и разговору. Смехом поделили их между собой: Анна себе переднего выбрала... А поздним вечером стук в дверь. Вышла Анна на крыльцо, а там брат ее и рядом с ним — всадник этот синеглазый. Брат говорит: «Собрание в школе кончилось, вот товарищ заночует у нас...» А сам посмеивается. Уж после сознался, рассказал Яким про встречу во ржи, спросил: «Чья такая может быть красавица?..» В рассказе Якима признал брат свою сестру Анну.

Ночь теплая была. Сели Яким и Анна на лавочку в саду, проговорили до зари. А на заре Яким спрашивает: «Что, пойдешь за меня?» «Пойду».

Через две недели поженились. На свадьбе гуляла вся милиция. Было Анне тогда девятнадцать лет. А в двадцать один осталась вдовой с годовалой дочкой...

Был человек. Яким Межонок. Уже и косточек его не сыскать в земле. Говорят, что смерть—это забвение. Но вот сидят за столом две женщины — Анна Межонок и Вера Межонок, его жена и дочь,— и говорят о нем. Как дорогую картину из драгоценных кладовых памяти, достают и разглядывают то утро в далеком июне, ту встречу на борозде во ржи.

— А Раечка так и осталась в девушках,— говорит мать и вздыхает.— Хроменькая была.

(Продолжение следует.)

Труд, утомление, отдых

— Не скажу ничего нового, если напомню,— говорит, открывая очередное заседание клуба, действительный член Академии медицинских наук СССР, профессор **Август Андреевич Летавет**,— что для физиолога любой труд — физический или умственный — это прежде всего движение. Точнейшие биохимические исследования подтвердили бесспорную связь между основой жизни — обменом веществ и трудом, сердцевиной которого является движение. Для того, чтобы в головном мозгу, например, нормально протекали сложнейшие химические реакции, он должен постоянно получать побуждающие импульсы, а их дают действующие мышцы. В физической работе очень заинтересовано также наше сердце.

Широкое использование автоматики, электроники, поточных методов производства коренным образом изменило сегодня характер трудовых процессов. Интенсивность многих из них стала настолько велика, что ее дальнейшее повышение ограничивается быстротой реакций человека. Надо суметь в том же темпе, в каком протекает производственный процесс, собрать о нем информацию, проанализировать ее, выработать управляющее воздействие и передать его механизмам. Подсчитано, например, что диспетчер Внуковского аэропорта столицы ежечасно получает 100—150 различных сигналов. А условия труда у него таковы, что не позволяют отрываться от рабочего места, рассеивать внимание. На ряде других предприятий диспетчеры львиную долю рабочего времени отдают не активным действиям, а наблюдению за стрелками многочисленных контрольных приборов.

«Вот жизнь,— позавидует иной человек, недостаточно осведомленный в физиологии:- пильщик леса, тракторист, повар или токарь,— сиди себе в удобном кресле да поглядывай!» Скажу откровенно: я еще не знаю, чья работа более утомительна, ведь состояние длительной напряженности порой труднее самого тяжелого труда.

Но при всем разнообразии современных трудовых процессов все они подчиняются одному физиологическому закону: на каком-то этапе работа человека начинает замедляться, внимание рассеивается, производительность падает: развивается утомление.

— Ученые исследовали этот процесс с самых различных сторон,— включается в беседу профессор **Владимир Соломонович Фарфель**.— Вначале казалось, что утомление подобно отравлению: в работающей мышце накапливаются, мол, некие «яды усталости», которые затем разносятся по организму и отравляют его. Окажись эта мысль верной, пути борьбы с утомлением были бы ясны, оставалось бы найти противоядие! Однако самые тщательные поиски специфических ядов не увенчались успехом. В мышцах при работе совершается нормальный обмен веществ, труд не отравляет, а развивает организм, это фактор здоровья, а не болезней.

Выяснилось далее, что утомление возникает вовсе не там, где оно ощущается. Нам кажется, что устали руки или ноги, а на самом деле утомление развилось в головном мозгу. Но вот вопрос вопросов: можно ли побороть утомление или хотя бы существенно его отодвинуть?

Не хочешь утомляться? Утомляйся!

Есть универсальное средство наверняка преодолевать утомление — утомляться! Это звучит парадоксально, но от истины не уйдешь. Меньше всего устает тот, кто чаще встречается с утомлением: он более тренирован, более вынослив.

Интересен в этой связи один случай из спортивной истории. Группе советских альпинистов предстояло восхождение, требовавшее от участников не только мужества, силы, отваги, но и очень высокой выносливости. Как определить ее здесь, в Москве? Поступили следующим образом: на гаревую дорожку выпустили квалифицированного бегуна с секундомером в руках и предложили ему бежать в одном, достаточно высоком темпе. Задача испытуемых сводилась к тому, чтобы не отстать. Прошли минуты... Вот, отяжелев от усталости, сошел с дорожки один, другой, третий... Наконец, за лидирующим остался только единственный бегун — выдающийся советский альпинист Виталий Михайлович Абалаков. Но почему же победил именно этот далеко не молодой человек? Ведь до того в беге он не тренировался.

Оказывается, выносливость—качество не одних только мышц, это — свойство центральной нервной системы, обладающей к тому же способностью «переноса». Это значит, что выносливость, выработанная на одном движении, может «распространяться» и на многие другие виды движений. Не зря мы говорим, что физическая культура и спорт — важные помощники в труде, существенный резерв повышения его производительности. Вот пример, целиком это подтверждающий. В 1942 году студенты Московского института физической культуры находились в эвакуации на Урале. Один из заводов обратился к ним за помощью: не хватало рабочей силы. Студенты сначала внимательно присмотрелись к трудовым движениям опытных мастеров, а потом и сами взялись за дело. Уже через несколько дней случилось то, чего никто не ожидал: новички стали почти вдвое перевыполнять норму. Объяснялось это высокой выносливостью студентов и их умением экономить движения, овладевать новыми двигательными навыками.

Резервы внутри нас...

— Инженерно-технические работники нередко ломают голову над тем, как «выжать» из имеющегося оборудования лишний процент плана. А «ларчик» подчас открываем мы, врачи, находя резервы не в машинах, а в людях и в условиях их труда,— говорит кандидат биологических наук **Юрий Викторович Мойкин**.

Спросите любого: какое движение экономнее — прямолинейное или дугообразное? Не задумываясь, вам ответят: конечно, прямолинейное! И ошибутся! На одной английской конфетной фабрике заменили короткие, прямые движения рабочих более длинными, по кривой, и благодаря только этому повысилась производительность труда на 27 процентов! Округлые движения ближе к анатомо-физиологическим особенностям наших конечностей. Доказано далее, что с точки зрения той же физиологии более выгодны движения с частичным сгибанием рук и ног, а полные сгибания скорее утомляют.

Самые незначительные приспособления помогают подчас резко экономить силы и повышать выработку. На одном предприятии ящики с заготовками подняли с пола на особые подставки. Благодаря этому каждый рабочий стал на 2 тысячи раз меньше нагибаться за смену. Производительность труда на заводе без малого удвоилась.

Вообще надо больше думать о «культуре мелочей». Понаблюдайте за продавцом в магазине: сколько ненужных движений он подчас совершает! И все только потому, что не догадался поднять ящик, придвинуть поближе стеллаж с товарами, удобнее установить весы.

Создавая в цехах благоприятную для глаз световую и цветовую обстановку, тоже можно сделать труд людей менее утомительным, заметно повысить его производительность, снизить брак и травматизм. Это хорошо учитывают, например, на некоторых предприятиях Германской Демократической Республики. Непроизводительные потери рабочего времени уменьшились там на 32, а выработка возросла на 25 процентов после того, как в цехах были перекрашены в желто-зеленые тона станки и стены. Аналогичные результаты достигнуты на омских нефтеперерабатывающем и шинном заводах, кордной фабрике, на Львовском электроламповом заводе, на ряде предприятий Латвийского совнархоза.

Научно доказано, что музыка, обладающая, как известно, огромным эмоциональным воздействием, может стимулировать производительный труд человека или служить ему помехой. Гигиенисты составили любопытную шкалу занятости внимания при разных работах. У корректора, к примеру, занятость достигает 10 баллов, и тут музыка — помеха, а у разнорабочего — меньше полубалла, ему музыка поможет в труде. Но на предприятиях часто еще не умеют регулировать «звуковой фон». Я побывал недавно на одном механическом заводе. Шум станков составлял там примерно 30—40 децибел. Меня попросили посоветовать: какую лучше передавать на этом заводе музыку? Пришлось ответить: никакой! Если к обычному производственному шуму добавить еще несколько десятков децибел музыки, то общий звуковой фон превысит установленную норму, то есть окажется уже вредным для здоровья.

Голос с места. Не кажется ли вам, что все эти резервы слишком малозначительны в сравнении с тем, что дает автоматизация производственных процессов, широкое применение конвейерных и поточных линий и т. д.?

Профессор А. А. Летавет. Зачем же противопоставлять одно другому? В наших интересах использовать все возможности — физиологические и технические. Кстати, сейчас слова просит кандидат медицинских наук **Зоя Михайловна Золина**. Она расскажет, как лучше использовать те самые конвейеры, о которых вы только что упомянули.

Главный враг — монотонность!

— Когда инженер произносит слово «конвейер», мы, физиологи и гигиенисты труда, неволь-

Хибины. Плато Юкспорр. Круглый год несут здесь вахту метеорологи. Они дают сведения о погоде на комбинат «Апатит». На снимке: Юкспоррская метеостанция.

Фото Г. Копосова.

Пушистое золото Севера — молодые норки.

но воспринимаем его как «ритм». Доказано, что к ритмичному труду легче приспосабливается центральная нервная система, у рабочих быстрее создается облегчающий труд автоматизм движений.

Установлено, что самая высокая производительность труда сохраняется в течение лишь первых двух — двух с половиной часов, потом выработка начинает постепенно падать. После обеденного перерыва наблюдается аналогичная закономерность, но на более низком уровне. И только перед самым концом смены работа вновь нередко ускоряется: это сказывается «конечный порыв», предвкушение отдыха. Естественно, что и скорость движения ленты в каждый данный момент должна соответствовать уровню работоспособности людей. Особые устройства — «вариаторы» — и помогают как раз автоматически регулировать скорость конвейера. Надо добиваться, чтобы эти приборы нашли более широкое применение.

Главным недочетом конвейерного производства до сих пор остается монотонность труда, обычно возникающая в результате чрезмерной раздробленности операций. Еще великий физиолог Иван Петрович Павлов заметил, что «долбление» в одну и ту же клетку коры головного мозга ведет к утомлению. Наши исследования говорят о том, что наиболее целесообразный срок каждой операции при сборке мелких изделий не менее 50—60 секунд. Это не везде, к сожалению, понимают. Чтобы победить монотонность, рабочим следовало бы освоить по нескольку разных операций и меняться на протяжении смены местами. Там, где это осуществляют, окупаются все затраты сил на дополнительное обучение рабочих.

Много ходить — долго жить

— Если неукоснительно следовать советам врачей, то утомление так никогда и не наступит? — с иронией спрашивает один из присутствующих в зале.

Профессор В. С. Фарфель. Все равно наступит, но гораздо позже. У всякого труда есть свой близнец — отдых, и один без другого они невозможны. Отдых — это не просто прекращение деятельности, это подготовка к новой работе, пролог к труду.

— Хорошо работать мы уже научились, — замечает член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, профессор **Валентин Николаевич Мошков**, — а вот отдыхать как следует еще не умеем.

Профессор В. С. Фарфель. Если разрешите, я расскажу об опыте, поставленном с целью определить, сколько же нужно отдыхать. Человек работал до наступления усталости, потом после определенной паузы снова принимался за дело. Если теперь он мог выполнить столько же работы, сколько и в первый раз, — значит, отдых был достаточен, если же отдых был коротким, — развивалось сильное утомление.

Профессор В. Н. Мошков. Кстати, первые его признаки — раздражение по пустякам, несдержанность, излишне острая реакция на критические замечания. Академик А. А. Ухтомский образно назвал такое состояние «раздражительной слабостью».

— Скажу, однако, иным любителям излишне беречь свои силы, — спешит добавить **профессор В. С. Фарфель**, — что после работы «с прохладцей» особого отдыха не требуется, трудоспособности он не повышает и выносливым лентяя не делает.

— Не мешает напомнить и о представителях другой крайности, — говорит **профессор В. Н. Мошков**, — о любителях постоянно оставаться «в упряжке». Давайте посмотрим вокруг, и мы с вами наверняка увидим этаких добровольных мучеников нелепого представления о долге. Они исправно таскают домой туго набитые портфели с делами, раздражительны, суетливы, невыдержанны. Пожалеем их: эти люди не научились отдыхать, а следовательно, и хорошо, высокопроизводительно работать.

Но что значит правильно отдыхать? Отвечу так: своевременно переключаться с одного вида деятельности на другой, спать 7—8 часов по ночам и разумно дозировать покой в остальное время суток, побольше двигаться, ни при каких обстоятельствах не оставлять на воскресенье все незавершенные дела.

Голос с места. А когда же по магазинам ходить?

Профессор А. А. Летавет. Кстати, о магазинах: с гигиенической точки зрения воскресная торговля — штука ошибочная. Магазины по выходным дням следовало бы закрывать, продлив часы их работы в будни. А если торговые работники боятся не выполнить плана, то пусть больше подумают о культуре обслуживания покупателей. Важно также воспитывать в нашем народе более уважительное отношение к короткому субботнему дню и полноценному воскресному отдыху.

Профессор В. Н. Мошков. «Много ходить — долго жить!» — гласит мудрая пословица. Так примем за правило: при первой возможности — за город, в туристский поход, на лыжи!

Профессор А. А. Летавет. Я прочитал недавно одну французскую книгу, кончается она так: «Удивительна современная техника, она обеспечивает нам высокую степень бытового комфорта, хорошее освещение, нормальную температуру, но почему-то в конце недели мы стремимся убежать прочь от этого благополучия. И куда? В брезентовую палатку, в крестьянскую избу, где нет даже простого водопровода». Объяснение тут совершенно ясное: как губка стирает с классной доски все, что было на ней написано, так и смена обстановки, переключение освобождает нашу нервную систему от того, что на нее наслоилось за неделю.

В заключение мне хочется напомнить слова М. Горького о том, что никакая сила не делает человека великим и мудрым, как это делает сила труда — коллективного, дружного, свободного труда. Надо и впредь настойчиво искать все новые и новые подходы к созданию у советских людей истинно высокой трудоспособности. Задача эта благородная, и решать ее следует сообща!

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
член правления клуба

ПО ПРОСЬБЕ СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ

Волжская военная флотилия... Один из многих легендарных отрядов революционных рабочих и крестьян, поднявшихся на защиту молодой Советской республики. Бойцы-моряки громили белогвардейцев на берегах священной Волги, на обрывистых кручах Камы, на хмуром Каспии. Народ помнит имена большевика комиссара Николая Маркина, отважного десантника Ивана Шмелева и других солдат, отдавших свои жизни во имя светлого будущего.

Нам, бывшим бойцам-десантникам, хочется, чтобы журнал «Огонек» рассказал о бойцах флотилии, о командире нашего отряда Иване Кузьмиче Кожанове.

Кубанский казак, горный инженер по образованию, он в первые же дни революции взял сторону большевиков и всей своей жизнью доказал верность партии, народу. Талантливый военачальник, И. К. Кожанов после Октября работал в Реввоенсовете республики, участвовал в подавлении эсеровского мятежа в Москве. В Волжской военной флотилии он командовал большим десантным отрядом и экспедиционной морской дивизией. Беспримерная храбрость, преданность делу революции создали ему легендарную славу.

После гражданской войны Кожанов был командующим Черноморским военным флотом.

Иван Кузьмич пал жертвой необоснованных репрессий в период культа личности.

Бывшие бойцы кожановского отряда:

С. И. Федоров, член КПСС с 1917 года,
С. И. Кузнецов, член КПСС с 1917 года,
П. М. Печников, член КПСС с 1917 года,
И. С. Ильин, член КПСС с 1919 года,
И. Н. Мухин, член КПСС с 1919 года.

РАССКАЖИТЕ ВНУКАМ, ВОЛЖСКИЕ БЕРЕГА!

Виктор МАЛАФЕЕВ

1

Холодный мартовский ветер, налетевший с ледяных торосов Волги, гнал по булыжной нижегородской мостовой поземку, рвал полы черных морских шинелей. Гулко стуча подметками промерзших ботинок, отряд моряков ввалился в двухэтажный особняк около Ильинской церкви. Странно было видеть их здесь: зеркала отражали матросов, увешанных лимонками и опоясанных пулеметными лентами. На паркетных полах растекался занесенный с улицы снег...

В особняке — штаб формируемого десантного отряда Волжской военной флотилии. Прибывшие моряки построились в вестибюле, и старший над ними, вислоусый матрос, доложил худощавому человеку:

— Товарищ командир! Группа моряков с Балтики прибыла для прохождения службы в десантном отряде...

Командир отряда цепким взглядом окинул строй, и жесткие глаза его потеплели: пополнение настоящее, побольше бы таких в отряд! Он заправил под кожаную фуражку русые волосы и заговорил твердым голосом, раскатившимся в полупустых комнатах:

— Товарищи, революция в опасности! Белогвардейцы и интервенты всех мастей хотят ее задушить. Только с оружием в руках...

А закончил он просто:

— Теперь разойдитесь, познакомьтесь с нашими отрядниками, похлебайте, — его губы тронула улыбка, — именно похлебайте нижегородской каши — жидковата

И. К. Кожанов. 1919 год.

она... А фамилия моя — Кожанов, зовут Иваном Кузьмичом...

На затертом, обшитом плюшем диване горячо спорили два моряка: один из вновь прибывших — широколицый парень с руками крестьянина, другой — ветеран отряда Василий Милютин, тщедушный с виду, но с воинственными усами, лихо закрученными вверх.

— Вот ты говоришь, браток, что не очень тебе наш командир по сердцу: молод, мол, двадцать два всего стукнуло,— доказывал Милютин,— а молодость — это хорошо! Я с Кузьмичом сотни верст прошел. Видел его в деле! Да вот в прошлом месяце, у села Шармейки... Есть такое богом проклятое место на Каме. Дали нам приказ — выбить белогвардейцев. Бились мы, бились, а взять эти Шармейки не можем. А Кожанов-то вдруг командует: «Держитесь, к нам идет подкрепление!» А сам приказал мне отвести назад два взвода и развернуться цепью. Я не понимал, что он собирается делать, но выполнил приказ. А Кожанов сыграл на гордости моряков.

— Эх, братва, неужели мы без чужой помощи не сможем нажать? Позор!

И моряки поломали врага! После бойцы спрашивали друг друга:

— Где же тот отряд, который на помощь?

— Да то ж мы во второй цепи шли!

Вот тебе и молодость! Не смотри, что Кузьмич без усов ходит. Он сам про себя говорит: «У моего отца усов и бороды на двоих хватит. Мне можно и без усов походить».

— Да я что?— оправдывается парень.— Хотел только узнать, с каким командиром мне в бой идти.

2

...Весна девятнадцатого года выдалась ранней. Медленно плыли по Волге ноздреватые остатки последнего льда. А в это время от нижегородских причалов под медь оркестра отходили суда: Волжская военная флотилия отправлялась на фронт.

На корме одного из пароходов, где резко пахло свежей масляной краской, разогретой солнцем, около юноши, одетого в синюю, аккуратно отглаженную форменку, собралась группа десантников. Юноша горячо рассказывал, как в Москве он слышал выступление Ленина. Запомнил я на всю жизнь: поднял Ильич руку с фуражкой и так сказал: «Революционные моряки, на вас надеется российский рабочий класс!»

Незаметно подошел к группе Кожанов, вступил в разговор:

— Ленин надеется, товарищи! Нам доверено воевать против Колчака. Не знаю, где догоним фронт, но сражаться придется на Каме — самом ответственном участке...

Кама. Отвесные глинистые берега с дремучими лесами. Флотилия идет на Елабугу, где засели колчаковцы. А сначала нужно овладеть селом Котловка. Но как подойти к нему? Река заминирована. И тогда комиссар катера «Организатор» Павел Старостин повел свое судно прямо на минное поле. Раздались взрывы, катер взлетел в воздух. Так, открыв путь десантникам Кожанова, погиб революционный моряк.

Проскочив через проход в минных заграждениях, всю ночь суда флотилии шли с потушенными огнями по вражеской территории. На рассвете кожановцы высадились на берег. На горе—ветряная мельница, белеет церковь... Вдруг с колокольни хлестнули пулеметные очереди, открыли огонь и белогвардейские суда, притаившиеся в излучине реки. Тяжелым был трехдневный бой. Погиб Иван Шмелев, заместитель Кожанова, погиб и начальник штаба Федоров, упали раненные комиссар отряда Филатов и комбат Гудков.

Но десантники все же овладели Котловкой и взяли в плен полк колчаковцев.

Таким было начало легендарной славы кожановского отряда. Десантники не выходили из боев. Они брали Елабугу и Чистополь, Ижевск и Воткинск, Осу и Сарапул...

И вот — Пермь! Вместе с частями Красной Армии десантники Кожанова ворвались к ее подступам. Отступающие белогвардейцы взорвали мосты, выпустили на воду около двухсот пудов горючего и зажгли флот, находящийся у пристаней...

1 июля 1919 года над городом взвилось красное знамя. Белоуральские казаки, офицерские батальоны были отброшены за Урал...

3

А потом опять Волга, бои с деникинцами. Под Саратовом офицерские полки белогвардейцев ходили в «психические» атаки — в полный рост, под зловещий треск барабанов, с хоругвями. Над позициями моряков проносились бипланы, сыпали градом свинца.

Кожановцы не дрогнули. Они перешли в контрнаступление и отбросили деникинцев.

Командиром одного из подразделений был Яков Осипов, человек большой храбрости и силы. Бывало, скажет он своему другу, начальнику разведки Василию Милютину: «Давай бороться! Ты на коне, а я пеший...» И положит разведчика на землю вместе с лошадью. Когда десант наступал на Царицын, Кожанов приказал Осипову ворваться в город вслед за разведчиками Василия Милютина. Но десантников атаковала белая кавалерия. Создалось тяжелое положение. Тут еще какой-то полковник выстрелом раздробил Милютину руку. Яков Осипов с шашкой бросился на помощь другу. Коротким ударом разрубил полковника от плеча до пояса.

...Сложить бы вместе все дороги, пройденные кожановцами! Большие города, малые селения — все это вехи на пути легендарной славы. Саратов и Царицын, Дубовка и Астрахань, Красный Яр и Ганюшкино...

Ганюшкино — село в дельте Волги. И путь отряда шел к нему в ноябрьские студеные дни девятнадцатого года через зыбкие пески, через заросли камышей, по пояс в ледяной воде. Неожиданно моряки ворвались в село. Тысяча казаков, одетых в добротную английскую форму, подняли руки. Десантники забрали богатые трофеи. Там же, у Ганюшкина, встретились кожановцы с Сергеем Мироновичем Кировым. Он порывисто обнял Кожанова: «Хорошо воюете!..»

4

А потом — рейд на Баку, в персидский порт Энзели, куда белогвардейцы угнали с Каспия русский флот.

Дороги, дороги... И задымленные берега... Расскажите, волжские берега, внукам о славной молодости дедов!

И сейчас еще здравствуют многие герои Волжской флотилии. В Чебоксарах, на улице Христо Ботева, живет бывший командир разведки Василий Семенович Милютин. Постарел он, конечно, но так же задорно, воинственно закручены у него усы. В совете ветеранов Волжской военной флотилии активно работает Иван Сергеевич Ильин. В слободе Печеры, около самой Волги, стоит дом Сергея Ивановича Китаева, участника персидского похода, слышавшего Ленина. В Горьком живет другой кожановец — Игнатий Васильевич Чистов. В пору гражданской войны Игнашке было пятнадцать лет... А по Волге ходит белый пароход «Память товарища Шмелева». Это в честь молодого заместителя командира отряда — Ивана Шмелева, что упал со смертельными ранами у села Котловки.

Расскажите внукам, волжские берега!..

Ветераны Волжской военной флотилии совершили поездку по местам исторических сражений и рассказывали о славном боевом пути флотилии. В Чебоксарах В. С. Милютин (справа) встретился с боевыми друзьями.

Фото И. Шмелева.

Самый объективный

А. ВИТ

Когда я спросил Виктора Банникова, вратаря киевского «Динамо», получившего кубок «Огонька», студента III курса института физкультуры и отца прелестной дочурки, чем он любит заниматься в свободное от учебы, футбола и семейных обязанностей время, Виктор задумался и неожиданно ответил:

— Прыжками.

Полагая, что не совсем ясно изложил вопрос, я объяснил, что мне хотелось бы знать, чем он любит заниматься в часы досуга. Виктор улыбнулся и так же немногословно заявил:

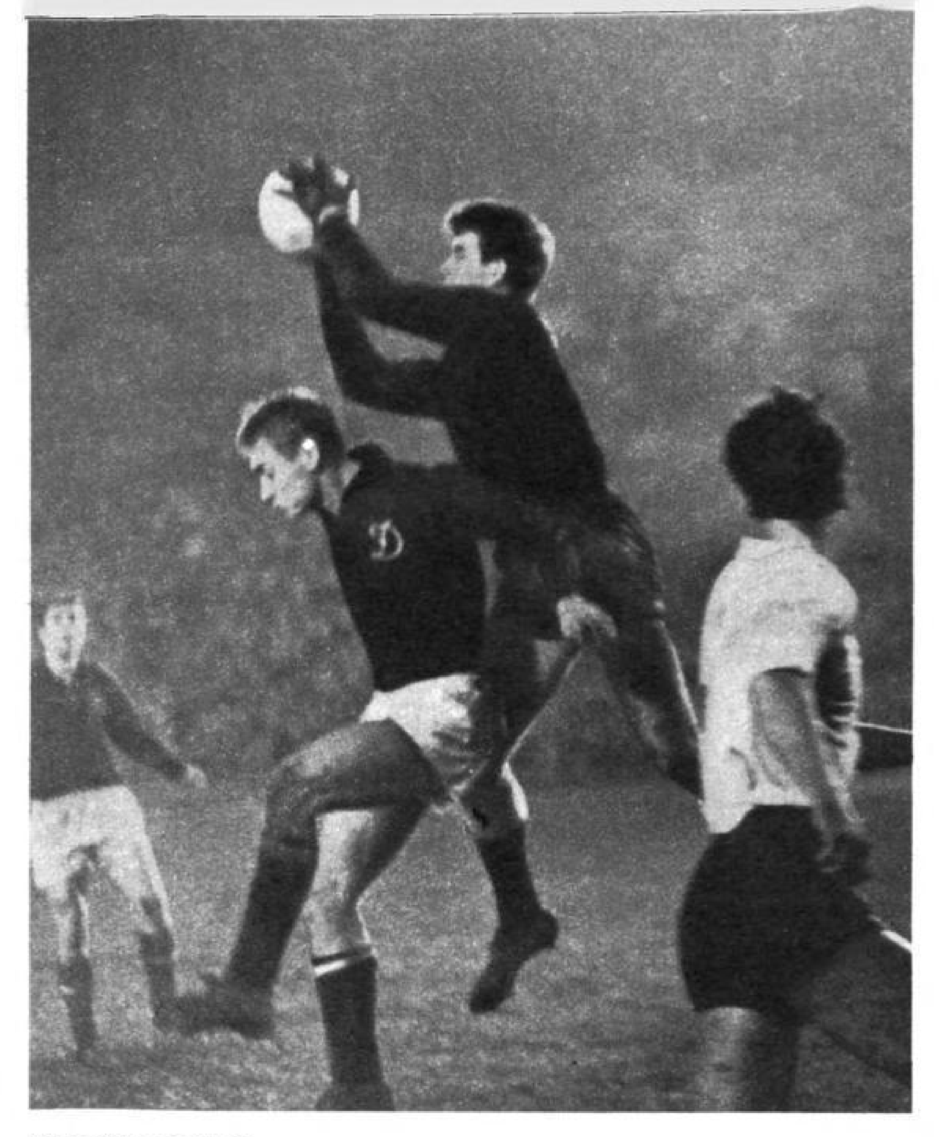
— Прыжками.

Конечно, все вратари должны уметь хорошо прыгать, или, как говорят специалисты, обладать прыгучестью. Вратари обычно прыгают лучше защитников и нападающих. Они много работают над этим качеством, столь нужным им в игре. Но Виктора Банникова именно любовь к прыжкам и привела в футбол. О нем можно сказать, что он допрыгался до футбольных ворот и до почетного звания лучшего вратаря сезона 1964 года.

Началось это в Житомире, где прыжки в высоту вдруг стали спортивной модой. Был среди увлекшихся прыжками и Виктор, наладчик местной обувной фабрики. Парню было тогда 20 лет, он учился в вечерней школе, был холост, распоряжался, как полноправный хозяин, своим собственным временем. И прыгал. Ему нравилось прыгать. Ему нравилось приводить в движение стальные пружины ног, они сжимались и разжимались, подбрасывая тело вверх. А уж там, наверху, надо было успеть сделать мгновенный рывок над планкой, чтобы обойти ее и, не коснувшись, перевалиться на другую сторону. Виктор прыгал хорошо. Но все-таки там, на высоте, над планкой, не все шло ладно. Его лучший результат, записанный в судейских протоколах,—190 сантиметров. На тренировках он прыгнул как-то 195, но проклятое круглое число в 200 сантиметров казалось непреодолимым.

И вот тогда-то друг Лева предложил Виктору поиграть в заводской футбольной команде. Виктор согласился. Он, как и другие житомирские ребята, много играл в баскетбол и был знаком с мячом. Виктор сразу

В. Банников в игре.

Фото А. Бочинина.

почувствовал себя в воротах настолько уверенно, что слух о заводском вратаре быстро дошел до местной житомирской команды мастеров «Полесье». Нет ни одной команды, которая не нуждалась бы во вратаре, либо основном, либо запасном. Вратарь — дефицитная футбольная специальность. Полевые игроки могут заменить друг друга. Вратаря может заменить только вратарь.

Виктору нравилось играть в воротах. Он взлетал за мячом, хватая его уверенной баскетбольной хваткой. Но очень скоро обнаружил, что одних прыжков и хватки мало. Каждая атака на ворота превращалась в поединок. Нападающие пускали в ход хитрость, ложные замахи, финты, резаные удары. Виктор был с ними знаком по баскетболу, но здесь они предстали перед ним в новом виде и в новом качестве.

О вратаре судят не по взятым мячам, а по пропущенным. В пропущенных всегда виноват вратарь. Когда у «Полесья» дела пошли не очень хорошо, Виктору предложили «подать в отставку». Он бесперспективен, решили руководители команды. Кто же в 20 лет начинает играть в футбол? И кому охота терять очки из-за бездарного вратаря?

Совершенно неожиданно огорченного Виктора пригласили в Чернигов играть за местную команду класса «Б» «Десну». То ли там было еще хуже с вратарями, то ли черниговский тренер подметил в Викторе его замечательную реакцию, так или иначе, но Банников переехал в Чернигов злой, разочарованный, обиженный, с твердым желанием заставить земляков пожалеть о себе. Вот тогда-то и начал Виктор тренироваться так, что все его тренеры только головой покачивали.

Житомирские коллеги нисколько о нем не жалели. Они посмеивались над черниговцами: «Он им там наиграет!» Виктору не пришлось долго играть в Чернигове. Наметанный глаз киевских тренеров заметил парня, и в 1961 году Виктора Банникова пригласили в киевское «Динамо».

Вот уже четыре года он играет в этой первоклассной команде, или, скажем точнее, состоит в ее списках. Виктор с гордостью и великими честолюбивыми надеждами приехал в Киев. Но радость его быстро погасла. В команде было тогда семь вратарей, в воротах блистал Олег Макаров, и Виктор понимал, что ему предстоит долгий и нелегкий путь.

Макаров щедро, от души учил молодого вратаря, понявшего вдруг, что ему, собственно, надо начинать все сначала, что у него нет еще настоящей вратарской школы, что он, в сущности, самоучка, может быть, и способный, но многого не знающий. Он понял, что еще не научился управлять ногами. Ему доставляло удовольствие бросаться на любой мяч, даже идущий мимо ворот. Трудно было избавиться от этого рефлекса, научиться верно предугадывать полет мяча, внести в свою игру трезвый расчет, отказаться от красивого эффекта.

Макаров научил его передвигаться в воротах. Шаг влево, шаг вправо... Зритель не видит этих шагов, составляющих, быть может, зерно вратарского искусства, внешнюю форму той интуиции, без которой нет мастерства. Раньше Банников рассчитывал только на свой мощный мгновенный толчок, на молниеносную реакцию. А теперь он стал учиться оценивать ход атаки, угадывать ее направление и готовиться к ней задолго до того, как сработает его сигнальная нервная система. Меньше эффекта, больше надежности!

И когда весной этого года молодой вратарь впервые попал в основной состав, он был уже зрелым мастером. Удача сопутствовала ему. С первых же игр, столь важных для вратаря, его дебютные ошибки, вызванные вполне естественной нервозностью, сошли благополучно для ворот, а потому и были прощены. А потом появилась уверенность, с нею улучшилась игра и повысился класс.

Безупречен ли Виктор Банников? Нет, конечно. Товарищи по команде могут насчитать на совести их вратаря по меньшей мере четыре очка. А сколько очков заработал их вратарь, спасая команду от проигрышей и ничьих?

Тот, кто видел Виктора Банникова в его лучших матчах, скажем, на Кубок СССР против «Спартака», не может не оценить его высоко. Но в первую очередь недоволен собой сам Виктор. Он хорошо понимает свои недостатки. Ему мешает старая баскетбольная привычка обязательно брать мяч намертво, а в ряде ситуаций у ворот это опасно, лучше отбить мяч кулаком в поле. Виктор великолепно играет на линии ворот, и здесь его реакция и прыгучесть великолепны, но он сравнительно редко прибегает к игре на выходах, как это делает Яшин. Но у Виктора Банникова ведь все впереди!

Говорю, как на исповеди: я человек объективный. Объективный вообще и как футбольный болельщик в частности. Моя несокрушимая любовь к родной команде — сама объективность: мои ребята всегда заслуженно побеждают, случайно играют вничью, а если уж терпят поражение, то исключительно благодаря козням футбольных арбитров.

Как только прозвучит первый пронзающий сердце футбольный свисток, я тут же у его владельца непроизвольно замечаю целый ряд чисто внешних изъянов. То он чересчур лыс, то, наоборот, неизъяснимо взлохмачен; то он высок и худ, как жердь, то кругл и толст до неправдоподобия; то он суетлив и охвачен непонятным оптимизмом на грани восторга, то неподвижен и лишен всякой жизнерадостности. И целых девяносто минут я нахожусь на трибуне в положении ваньки-встаньки, обреченный этими людьми на преждевременный инфаркт и бронхиальную астму.

Мой друг, болельщик команды, занявшей девятое место, рассказал мне поразительный случай: был удален с поля его любимейший игрок только за то, что он в порыве нежности вслух произнес слова, обращенные к судье: «Я вас люблю». Другой мой друг, приверженец команды, удостоенной бронзовых медалей, сообщил мне не менее невероятную вещь: игрок соперника сыграл рукой, и судья хладнокровно назначил пенальти в сторону не провинившегося, а пострадавшего, то есть его прославленной команды. А лично со мной и не то было: мой центр нападения с ходу пробивает мячом сетку ворот противника, судья гордо не засчитывает гол, невзирая на митинг, устроенный моей командой, и широкую брешь в сетке ворот противника!

Я призываю в свидетели небо и Федерацию футбола, проливаю свои самые искренние слезы и посыпаю голову белым пеплом сгоревших надежд. А Федерации хорошо: у нее есть закон о тотальном отклонении протестов команд и проклятий болельщиков.

Еще раз говорю: каждый болельщик объективен. Особенно по отношению к своей родной команде. Вот они выходят — одиннадцать парней во главе с лучшим из капитанов,— и у меня замирает сердце. Все они (в отличие от соперников) красивые и стройные. Вратарь смог бы украсить символическую сборную мира. Во время броска он запросто взлетает над верхней перекладиной. Защитники не уступают в прыгучести голкиперу. Полузащитники — это само мужество и воля. Я помню наизусть все голы, забитые правым крайним, и все веснушки на его носу. Я вижу во сне все тончайшие финты центрального нападающего моей команды; он мне снится с венчиком вокруг прекрасной головы. Если учесть штанги, сокрушенные его ударом, он станет лучшим бомбардиром всех времен и сезонов. А левый крайний — любимец трибун, покоритель мужественных сердец болельщиков. Он забивает мячи исключительно от углового флага. Я знаю каждого из них по походке и улыбке; знаю их родословную до пятого колена. И парни, против которых играют мои ребята, объективно мне кажутся бледными и незначительными.

Я не люблю пропуска в ложи. У моего товарища есть такой пропуск. Но мы гордо проходим на трибуны — в гущу народа. Мы считаем, что сидеть в ложе — даже прессы — это больше показывать себя, чем смотреть футбол. Футбол оттуда кажется препарированным, ненастоящим.

О, если б не судьи! И еще мне портят кровь комментаторы. Я подозреваю, что, кроме глубоко саркастического отношения к моей родной команде, они имеют что-то лично против меня. С каким нечеловеческим наслаждением они кричат в микрофон: «Гол!» — в момент, когда судья — это воплощение коварства и неправоты — лжелюбезным жестом приглашает моих ребят начинать игру с центра! Я не кричу на трибуне нехороших слов судье, потому что меня воспитала газета «Советский спорт» и приложение к ней — еженедельник «Футбол». Но у синего экрана я даю волю страстям. Я покушался на телевизор. Я много курил в комнате и громко уточнял отношения с мамой моей жены. У меня даже возникала чудовищная мысль бросить семью, которая недостаточно искренне разделяет мои футбольные чувства.

Во время ноябрьских матчей я простудил горло, ибо сидел на заснеженных трибунах. А теперь я должен сказать: «Прощай, футбол! Я буду смотреть хоккей и думать о тебе».

Анатолий ЗАЯЦ.

Юрий АРБАТ

Заповедник красоты

Есть путешествия, которые врезаются в память навсегда.

* * *

В полночь мы решили укладываться спать.

Лучи розового заката золотили острые верхушки елей на дальнем берегу Цильмы. Я знал: темнее не станет. За время короткого междузорья вокруг разливалась серебряная белесость. День лишь изменил оттенок: чуть потускнел и из сияющего стал матовым. В эту летнюю пору не дождешься настоящей ночи еще долго — месяца два, не меньше.

Мы расположились в просторной по северному обычаю двухэтажной избе председателя колхоза «Сила» Григория Ивановича Рочева. Я сорвал листок календаря: «20 июня».

Наутро мы увидели, что за окнами валит снег.

Что ж: мы не на Рице! Мы на берегу Цильмы, притока суровой Печоры, совсем недалеко от Северного полярного круга.

Какой это необычный, величественно красивый край, хранящий несметные богатства в недрах, лесах, реках, и какой труднодоступный! Давно стремились сюда люди, но природа заставляла переносить неслыханные лишения, отступать, выжидать, снова манила и снова наказывала, а порой и губила.

Первые сообщения о Печоре обнаружены в «Повести временных лет» за 1096 год. Новгородец Гюрята Рогович поведал потомкам, как послал отрока «в Печору» и как увидел тот «горы зайдуте в луку моря, им же высота акы до небес... Есть же путь до гор тех непроходим пропастьими, снегом и лесом».

Но ни пропасти, ни леса, ни снег не остановили смелых людей. В середине XVI века новгородец Ивашка Дмитриев по прозвищу Ластка подал Ивану Грозному челобитную, прося отдать ему на оброк нижнюю Печору с притоками Цильмой, Пижмой и Ижмой. Царь такое разрешение дал, и Ивашка поставил первую избу в деревне, которую стали звать Усть-Цильма.

Это история. А что теперь на Печоре, Пижме и Усть-Цильме?

Сейчас здесь дети, как и всюду в нашей стране, учатся в школах, существуют колхозы, фабрики и заводы, идет валка и сплав леса, ловля семги, ходят пароходы, проведена железная дорога, летают самолеты.

Но старый русский северный характер чувствуется и в быту и во многом другом. Печорский край даже по северным меркам — место своеобычное, удивительное. Это подлинный заповедник красоты — красивой природы, красивых традиционных деревянных построек и красивых русских песен.

...Все село празднично кипело: уже несколько дней по радио передавали, что состоится районный фестиваль песни и танца. В Усть-Цильму съехались из колхозов Замежной, Загривочной, Скитской, Трусова, из совхоза «Новый бор», опытной станции, Замшевого завода, пристани и аэродрома лучшие певуны и танцоры.

Это ли не повод не только местным красавицам, но и солидным женщинам почтенных лет показать свои знаменитые усть-цилемские наряды!

Вот стоит одна певунья — я узнал, что зовут ее Федосья Ивановна Чупрова и приехала она с реки Пижмы, из деревни Загривочной. Чупрова в сборчатой зеленой юбке и красной кофте с горящими золотом парчовыми наплечниками. Юбка подоткнута высоко, и стан стянут широким златотканым поясом. На голове поверх кокошника (о нем мы и вспоминаем-то только, читая «Князя Серебряного» или «Песню про купца Калашникова») несколько платков, а самый верхний — чердынский, атласный. Рукава на кофте и парчовый ворот — борок застегнуты золотыми запонками — пуговицами со старинной сканью — напаянными узорами из тончайшей витой серебряной позолоченной проволоки. На шее у Федосьи Ивановны сверкающие под лучами солнца золотые цепочки.

А рядом с Федосьей Ивановной другие женщины, которые могут поспорить с ней и в богатстве наряда, и во вкусе, и в пышности украшения. Она мастер-сыродел из Загривочной, жена председателя передового колхоза «Заря». Соседки ее — бригадиры, знатные доярки, счетоводы, библиотекари. Старинные обычаи уравняли их в характере одежды, и соревнование идет чисто женское: какая рукодельница помастеровитей.

Я попал и в Загривочную, и пришлось это, на мое счастье, под воскресенье. Вечером предстояла «горка» — сохранившиеся до наших дней обрядовые хороводные танцы с пением.

От одной группы к другой ходит Михаил Иванович Поташев, вместе с колхозной работой выполняющий обязанности заведующего клубом. Вот он пошептался с женщинами, и раздалось протяжное северное пение:

Щой-то тоненьким-тонкѝм
По еловоньким гибкѝм
Проступилась, промахнулась
Красна девица-душа!..

Пели сильно, дружно, видно, спелись уже давным-давно. Любимую мелодию вели самые звонкоголосые. Солидно, басами, выполняли партию мужчины. Они начали ее, еще стоя вдалеке, и так с песней неторопливо и шли к женской группе.

Потом затянули особую, «горочную» песню, когда располагаются в два ряда лицом друг к другу.

Я то ли по реченьке потеку,
Я то ли ко бабушке забегу...

Женщины шли парами, собирались отдельно, выстраивались в ряд, а мужчины становились против них, и пение продолжалось.

В одной «горочной» песне женщины смеялись над женихом, который «спереди не красовитой», и «сзади не становитой» (неуклюжий), и «с боков не постовитой» (не статный). Другая посвящена льну.

Песен в запасе у жителей Загривочной оказалось много: тут и обычные «горочные», и «игришечные», и свадебные припевки, теперь уже почти забытые, а ведь некогда на вечорках при свете керосиновых ламп «припевали» жениха с невестой. Никто из местных грамотеев эти песни не записывал, их помнят с детства. «Становят горки» весной, в июне, после того, как отсеют ячмень и до сенокоса образуются незанятые дни.

Долго с гривы разносится окрест протяжное пение.

* * *

Раньше плыли по Пижме, тянули бечевой лодку по нескольку суток. Сейчас новое средство сообщения — самолет всем кажется не в пример соблазнительней. На металлических скамейках сидят древние старухи. Они так свыклись с самолетом, что часто из самых отдаленных деревень летают в Усть-Цильму к родственникам на гостеванье.

Скитская — деревня особенная, историческая.

Страшные события разыгрались в этом месте.

В 1743 году один из местных жителей, Артемий Ванюков, чье имя многими поколениями печорцев и мезенцев произносилось с проклятиями, из-за мелкой обиды донес архангельскому архиепископу Варсонофию, что в лесных скитах скрывается много людей, которые «на дальнем расстоянии от мирских жителей находятся якобы для промыслу», «притом оленей содержат», а на самом деле это раскольники.

В полночь 7 декабря 1743 года, когда часть архангельского отряда подошла к селению, носившему имя Великопоженского общежития, в избах не оказалось ни души, часть жителей разбежалась, а оставшиеся от мала до велика набились в высокую бревенчатую часовню, подпалили бересту и, как свидетельствует один документ того времени, «зажегсись собою, згорели, всего мужеска и женска пола с малолетними детьми семьдесять пять человек».

В Скитском живут потомки уцелевших обитателей Великопоженского общежития. Здесь колхозная бригада, школа. По всеобщему признанию, скитские на редкость хорошо поют народные песни.

На деревянной ноге, опершись локтями о городьбу, стоял и, добро улыбаясь, смотрел на приезжих Давыд Нилович Антонов.

— Я разве пою? — говорит он, окая.— Так, подпеваю. А вот какие песни певал брат мой, его голос даже машинкой записали, в Ленинград увезли. Сейчас бабы наши петь мастерицы,— кивнул он на проходящих мимо двух колхозниц.

Мы зашли в избу одной из женщин — Агафьи Мамонтовны Антоновой. За стол к самовару, который славно посвистывал, села подруга хозяйки — лучшая песенница Федосья Федотовна Асташева.

— Про Стеньку? — не то спросила, не то предложила она и уверенно затянула:

Вы вставайте-ко, братцы,
По утру вставайте ранѐнько...

Другие две женщины подхватили вместе с Мамонтовной и Давыдом Ниловичем:

Эх, умывайтесь-ко, братцы,
утренней росою...
Эх, обтирайтесь-ко, братцы,
тонким белым полотенцем.

Ведущими стали Федотовна с Мамонтовной. Первая «зачинала». Хозяйка, Мамонтовна, сразу подхватывала голосом сильным и красивым. Давыд Нилович подтягивал, с особым ухарством вставляя в начале стиха лихое «и-э-эх».

Концы песенных строк тянули долго, и звук затухал и гас. Лица у всех торжественны и застывше-неподвижны: так следует по обычаю.

Женщины пели еще «Размолоденький мальчишка», «Хорош мальчик уродился», у которого «на лиценьке белый снег, на щеночке алый цвет», и другие, веселые, «гульбишные».

Веками хранили люди песни, передавая из поколения в поколение. Назовите это как хотите: песенная традиция, устная литература, фольклор, стремление народа к красоте. И достойно глубокой благодарности то, что делают Ленинградский Пушкинский дом и Институт этнографии Академии наук СССР, посылая сюда экспедиции и отдельных ученых для записи народных песен и мелодий. В этом — осуществление одного из ленинских указаний. Известно, Ленин говорил о составителе книги причитаний Северного края, что он сделал хорошее дело, собрав и записав все это. Другой книгой — «Завоенные плачи» — Владимир Ильич, по его собственным словам, увлекся... и стал отчеркивать особо интересные тексты.

ЭТО ТРИУМФ!

Грандиозный успех Большого театра в Милане

Тоти даль Монте и директор Большого театра Михаил Чулаки.

Дирекция миланского театра обставила открытие гастролей своих московских друзей очень торжественно и трогательно. Все шесть ярусов, вмещающие три тысячи зрителей, украшены огромными букетами-гирляндами из больших бело-розовых махровых гвоздик. 16 тысяч гвоздик пошло на украшение.

В зале «Скалы» — крупнейшие итальянские критики, много артистов, любителей пения, не только миланцев, но и гостей из других городов Италии и соседних стран. У самой сцены в ложе Тосканини дочь гениального дирижера — Валли Тосканини и всемирно известная певица Тоти даль Монте.

Повсюду за кулисами царило волнение. Волновались артисты, директор Большого театра Михаил Чулаки, дирижер Евгений Светланов. Волновался и директор «Ла Скала» Антонио Гирингелли и главный художник Николай Бенуа.

Начинается спектакль. Настороженность зрителей пока не исчезает. Но уже первый монолог Бориса, «Скорбит душа», встречается аплодисментами. Спектакль завершается овацией. Публика не отпускает артистов. Букеты летят на сцену.

В восторге от «Бориса Годунова» и знаменитая певица Тоти даль Монте.

— Превосходный спектакль, блестящая постановка, великолепны актеры и хоры, замечательно пел Иван Петров царя Бориса. Очень понравились Авдеева, Решетин, Масленников,— говорит она мне.— Вы видите, как принимает спектакль миланская публика! Это небывалый успех!

— Грандиозно! Большой завоевал весь Милан! — восклицает Валли Тосканини.

О первом же спектакле в газетах огромные статьи.

Отмечаются удивительные вокальные данные Петрова, его игра, полная драматизма. Другим исполнителем, «который заслужил наши наивысшие оценки», писала «Коррьере делла сера», является хор Большого театра.

На другой день шла «Пиковая дама». Эта опера дважды ставилась в Италии, в 1906 и 1961 годах, и не имела успеха. А теперь режиссер Борис Покровский, дирижер Константин Симеонов и художник Владимир Дмитриев со всей труппой Большого театра одержали большую победу. Успех нарастал от картины к картине. Огромное впечатление произвела Галина Вишневская — Лиза. Весь спектакль шел под бурные аплодисменты. Большой успех имели Зураб Анджапаридзе, Ирина Архипова, Валентина Левко...

Прекрасно прошли и три остальных спектакля: «Князь Игорь», «Война и мир», «Садко».

Колоссальный успех имели симфонические концерты оркестра Большого театра под управлением Е. Светланова, концерт Ансамбля скрипачей, руководимого Ю. Реентовичем, и выступления солистов.

Наши артисты дали бесплатные концерты для рабочих фабрики «Редаэли», работников трамвая и метро, для членов общества «Италия — СССР». Многие спектакли передавались по радио и телевидению, их слушали и видели в Европе.

Гастроли Большого театра прошли с небывалым, поистине грандиозным успехом. Овации по 10—12 минут продолжались после каждого спектакля. Для Милана это небывало. Это триумф!

Мих. ДОЛГОПОЛОВ

Милан — Москва.

Ивану Петрову аплодирует Милан.

Исполнители «Пиковой дамы»: Галина Вишневская — Лиза, Зураб Анджапаридзе — Герман, Ирина Архипова — Полина.

* * *

В книге известного собирателя старинных печорских книг, ленинградского ученого В. И. Малышева, говорится, что в селе Замежном на Пижме некогда жил Кирилл Кирикович Чуркин, славившийся рисованием миниатюр и настенных листов.

Я отправился в Замежное, размышляя о том, что ведь народное изобразительное искусство может проявиться не только в иллюстрировании и украшении старообрядческих книг, а как-то и по-другому.

Даже если бы я ничего не нашел в Замежном, ради красоты пути стоило туда добираться.

Путь лежал рекой Пижмой.

Считается, что от села Степановского до Замежного двадцать километров. Река эта поскуднее водой, чем Цильма, но красоты невиданной.

Плыли мы ранним утром, когда солнце светило сбоку и лучи пронизывали красноватую прозрачную воду до усеянного валунами дна. Несколько раз днище лодки скребло по камням, хотя про степановского колхозного моториста Василия Софроновича Чуркина односельчане почтительно говорили, что реку он знает и слушается его любой мотор, даже и без главных частей.

На двадцати километрах пути оказалось двадцать пять порогов: открытых, бурлящих, тихо шепчущих, а то молчаливых, предательски скрытых под водой.

Замежное порадовало меня открытием. Получилось так, как я и рассчитал: не только в книжных украшениях проявило себя изобразительное народное искусство. Ни в одном музее я не видел удивительных по красоте здешних расписных деревянных ложек. Куда до них известным хохломским! Красно-черные узоры будто взяты с древнерусских рукописных заставок и буквиц: четырехугольники и ромбики, а по углам петельки, двухцветный орнамент внутри, черточки и точки на черенке, красный ободок. Стоит поднести ложки к огню — и они просвечивают, будто отлитые из воска.

И вот я на родине этого необычного бытового искусства.

— Откуда повелось наше дело?—переспрашивает старый мастер Павел Антонович Мяндин, седобородый, медлительный, ласковый и весь какой-то удивительно добрый и уютный человек.— С отцов-дедов и режем и пишем. Как Усть-Цильма основалась, так и Замежное возникло. А ложки стали не сразу делать: лет сто назад, может, чуть больше. Это коренной промысел считался в нашей деревне — по семнадцать тысяч штук в год, не упомню уж кто подсчитывал, а это точно. В прежние времена старались сколотить лишнюю копейку. А теперь уж по привычке. Да и красоты ради.

Кроме Павла Антоновича Мяндина, режут и красиво расписывают ложки Тимофей Васильевич Торопов и Семен Саввич Чупров. А раньше особенно славился Федот Осипович Аншуков из Скитской. О них нет ни слова ни в одной книге, ни в одной статье.

Архаичность ложкарей да и живописных женских нарядов особенно отчетливо ощущаешь рядом с современностью.

В одном из пижменских сел — Рочеве — увидел я девушку в красочном местном наряде—юбке со сборками, кружевами и лентами, шелковой красной кофте с золотыми парчовыми «ластовицами», с бусами и золотыми пуговицами. Мы разговорились—и я узнал, что это знатная доярка из местного колхоза «Цилемский» Ирина Григорьевна Рочева.

Я зашел к ней в домик с ослепительно белой печкой и красным подпечьем, послушал, как радио передает из Москвы «Пиковую даму», и разговорился о делах. Меня интересовали ее общественные дела. И снова оказалось, что красота народного искусства, традиционная одежда, исторические песни и «горки», которые здесь так же любимы, как в Усть-Цильме или Загривочной,—все это ничуть не мешает утверждению нового.

Ирина рассказала, что, когда ее избирали депутатом Верховного Совета Коми АССР, избиратели давали наказ построить в Рочеве электростанцию. Потом еще просили колхозники, чтобы у Карпушевки останавливался печорский пароход. Все это уже сделано. Поведала мне Ирина Рочева и о большом, всенародном наказе — о гигантском строительстве на Печоре: о повороте северных рек на юг, чтобы вóды Печоры текли не только в Карское море, а и в Каму и Волгу, в Каспийское море...

Те, кто поедет или полетит на Печору через несколько лет, увидят и хороводы и «горки» в Замежной и других деревнях. Но они услышат уже скитские песни не только о Стеньке Разине, но и о могучем строительстве у великого поворота.

Фельетон

К. ОБОЛЕНСКИЙ

Рисунки В. Черникова.

ОПЕРАЦИЯ „ДЕГОТЬ"

Кражи бывают разные. С применением технических средств и без оных, по предварительному сговору с другими лицами и в порядке сугубо индивидуальном. Но все эти термины криминалистики предусматривают хищения вполне реальных предметов. А вот как быть, когда украдены не дамская сумочка и не половина плодоовощной базы, а нечто неосязаемое?

Представьте себе, что у вас украли покой и радость. Простую человеческую радость от ясного неба, встречи с любимым, сданных зачетов, удачной работы. Да разве мало оснований для веселого настроения! А у вас его похитили. Средь бела дня, при всем честном народе. Что тогда делать? Тут ведь и органы милиции задумаются,— ни собаку по следу не пустишь, ни обыск не сделаешь!

Самое страшное, что похититель прекрасно это знает. Совершив такое преступление, он ехидно хихикает, потирает руки, а при желании может даже высунуть язык и сказать:

— Нате! Ничего вы мне не сделаете!

Примерно так рассуждал Г. О. Прокопцев, начиная свой рабочий день. Правда, «рабочим» его можно назвать условно. С 1947 года Прокопцев, полковник в отставке, на работу не ходит. Однако с утра хлопот у него, как говорится, полон рот.

— Доложите обстановку,— приказывает он своим домочадцам, потягиваясь под одеялом.

— Да чего уж тут докладывать,— скорбно вздыхает жена.— Сплошные потери. Тамара Крепкая у себя наверху опять дверью хлопнула, Малькова свое дите в коляске на балкон выставила, а Струйкин и вовсе комендантский час в квартире нарушил: без четверти десять снял одеяло с телефона и кому-то позвонил.

— Пижаму!..— зычно командует полковник в отставке.

С незапамятных времен в одной из квартир дома № ½ по Волочаевской улице создалась обстановка, напоминающая по своей напряженности прифронтовую полосу. Возвратясь после войны в Москву, Прокопцев ввел у себя по месту жительства нечто вроде осадного положения. Всякие именины жильцов отменялись начисто. Телефоном разрешалось пользоваться только с десяти часов утра. Чтобы не смог кто-либо прорваться и побеспокоить звонком, аппарат с вечера укутывался в стеганое одеяло. Радио соседи могли слушать только в сокращенном виде, уменьшенном до шепота. Стирать в ванной — исключительно по разрешению полковника, пользоваться кухней в том случае, когда там не готовит семья Прокопцева.

— Эти еще держатся,— бормочет Прокопцев, усаживаясь за стол.— Значит, я недостаточно активно действовал. Придется операцию продолжить! Сделаем так: о Малькове напишу в партийную организацию, на работу Струйкина позвоню по телефону, а к Крепкой в институт появлюсь сам. Представлюсь как друг покойного отца.

Не так уж трудно отравить жизнь окружающим. В сферу боевых действий неутомимого Прокопцева попали не только живущие в одной квартире, но и соседи по дому, а затем огонь был перенесен даже на следующий этаж. Наступательный порыв достиг своего апогея. Натура склочника развернулась во всей красе. Прокопцев, замаскировавшись досками на балконе, подслушивал, что делается в соседней квартире. Он подсматривал, кто ходит к живущим на следующем этаже. Он врывался в чужую комнату и выключал радио, в ванной перекрывал газ, когда там мылась соседка. Спровоцировав скандал, Прокопцев тут же бежал с жалобами к управдомам, в милицию, строчил заявления на работу соседей. Если не знал адреса, крадучись по пятам выслеживал, как шпик.

Жильцы квартиры были терроризированы вконец. Чувствуя, что от такой жизни можно сойти с ума, Растопшин с женой съехал с квартиры. Сменившая их семья Магунько мучилась несколько лет, пока однажды жена твердо не заявила мужу:

— Если не уедем от Прокопцевых, повешусь!

Из хорошей комнаты на втором этаже Магунько перебрались на пятый этаж. Пусть высоко и меньше площадь, но зато нет рядом Прокопцева!

Новая соседка В. И. Пахарькова выдержала только три месяца. Дольше всех держал оборону майор запаса П. И. Струйкин. Да и то с тяжелыми потерями сил, нервов и времени для объяснений после очередных кляуз Прокопцева. Приедут гости — тут же с проверкой документов является милиция. Направляется Струйкин в командировку — следом летит злопыхательское заявление. Не выдержал майор запаса, отступил в соседнюю квартиру.

Но и там не оставил его Прокопцев в покое. С соблюдением всех правил конспирации выследил, узнал адрес работы и тут же настрочил на Струйкина жалобу.

Не спасали жильцов даже капитальные стены. Вывезет лейтенант Мальков дочку в коляске на балкон, а Прокопцев уже колотит палкой по перилам и визжит:

— Заберите ребенка, меня нервирует его писк!

Защитил Мальков диплом. Собрал трех друзей, посидели, спели песню, а утром мать военнослужащего давала объяснения у коменданта города по поводу «пьяных оргий» своего сына.

Живущие этажом выше чувствовали себя словно на минном поле. Замучил, затаскал Прокопцев по всяким комиссиям семьи Немовых и Мовшович. Не вынесли они — в полном беспорядке отошли в другие квартиры. Но особенно до-

сталось студентке Тамаре Крепкой.

— Меня как родственника волнует ее моральный облик,— бубнил Прокопцев в институте, где училась Тамара.

И далее каждый раз следовал такой сгусток черноты, такой ушат грязи, что у руководителей института шевелились волосы на голове. Посылали представителей, тщательно проверяли. Ничего не подтверждалось.

— Ладно,— многозначительно пообещал Прокопцев.— Подключим и печать. На днях будет фельетон «Мошенники и покровители»!

Началась паника. Коменданты и управляющие домами, завидя Прокопцева, шныряли в первую попавшуюся подворотню. Жильцы ходили на цыпочках, боясь быть втянутыми в очередной скандал.

Попробовал было В. Н. Соловьев, председатель комитета содействия при райвоенкомате, покритиковать Прокопцева на собрании, так ретивый кляузник взвился на дыбы:

— Ошельмовали!

И тут же настрочил на В. Н. Соловьева жалобу. На заседании комиссии, где разбиралась стряпня Прокопцева, тучи над его головой сгустились. Пятнадцать человек в один голос сказали:

— Склочник и клеветник.

Однако ни грома, ни молнии из туч не последовало. Решение было принято весьма расплывчатое:

«...в случае подтверждения фактов клеветы и склок ходатайствовать о лишении его ношения военной формы».

— Нате, выкусите!— хихикал Прокопцев.— Пока подтвердится, мы еще повоюем. Операция продолжается. Сегодня направляем сигналы на...

Четыре семьи, доведенные до исступления, обратились в общественные организации дома:

— Спасите от Прокопцева.

— Да, нападение — лучший вид обороны,— замечает прокурор.

— А как же,— не понимая иронии, подхватывает Прокопцев.— И чтобы нападение было успешным, надо создать дымовую завесу.

— Откровеннее не скажешь!— не выдерживает А. И. Долгова.

— Ах так!— поняв истинный смысл разговора, спохватывается Прокопцев.— Заявляю вам отвод!— И немедленно настрочил жалобу на прокурора.

Мы беседуем с ним тоже не один час. Называем фамилии соседей, а ответ:

— Пьяница!.. Морально разложившаяся личность! Аферистка...

Поистине у злой Натальи все люди канальи!

— В вашем заявлении на одну из соседок написано: «К ней приходит вечером кто-то и дает условный звонок — один длинный и два коротких». Как же вы слышите? Ведь это на другом этаже!

— Приходится напрягать слух,— говорит Прокопцев.— Вы понимаете, шаги мужские. И ночью от нее посетитель не уходит. Слушаю лично сам.

Да, тяжела доля склочника! Покарауль-ка ночами да установи, кто от кого когда уходит! А если у караульщика еще болезненное воображение? Бр-р-р-р!

Однако шутки в сторону. Живут рядом с Прокопцевым, встречаются с ним в райвоенкомате боевые офицеры, которых в недостатке храбрости никак не упрекнешь. Прекрасно зная, что за личность Прокопцев, они заняли пассивную оборону. А он? Он гуляет по их тылам, размахивая, как шашкой, очередной кляузой. По сей день он проводит свои планомерные операции клеветы и склоки. Против своих же бывших соратников, против вдов погибших офицеров, против честных людей. Тысячи часов

Тогда Прокопцев побежал с заявлением в районную прокуратуру:

— Привлекайте к уголовной ответственности клеветников, мошенников, спекулянтов жилплощадью.

Тщательно проверив каждый факт, помощник прокурора тов. Юдович отказал в возбуждении дела.

— Ничего, мы зайдем, с фланга,— потер руки Прокопцев. И тут же настрочил жалобу на помощника прокурора в городскую прокуратуру.

...Мы в кабинете одного из отделов прокуратуры города. Прокурор А. И. Долгова четвертый час терпеливо выслушивает пространные рассуждения кляузника.

тратятся на разбор его «сигналов», написанных густым дегтем и едкой слюной. Не надо забывать, что Прокопцев куда опаснее какой-нибудь склочной домохозяйки. На нем погоны старшего офицера. Не случайно он всюду появляется только в форме и со всеми регалиями. Как же не прислушаться к его мнению? И прислушиваются (довольно долго). И проверяют (тоже долго). А каково жертвам кляуз?

Мы с очень большим уважением относимся к военной форме и не имеем права допускать, чтобы ее пятнали. Снять ее надо с Прокопцева и привлечь его к ответственности. Клеветник и кляузник должен быть наказан сполна.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОКАЛЕЙДОСКОП

1—2.

«Рокко и его братья» — фильм известного итальянского режиссера Лукино Висконти хорошо знают советские зрители.

Во время работы над картиной французская киноактриса Анни Жирардо, игравшая Надю, и итальянский актер Ренато Сальваторе (Симоне) стали мужем и женой. Сейчас они снова снимаются в одном фильме. Эту картину ставит итальянский режиссер Валерио Дзурлини. События происходят в Австрии в годы войны.

3.

В американском фильме «Война и мир» роль князя Андрея Болконского играл актер Мел Феррер. Недавно наши зрители вновь встретились с ним во французском фильме «Дьявол и 10 заповедей». Новая работа актера — роль Эль Греко в фильме, посвященном жизни и творчеству выдающегося художника.

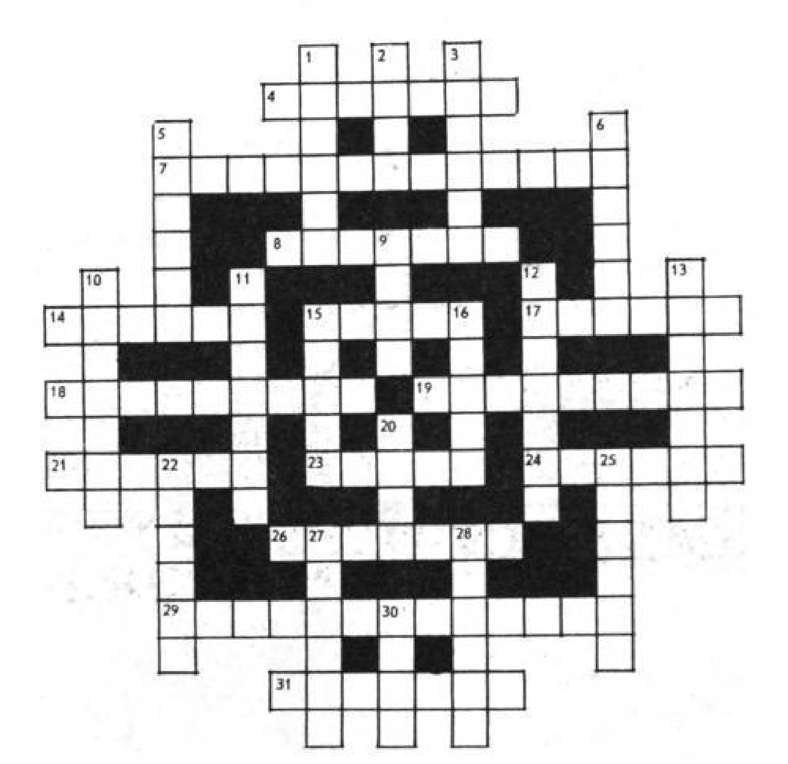
На снимке: Мел Феррер и Одри Хепберн.

4.

Александр Форд — польский кинорежиссер, постановщик картин «Пятеро с улицы Барской», «Крестоносцы», хорошо известен в нашей стране. Его новая работа — фильм «Первый день свободы», экранизация пьесы Леона Кручковского. Одну из главных ролей в этой картине сыграла популярная польская актриса Беата Тышкевич.

5.

«Визит старой дамы». Эту пьесу современного швейцарского драматурга Фридриха Дюрренматта недавно в ФРГ экранизировал режиссер Бернгард Викки. По мнению прогрессивной критики многих стран, фильм, несмотря на участие таких актеров, как Ингрид Бергман и Энтони Квин, оказался слабее пьесы: в нем отсутствует элемент социальной критики.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Областной центр в РСФСР. 7. Наука о жизни в воде. 8. Украинский народный инструмент. 14. Автор повести «Молох». 15. Один из крайних пунктов или объектов, противоположных друг другу. 17. Руководитель высшего учебного заведения. 18. Колотые камни из горных пород. 19. Казахский просветитель, историк и этнограф. 21. Командир несамоходного речного судна. 23. Танец. 24. Ряд одинаковых арок, опирающихся на столбы или колонны. 26. Картина М. Б. Грекова. 29. Литовский советский писатель. 31. Глубокая вспашка.

По вертикали:

1. Река в Европейской части СССР. 2. Курорт на берегу Черного моря. 3. Мелкая разменная монета ЧССР. 5. Порт в Марокко. 6. Птица семейства тетеревиных. 9. Штат в Индии. 10. Заголовок раздела, главы. 11. Пушной зверек. 12. Музей в Ленинграде. 13. Углубление между грядами. 15. Конверт с письмом официального назначения. 16. Группа животных. 20. Приток Волги. 22. Южное дерево. 25. Рыба семейства карповых. 27. Спутник Урана. 28. Стихотворение А. С. Пушкина. 30. Русский юрист и общественный деятель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

7. «Турандот». 8. Батюшков. 9. Метр. 10. Алеш. 11. Протоплазма. 14. Вискоза. 15. Находка. 16. Дисна. 18. «Предложение». 20. Навес. 22. Бульвар. 24. Студент. 25. Контрамарка. 26. Лифт. 28. Дюма. 29. Гарнитур. 30. Эндшпиль.

По вертикали:

1. Гуменник. 2. Шадр. 3. Долгота. 4. Рагозин. 5. Ушба. 6. Фонетика. 11 Прокопьевск. 12. Простокваша. 13. Архитектура. 16. Дадон. 17. Аверс. 19. Дубликат. 21. Ансамбль. 23. Рангоут. 24. Сервант. 27. Тана. 28. Депо.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление **Е. КАЗАКОВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00802. Подписано к печати 25/XI 1964 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 882 500. Изд. № 2075. Заказ № 3185.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЕЩЕ РАЗ О ПОДПИСКЕ

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Я просила оформить мне подписку на «Огонек» на 3 месяца 1965 года. Журнал мы выписываем уже 6 лет подряд, и я никогда раньше не подписывалась на 3 месяца, а сейчас так сложились обстоятельства, что не могу иначе.

Начальник нашего почтового отделения не хотел производить подписку на 3 месяца, а самое меньшее на 6 месяцев.

Я ему напомнила, что в «Огоньке» № 45 указано, что сейчас нет лимита и подписка принимается на любые сроки. Тогда он меня заверил, что эта подписка не будет принята и чтобы я не предъявляла к нему претензий, так как точно знает, что деньги будут возвращены. Я очень обеспокоена.

Прошу обеспечить меня подпиской.

15 ноября.

Пенсионерка БАКУЛЬ Т. Н.

Черкасская обл., Христиновский р-н, Цыбулев-1.

К МИНИСТЕРСТВУ СВЯЗИ СССР

Несмотря на неоднократные разъяснения о новом порядке оформления подписки на 1965 год, кое-где находятся работники, грубо нарушающие этот порядок. Редакция просит Министерство связи СССР принять необходимые меры для упорядочения подписки на местах.

■

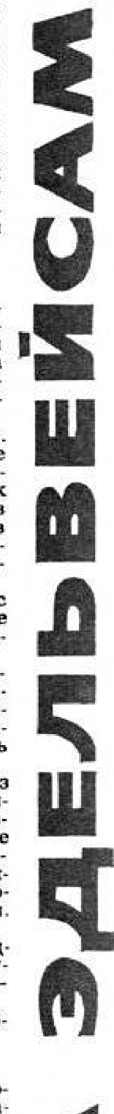
На первой странице обложки: В спектрографической лаборатории Долгопрудненского экспериментального завода красителей. Лаборантка Лидия Шулико за работой.

Фото С. Кропивницкого.

На последней странице обложки: Охотники в сибирской тайге.

Фото М. Савина.

■

Из австрийского альбома Александра ЖИТОМИРСКОГО

Художник — посол дружбы. Карандаш и альбом сближают его с людьми.

В Австрии в прошлом году побывали 14 миллионов туристов. Это в два раза больше, чем все ее население. Казалось бы, на туристов никто уже не обращает внимания. Однако, когда ты рисуешь и австрийцы узнают, что ты из Москвы, возникает дружелюбный интерес. Добрая половина туристов здесь из ФРГ, в Зальцбурге даже цены указаны в шиллингах и немецких марках. ФРГ наводняет Австрию иллюстрированными и литературными журналами, проникнутыми духом реванша и неофашизма.

* * *

Красивая Австрия. Прекрасные средневековые храмы и замки выгодно контрастируют со зданиями и памятниками эпохи Франца-Иосифа, похожими на торты. Барокко и готика, а рядом робкие попытки в области современной архитектуры.

Отличная бетонная трасса — автобан. Мосты над головой. Кругом поля, желтые и зеленые. На огромной скорости несется поток автотуристов; мимо гор, горных рек, через деревни, где дома утопают в цветах (половина из них превращена в пансионы), через старинные очаровательные городки с узкими улицами и бесконечными магазинами сувениров.

Мы в горах. Большие синие озера с веселыми курортами на берегах. Белые лебеди, яхты, загорелые тела, лиловато-серые скалы.

Вот и Тироль. Необыкновенные деревни, окаймленные террасами, ярко раскрашенные дома с колоколами на крышах. На скалах антитальянские лозунги: «Свободу южному Тиролю!», «Тироль не будет колонией» и другие.

Из Инсбрука 10 часов в автобусе через Альпы. Снежные вершины, ледники, внизу облака. Дорога трудная. Вот одна разбитая машина, вот другая. На перевале Пак, у высокой снежной вершины Гроссглокнер, в трактире официант — коллекционер значков в благодарность за советские значки подарил нам эдельвейсы. Вечные белые звезды.

Внизу мы ночевали в старинном городке. На улицах большие цветущие кактусы. В двенадцати километрах отсюда — Италия.

Вена, Линц, Зальцбург, Инсбрук — много впечатлений, много встреч.

* * *

Доктор Фолер — альпинист, искусствовед, участник Сопротивления, антифашист. Он влюбленно показывал нам Зальцбург и рассказывал о Моцарте. А вечером повез ужинать на гору Гейсберг. Нас встретили хозяева трактира Франц и Анна с двумя сенбернарами. Когда я увидел на стене трактира заботливо вставленное в рамку приветствие советских туристов, я понял, что нахожусь у друзей.

Это был прекрасный вечер австро-советской дружбы. Здесь люди помнят, что для них сделал Советский Союз, помнят, как много наших солдат погибло, освобождая Австрию от германского фашизма.

Фельдшер Франц Штейнрудер с сыном и другом на цитре и двух гитарах играли тирольские песни. Было сказано много хороших, дружеских слов...

А вот другая встреча. Советских журналистов принимало издательство «Форвертс». Они издают «AZ» — «Рабочую газету» социал-демократического толка. Директор издательства, развязный и болтливый человек, нарисовал предельно розовыми красками быт австрийского рабочего. Просто рай земной.

Узнав, что я художник, он подарил мне книгу карикатур, напечатанных в их газете.

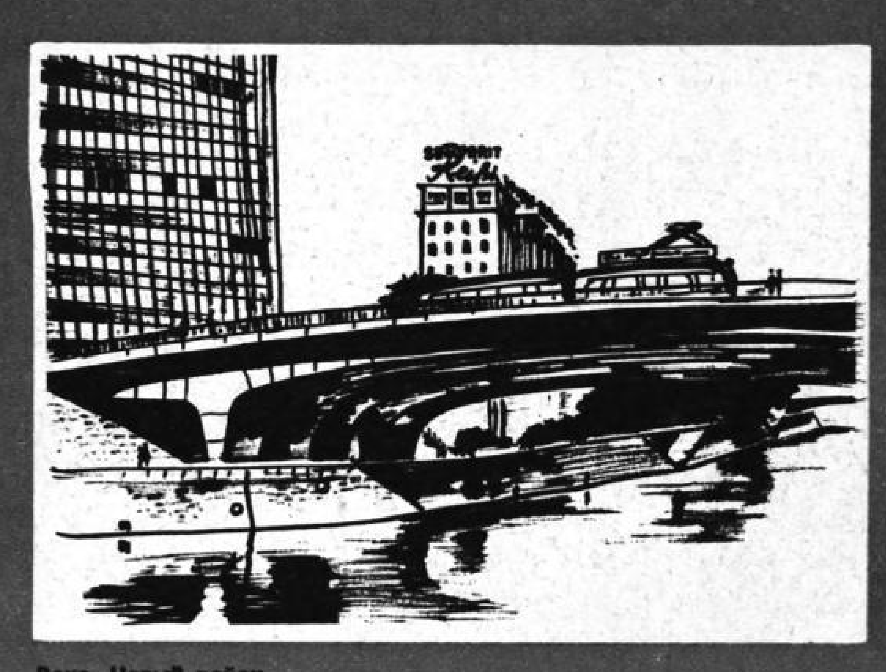
Утром в гостинице я раскрыл книгу, примерно четвертая часть карикатур — антисоветские. Этим они пичкают рабочих!

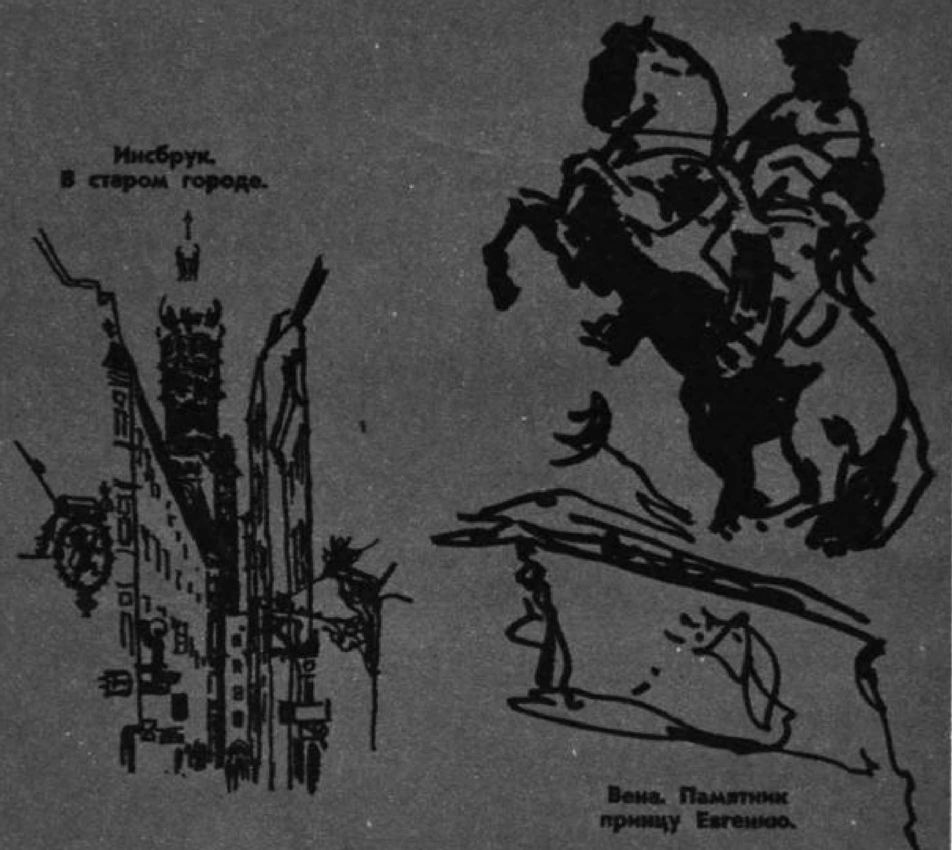
Я попросил нашего гида вернуть книгу директору «Форвертса» и посоветовать не делать таких подарков советским художникам.

* * *

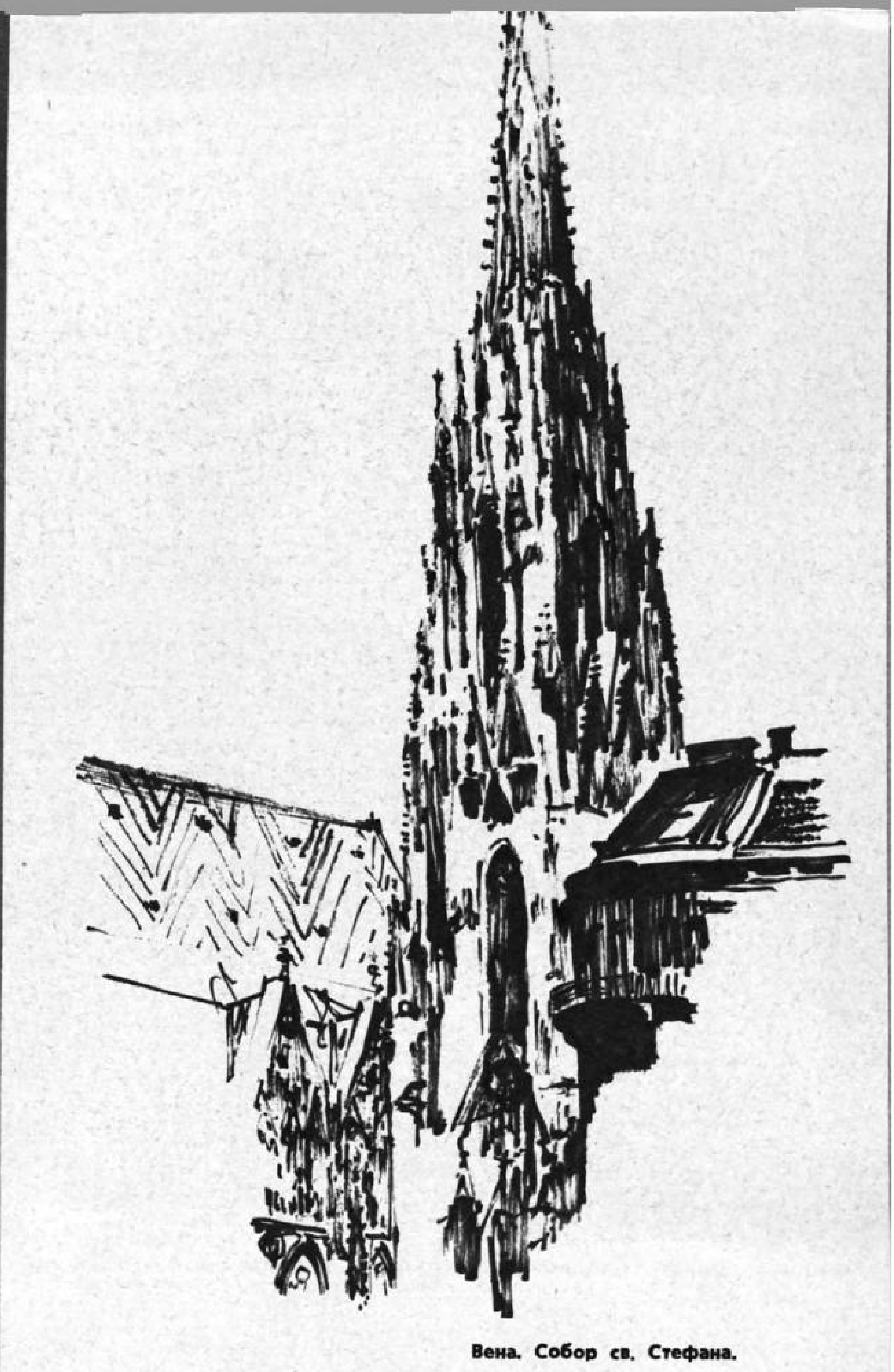
И еще одна встреча: она произошла на солнечном берегу озера Гмунден, в курортном городке.

На скамье сидя спала бедно одетая женщина с измученным, худым лицом. Я стал рисовать ее. Она проснулась, и мы разговорились. Ее все интересовало о Москве но больше всего волновал вопрос: «Неужели в СССР нет безработных?»

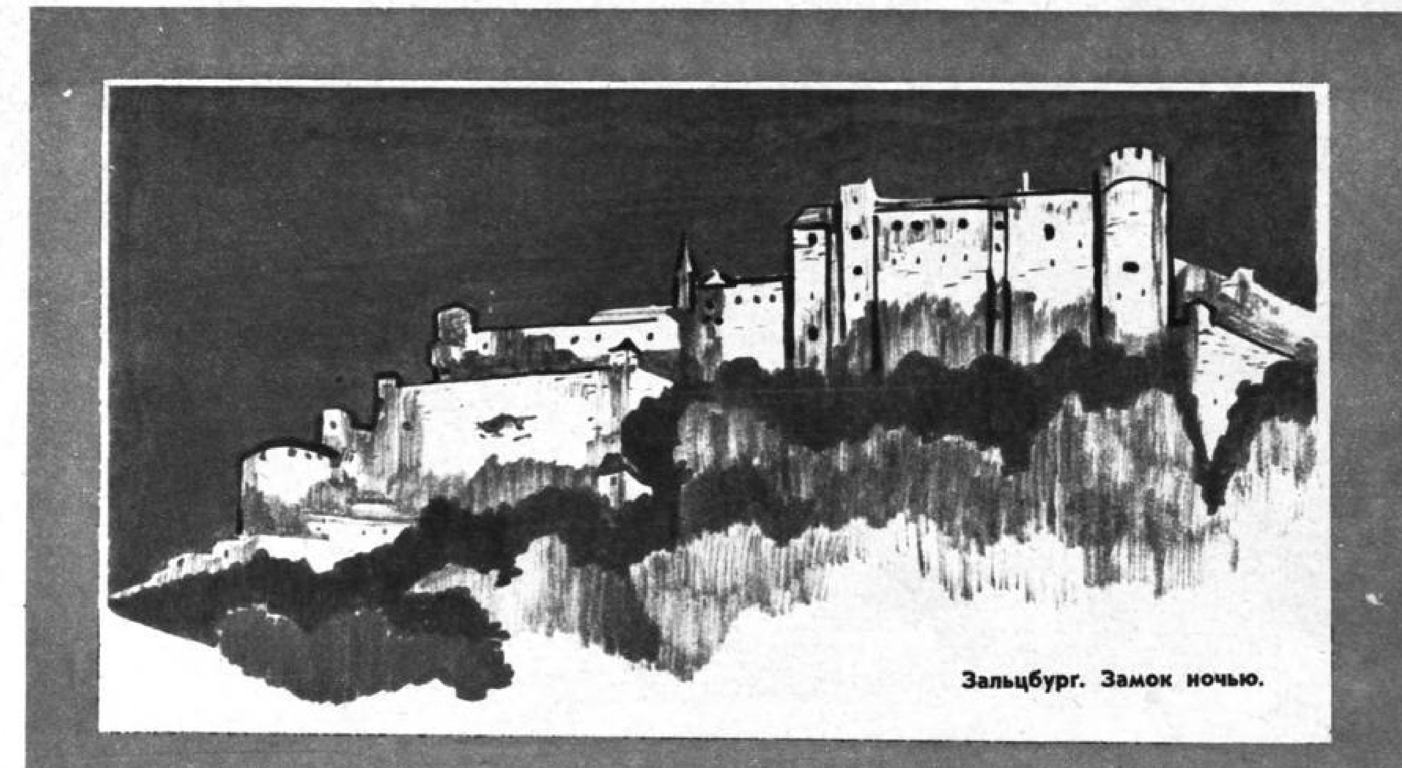

Вена. Новый район.

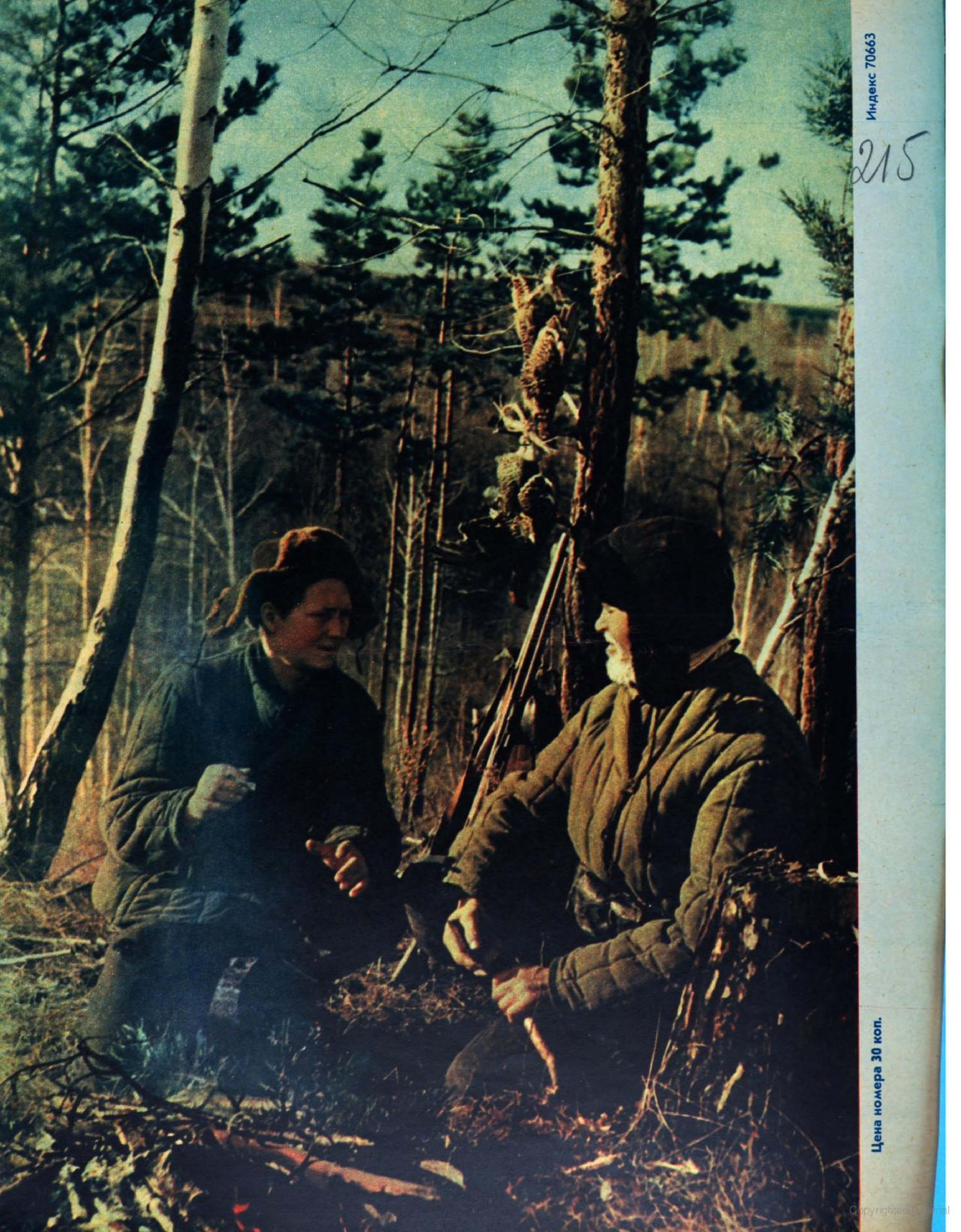

Инсбрук. В старом городе.

Вена. Памятник принцу Евгению.

Вена. Собор св. Стефана.

Фельдшер Франц Штейнрудер.

Зальцбург. Замок ночью.

Индекс 70663
Цена номера 30 коп.